

2024 | Том 16 | № 4

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2024
Т. 16
№ 4

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

Тематический выпуск

ЭКОНОМИКА

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ЭКСКЛАВНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БФУ

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2024 || **Том 16** || **№ 4**

К 75-ЛЕТИЮ Г. М. ФЕДОРОВА

Тематический выпуск

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2024

12+

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2024
Том 16
№ 4

Калининград :
Издательство БФУ
им. И. Канта, 2024.
190 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>

© БФУ им. И. Канта, 2024

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Т. Ю. Кузнецова*, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Крепинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *Ф. Лебарон*, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *П. Оппенхаймер*, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 16.12.2024 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии

Дружинин А. Г., Каледин Н. В., Клемешев А. П. Профессор Геннадий Михайлович Федоров: научные интересы и достижения, сила и обаяние личности 4

Экономика

Кропинова Е. Г., Шаститко А. Е. Доказательность в экономической политике на региональном уровне 12

Волошенко К. Ю. Экономическая безопасность как фактор экономического развития российского эксклава в национальных интересах 31

Варнавский В. Г. Структурные сдвиги во внешней торговле стран Балтии 51

Развитие сельских территорий

Костяев А. И., Никонова Г. Н. Особенности и тенденции дифференциации сельского пространства Северо-Запада 72

Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. Комплексная типология сельских населенных пунктов Калининградской области 100

Морачевская К. А., Лыжина Е. А., Себенцов А. Б., Карпенко М. С. Адаптация территориальной организации сельского хозяйства периферийного региона к деятельности агрохолдингов 121

Международные отношения

Жуковский И. И. Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе 145

Эксклавные территории

Лялина А. В., Плотникова А. П. Миграционная типология прибрежных эксклавов мира 161

От редакционной коллегии

ПРОФЕССОР ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ФЕДОРОВ: НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ДОСТИЖЕНИЯ, СИЛА И ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ

А. Г. Дружинин

Н. В. Каледин

А. П. Клемешев

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-0

Заслуженный деятель науки России, доктор географических наук, профессор Геннадий Михайлович Федоров, безвременно ушедший от нас в расцвете творческих сил в год своего 75-летнего юбилея, — уникальный феномен российской общественно-географической науки и образования, имеющий общероссийское и международное признание. В силу многогранности и продуктивности научно-образовательной и организационной деятельности Г. М. Федоров, безусловно, входит в число выдающихся российских географов-обществоведов, став создателем уникальной калининградской научно-образовательной школы, а также одним из наиболее активных интеграторов общественной географии не только на Северо-Западе России, но и в евразийском пространстве.

Вклад Г. М. Федорова в отечественную общественно-географическую науку фундаментален и неоспорим. Научное наследие профессора Федорова включает и полномасштабные геодемографические исследования, и анализ тенденций и приоритетов развития Калининградской области, ставшей с начала 1990-х гг. регионом-эксклавом, и работы по изучению трансграничной регионализации на Балтике, особенно актуализированные в геоэкономических и геополитических изменениях конца XX — начала XXI в., и цикл публикаций, посвященных учету проекции «фактора моря» на социально-экономическую динамику территорий, и вопросы социально-экономической резистентности территорий к внешним и внутренним вызовам, а также целый ряд иных значимых сюжетов. Все эти работы Геннадия Михайловича носили во многом пионерный характер, отличаясь сочетанием инструментально выверенных подходов с высокой степенью практикоориентированности, нацеленности на решение насущных управленческих задач, равно как и на формирование современной, внятной и реалистичной географической картины мира.

Фундамент многогранного и плодотворного творческого пути Г. М. Федорова был заложен в Ленинградском государственном университете — учебой первоначально в университетской школе-интернате с физико-математической и химико-биологической специализацией (ФМШ № 45, предшественницы современной Академической гимназии СПбГУ), а с 1967 г. — на географическом факультете

Для цитирования: Дружинин А. Г., Каледин Н. В., Клемешев А. П. Профессор Геннадий Михайлович Федоров: научные интересы и достижения, сила и обаяние личности // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 4–11. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-0

ЛГУ, где со второго курса Г. М. Федоров специализировался по кафедре экономической географии, которую возглавлял профессор и декан Б. Н. Семевский. Главные научные интересы Геннадия Михайловича как студента сформировались научными руководителями, признанными авторитетами в области географии населения доцентом (впоследствии профессором) А. А. Анохиным и профессором Н. Т. Агафоновым, у которых Геннадий Михайлович писал курсовые и дипломную работу. До конца жизни он считал их своими учителями и поддерживал с ними отношения.

Особое значение для формирования Г. М. Федорова как исследователя имело взаимодействие со студенческими лет с лабораторией географии населения и демографии Научно-исследовательского географо-экономического института (НИГЭИ) ЛГУ, руководителями которой были профессора Н. Т. Агафонов и С. Б. Лавров и которая была одним из ключевых центров в СССР по исследованиям в указанной области, но специализировалась первоначально на проблематике Северо-Западного региона. Лаборатория была естественной базой формирования тем курсовых и дипломных работ студентов, в том числе Г. М. Федорова, заинтересовавшегося географо-демографической проблематикой данного региона, ставшей постоянным объектом его студенческих, а затем и аспирантских исследований. Такой устойчивый интерес был обусловлен прежде всего его любимой «малой родиной» — Новгородской областью, где он вырос и жили его семья и родственники.

После окончания кафедры в 1972 г. и аспирантуры в 1975 г. Г. М. Федоров начал работать в Калининградском государственном университете в должности ассистента кафедры экономической географии, которую возглавлял пригласивший его учитель и научный руководитель в аспирантуре профессор Н. Т. Агафонов. Это сотрудничество предопределило всю последующую многолетнюю плодотворную научно-образовательную деятельность Г. М. Федорова на всех должностях вузовской иерархии, как преподавательской (доцент, профессор), так и административной (заведующий кафедрой, проректор по научной работе, ректор университета).

Восприняв и развив идеи и подходы своего научного руководителя, Г. М. Федоров уже в 1977 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области». Демографическая тематика (в ее экономико-географических аспектах) и далее неизменно привлекала его, оставалась стержневой, что воплотилось в серии публикаций, включая две солидные, получившие позитивный резонанс в исследовательском сообществе монографии: «Федоров Г. М. Геодемографическая обстановка: Теоретические и методические основы / под ред. Н. Т. Агафопова. Л.: Наука, 1984. 112 с.» и «Федоров Г. М. Геодемографическая типология / под ред. Н. Т. Агафопова. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. 152 с.». Их ключевой новацией стала разработка представлений о **геодемографической обстановке** и множественности предопределяющих ее селитебных, хозяйственных, экологических и иных факторов. Это позволило Г. М. Федорову в 1987 г. защитить в Ленинградском государственном университете докторскую диссертацию «Научные основы концепции геодемографической обстановки» (в обобщенном виде, но с тем же названием эта работа была опубликована в 1991 г. в качестве самостоятельной монографии).

Приверженность геодемографическому направлению исследований (во многом им же и сформированном) Геннадий Михайлович сохранял все последующие годы. Его производной в дальнейшем стала **«сельская тематика»** (а именно в сельской местности России вопросы демографии наиболее актуализированы), развиваемая Г. М. Федоровым на основе строго выдерживаемых географических подходов (включающих территориальность, комплексность, детализированный учет факторов развития на региональном и локальном уровнях). Итогом этих работ стала серия статей в ведущих журналах, а также две концептуальные, информационно

насыщенные монографии: «Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 215 с.» и «Повышение ценности сельской местности в России: опыт и пути внедрения социальных инноваций в Калининградской области: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. 253 с.».

Наряду с геодемографией и ее аппликацией в сферу изучения сельских территорий в сфере научных интересов Г. М. Федорова неизменно присутствовала и **краеведческая тематика**, включающая широкий круг вопросов социально-экономической географии Калининградской области. Существенно и ценно то, что Геннадий Михайлович не ограничивался при этом решением сугубо академических задач, уделяя равно значимое внимание как взаимодействию с органами государственной власти (в сфере стратегирования социально-экономического развития региона и его муниципальных образований), так популяризации и тиражированию генерируемого им географического знания. Так, в 1982 г. выходит его ставшая широко известной и востребованной книга для школьников «Знаете ли вы Калининградскую область?» (переизданная в 2006 и 2009 гг.). Наряду с этим за весомый вклад в разработку «Территориальной комплексной схемы градостроительного развития территории Калининградской области» профессор Федоров в 2004 г. был удостоен Первой премии Госстроя РФ (в составе коллектива авторов).

С начала 1990-х гг. Калининградская область превращается в российский эксклав (обретая тем самым уникальные характеристики и проблемные ситуации). Подобная геополитически обусловленная метаморфоза потребовала к региону особого, сфокусированного внимания как федеральных структур, так и исследовательского сообщества, равно как и выработки специфических подходов и мер в области обеспечения устойчивости социально-экономического развития территории. Одной из таких мер, наиболее значимых, согласно идеям Г. М. Федорова, его сподвижников и учеников, способно стать превращение Калининградской области в ключевой на Западе России коммуникационный коридор, в «регион сотрудничества», «остров сотрудничества», чья позитивная перспектива тесно увязывалась бы с процессом трансграничной интеграции на Балтике, с формированием особой международной социально-экономической целостности — Балтийского региона. В этом концептуальном русле, в существенной мере благодаря научной позиции и творческой активности Г. М. Федорова, сформировалось **российское балтиковедение**, а Калининград стал одним из ведущих, наиболее продуктивных его центров. В развитие данного направления по инициативе Г. М. Федорова и при его соавторстве в 2008 г. появилась книга «Россия на Балтике: 1990—2007 годы», в обновленном варианте переизданная в 2013 г. Также разрабатывалось (в том числе в партнерстве с коллегами из Польши, Литвы, Германии) представление о Балтийском регионе, его границах, структуре, хозяйственной, селитебной и геополитической специфике. В русле балтийских исследований развивалось (адаптированное к Калининградской области) понимание феномена **трансграничности и трансграничной регионализации**. Прикладной аспект этой тематики оказался тесно связан с попытками конструирования (в формате «еврорегионов») эффективных пространственных структур российско-польского и российско-литовского при- и трансграничного сотрудничества.

Приоритетное внимание к общественно-географическим структурам и процессам в пределах Балтийского региона способствовало возобновлению интереса Г. М. Федорова к **морской тематике** (первая статья на эту тему «Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана» опубликована Геннадием Михайловичем в соавторстве с видным российским экономико-географом

профессором В. В. Покшишевским еще в 1988 г.). Возросшему вниманию Г. М. Федорова к данной теме благоприятствовало и его значимое участие в финансируемом Российским научным фондом (РНФ) проекте «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий Европейской России» (2015—2017). Другой крупный (также поддержанный РНФ) проект, реализуемый уже непосредственно в Балтийском федеральном университете под руководством Г. М. Федорова «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности» (2018—2020) позволил масштабно акцентировать поликомпонентный общественно-географический феномен **Западного порубежья России**, привлечь внимание к вопросам его экономической безопасности, стремительно актуализирующимся после 2014 г. в контексте меняющейся как на Балтике, так и в мире в целом геоэкономической и геополитической ситуации. Проведенные в этом направлении исследования воплотились в целом ряде книг: Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2019. 267 с.», «Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. 319 с.», «Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 232 с.», «Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожеиной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.» и др.

Последующие работы, посвященные западным (балтийским) регионам России в целом и Калининградской области в частности, были сориентированы профессором Г. М. Федоровым на ставшие в тот период мейнстримом для российской регионалистики вопросы **резистентности территории** к различного рода внешним шокам и вызовам. Взвешенная, базирующаяся на хорошо осмысленной аналитике научная позиция получила отражение во множестве оперативно издаваемых монографий и аналитических докладов: «Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя: монография. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.», «Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 183 с.», «Федоров Г. М., Волощенко К. Ю., Жданов В. П. Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области: аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. 2023. 72 с.», «Федоров Г. М., Новикова А. А. Реструктуризация внешних торговых связей Калининградской области (2014—2022): информационно-аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. 56 с.», «Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Россия на Балтике: 2014—2023 годы: монография. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. 136 с.», «Федоров Г. М. Россия на Балтике — 2023: информационно-аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта. 2024. 41 с.», «Федоров Г. М., Волощенко К. Ю., Михайлова А. А., Новикова А. А. Актуальные проблемы экономико-демографической, продовольственной, инновационной и внешнеэкономической безопасности Калининградского региона: аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. 111 с.» и др. Значительная часть этих работ выполнена в рамках еще одного возглавляемого Геннадием Михайловичем проекта РНФ «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления

геополитических противоречий», обосновывающего, в частности, необходимость развития более тесных связей Калининградской области с другими российскими субъектами, формирование многоотраслевого межрегионального пространственно распределенного кластера «Санкт-Петербург — Ленинградская область — Калининградская область».

Всего же авторству профессора Г. М. Федорова принадлежат более 600 научных и научно-популярных работ, опубликованных в том числе в таких статусных периодических изданиях, как «Regional Research of Russia», «Балтийский регион (Baltic Region)», «Полис. Политические исследования», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле», «Региональные исследования» и др. Труды Геннадия Михайловича, их идеи, положения, аналитика неизменно привлекают внимание, востребованы, очень хорошо цитируются.

Отвечая на вызовы меняющихся общественно-географических обстоятельств и креативно выстраивая исследовательскую траекторию возглавляемых им коллективов, профессор Г. М. Федоров последовательно и неустанно развивал оригинальную Калининградскую (Балтийскую) научную школу социально-экономической географии, ныне продуктивно действующую в стенах Балтийского федерального университета им. И. Канта. Обладая уникальными профессиональными компетенциями (будучи в общественной географии поистине «универсальным солдатом», способным практически все делать самостоятельно), Геннадий Михайлович неизменно формировал и расширял круг своих ближайших коллег и учеников, создав в Калининграде сильное и многочисленное профессиональное сообщество географов-обществоведов, регионалистов. При этом Геннадий Михайлович постоянно поддерживал деловые и дружеские контакты с широким кругом своих друзей и коллег из множества регионов России.

Особо тесными и продуктивными эти связи были с ленинградскими / питерскими коллегами, фактически заложив парадигму научно-образовательного сотрудничества двух университетских общественно-географических школ на разных уровнях — студенческом (летние выездные учебные практики питерских и калининградских студентов-географов-обществоведов в своих регионах), аспирантском (ежегодное поступление выпускников СПбГУ в аспирантуру БФУ им. И. Канта), научном (членство в специализированных диссертационных советах по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» в СПбГУ и Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, постоянное участие в оргкомитетах и программных комитетах университетских научных конференций, в рецензировании научных изданий, оппонировании кандидатских и докторских диссертаций и др.).

В 2007 г. во время визита в СПбГУ поддержку получило предложение Геннадия Михайловича о создании совместного с СПбГУ научного междисциплинарного двуязычного журнала «Балтийский регион», в редколлегию которого вошли представители двух университетов-соорганизаторов, а в дальнейшем НИУ Высшей школы экономики, Института географии РАН, Института Европы РАН и приглашенные коллеги из восьми университетов стран Балтийского региона. Первый выпуск журнала состоялся в 2009 г., и при фактическом руководстве Геннадия Михайловича он неуклонно наращивал свой научный престиж в отечественном и международном научном сообществе и стал важным интегратором общественно-географических исследований в России. Достаточно быстро журнал добился максимальных результатов в индексации среди научных изданий географического профиля, войдя в Russian Science Citation Index, ядро РИНЦ, в перечень ВАК, Emerging Sources Citation Index (с 2015 г.) на платформе Web of Science, Scopus Q1 (с 2018 г.), в китайский CNKI.

Постоянное внимание Геннадий Михайлович уделял и другим формам международного сотрудничества, ставшего одним из приоритетов его деятельности. Так, при его активном участии возглавляемая им кафедра и университет еще в середине 1990-х гг. включились в международную научно-образовательную программу «Балтийский университет» вузов Прибалтийских государств, инициированную Уппсальским университетом. Ее соорганизаторами от России были СПбГУ и БФУ им. И. Канта с их региональными отделениями программы, реализовывавшими совместные научно-образовательные проекты.

Безусловна и ключевая роль Геннадия Михайловича как интегратора университетов стран Балтики в исследовании разнообразной проблематики Балтийского региона, в особенности приграничного и трансграничного сотрудничества. Его любимым детищем стали проводимые БФУ им. И. Канта ежегодные Международные научно-практические конференции по данной проблематике, последняя из которых, восьмая, «Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества» прошла 16—18 октября 2024 г. и была посвящена памяти ученого как основателя этого движения.

Одним из перспективных проектов межуниверситетского сотрудничества БФУ им. И. Канта и СПбГУ, обсуждавшимся в 2020 г. в связи с подготовкой новой программы развития БФУ им. И. Канта, могла стать (но так и не оформилась) разработка совместной «флагманской» (в терминологии Геннадия Михайловича) междисциплинарной магистерской программы «Стратегическое и территориальное управление» (или с иным названием) на базе Института региональных исследований.

Как одну из любимых забот Геннадия Михайловича отметим также руководимую им аспирантскую программу «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география», крупнейшую по ежегодному приему и выпуску в России (!), объединившую молодых исследователей различных университетов, в том числе с участием географов-обществоведов из СПбГУ.

Г.М. Федоров стал (в 2010 г.) одним из соорганизаторов Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), был ее вице-президентом, одновременно возглавляя Калининградское региональное отделение АРГО. Он принимал активное участие в деятельности и модернизации Русского географического общества, являясь членом его Ученого совета и Комиссии по территориальной организации и планированию, а ранее — Совета по проблемам территориальной организации будучи, одну из научных сессий которого он успешно провел на базе БФУ им. И. Канта в конце 1980-х гг., «открыв» университет, Калининград и область для советских географов-обществоведов.

Сегодня профессиональное дело Геннадия Михайловича успешно продолжает созданный им коллектив географов-обществоведов калининградской университетской школы геодемографии и регионалистики, с уважением именуемый «федоровцами». Достойным продолжателем научно-образовательной деятельности Геннадия Михайловича стала его дочь — Елена Геннадиевна Кропинова, профессор БФУ им. И. Канта, признанный авторитет в области рекреационной географии и туризма, защитившая диссертацию на соискание доктора географических наук, как и ее отец, в СПбГУ.

Профессор Г.М. Федоров всячески развивал нашу науку, любил и ценил людей, которые его окружают, жил сильно, продуктивно и ярко. Таким мы все его знали. Эту память бережно сохраняем, продолжая его тематику, решая поставленные им исследовательские задачи, о чем свидетельствует в том числе и специальный выпуск журнала «Балтийский регион», подготовленный ближайшими коллегами Геннадия Михайловича, его сподвижниками и учениками.

Об авторах

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1436-7527>

Андрей Павлович Клемешев, доктор политических наук, профессор, президент, БФУ им. И. Канта, Россия.

E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6343-3263>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

Editorial

PROFESSOR GENNADY FEDOROV: LEGACY OF SCIENTIFIC EXCELLENCE AND PERSONAL MAGNETISM

=====
A. G. Druzhinin

N. V. Kaledin

A. P. Klemeshev

—
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-0

The authors

Prof Alexander G. Druzhinin, Director, North Caucasus Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Chief Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

To cite this article: Druzhinin, A. G., Kaledin, N. V., Klemeshev, A. P. Professor Gennady Fedorov: legacy of scientific excellence and personal magnetism, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 4–11. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-0

Dr. Nikolai V. Kaledin, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1436-7527>

Prof Andrei P. Klemeshev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6343-3263>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE
CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Е. Г. Кропинова¹
А. Е. Шаститко^{2, 3}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 46

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1

Поступила в редакцию 04.09.2024 г.

Принята к публикации 25.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-1

© Кропинова Е. Г., Шаститко А. Е., 2024

Переосмыслены подходы к выбору альтернатив регионального развития с позиции как предложенных ранее, так и новых возможностей, связанных с политикой в отношении регионов, претерпевающих наибольшие сложности с адаптацией к новым геоэкономическим условиям. Основа для переосмысления подходов — применение методологии сравнительного анализа дискретных структурных (институциональных) альтернатив как необходимого компонента обеспечения доказательности в выборе инструментов экономической политики наряду с другими применяемыми инструментами научных исследований. Наиболее отчетливо и последовательно варианты развития — структурные альтернативы — одной из самых сложных с точки зрения географической обособленности и исторической ретроспективы субъекта Российской Федерации — Калининградской области — представлены в работах Г. М. Федорова. Объяснена целесообразность при разработке сценариев развития самого западного субъекта Российской Федерации опираться на идеи регионального, пространственного экономического развития Калининградской области, нашедшие отражение в работах профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта и его соратников за период с 1991 по 2023 г. Основным достоинством данных исследований считаем тот факт, что они представлены через призму междисциплинарного дискурса, в котором со стороны экономической науки задействованы концепции из новой институциональной экономической теории. Раскрыты основные идеи, заложенные в концепции геодемографической обстановки, «матрицы Федорова» (структурные альтернативы развития Калининградской области), пространственно распределенных кластеров. Описана эволюция режима регулирования экономической деятельности в регионе, прослеженная на трех стратегиях развития Калининградской области, проанализированных Г. М. Федоровым, и сделан вывод, с одной стороны, о востребованности инструментов промышленной политики для развития экономики региона, с другой — о недостаточной эффективности их применения. На примере планирования пространственно распределенного туристско-рекреационного кластера оценена реалистичность прогнозов Г. М. Федорова, представленных в его работах.

Ключевые слова

региональная экономика, стратегии развития, геодемографическая обстановка, дискретные структурные альтернативы, кластеры, туризм, мастер-планирование, Калининградская область

Для цитирования: Кропинова Е. Г., Шаститко А. Е. Доказательность в экономической политике на региональном уровне // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 12–30. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-1

Введение

Применение принципа доказательности в экономической политике — один из способов реабилитации экономической науки в публичном дискурсе. Проблема невысокого уровня доверия к экономическим исследованиям была подмечена и обсуждалась, например, в работе А. Банерджи и Э. Дюфло «Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности» [1, с. 16—17], где была признана также сложность задачи по исправлению ситуации. Отчасти это было связано с тем, что многие экономические теории «не дружили» с фактами. Но и это только часть проблемы. Несмотря на всю очевидность данного принципа — обеспечения доказательности в принятии решений в области экономической политики — реализовать его оказывается не так просто. Действительно, как принимать решения, когда данные, факты ему противоречат? На каком основании и что можно и нужно прогнозировать в терминах ожидаемых эффектов применяемых мер экономической политики? А что если оценки не вполне согласуются с выбранными приоритетами?

Данные вопросы вполне могут быть отнесены и к исследованию актуальных проблем социально-экономического развития в междисциплинарном дискурсе, причем не только на наднациональном, национальном, но и на региональном уровне. В рамках данной статьи мы предлагаем взгляд на проблематику применения принципа доказательности экономической политики в контексте междисциплинарного дискурса.

После погружения в контекст обозначенной проблематики мы покажем один из важнейших методологических принципов в исследованиях и экспертной деятельности, которым руководствовался Г. М. Федоров и который хорошо помещается в сферу междисциплинарного дискурса в свете возможностей применения концепций из новой институциональной экономической теории к обсуждению вариантов определения статуса, перспектив и механизмов развития Калининградской области. Особого внимания заслуживает вопрос о режимах регулирования экономической деятельности в Калининградской области в последние 35 лет.

Контекст

В период распада Советского Союза и перехода к рыночным отношениям на рубеже 1990-х гг. обострились вопросы относительно перспектив развития отдельных регионов, входивших в состав Российской Федерации. Не стала исключением и Калининградская область. Более того, в силу непростой истории этого края исследование возможностей, ограничений, сценариев развития Калининградской области представляло особый интерес, особенно для специалистов в области региональной экономики. При этом речь шла как о региональной экономике в целом, так и ее отдельных отраслях. Дискуссии, начавшись на рубеже 1990-х гг., продолжают до сих пор. Причина не только в историческом контексте, но и в череде событий, которые произошли менее чем за тридцать пять лет.

Обсуждение проблематики регионального развития далеко не всегда было основано на знании фактических обстоятельств понимания происходящего. Данная проблема особенно остро ощущалась применительно к Калининградской области, поскольку решения по многим важным вопросам развития региональной экономики принимались в федеральном центре, тогда как знания, которые необходимы для выработки такого рода решений, были в остром дефиците. Отчасти это было обусловлено особым статусом Калининградской области в советский период, въезд на территорию которой был ограничен даже для граждан СССР. Более того, в силу

драматических изменений демографической ситуации в данном регионе в конце 1940 — начале 1950-х гг., а также его геополитического позиционирования особенно важными были исследования, которые проводились на стыке вопросов особенностей географического положения региона, демографической ситуации, условий социально-экономического развития.

Между тем запрос на комплексность прикладных исследований, всестороннее понимание проблематики развития российского региона, в начале 1990-х гг. ставшего российским полуанклавом для ЕС и эксклавом для России¹, усиливался. Объективно это было обусловлено, с одной стороны, настоятельной потребностью выстраивания отношений с государствами Балтийского региона, особенно граничащими с Калининградской областью, с другой — ограниченностью финансовых ресурсов, которые могли быть выделены на выбранные приоритеты развития федеральным центром в рамках применения инструментов промышленной политики в отдельно взятом регионе. Ведь даже Федеральная целевая программа ОЭЗ в Калининградской области на 1998—2005 гг.² была профинансирована лишь на 3 % [2].

Для оценки эффектов режима особой экономической зоны, вероятно, количество затраченных ресурсов важно, но не столь показательно. «Развитие области в гораздо большей мере определяется факторами, которые являются международными по своему содержанию: условиями транзита грузов через территорию иностранных государств, визовым режимом сопредельных стран, экономической политикой и состоянием рынка товаров и услуг в Центральной Европе» [3, с. 2]. Например, именно «покровительственная по отношению к калининградскому направлению тарифная политика российских железных дорог в 2001—2003 гг.» позволила в значительной степени снизить дополнительные расходы на транзит грузов через территорию Литовской Республики [4, с. 5]. Вместе с тем в качестве одной из причин, не позволившей полноценно использовать режим СЭЗ-ОЭЗ до принятия новой редакции закона об ОЭЗ в 2006 г., стало то, что не были обеспечены предусмотренные законом об ОЭЗ льготное налогообложение инвестиций и гарантии иностранных инвестиций в виде залога имущества Калининградской области [4].

В связи с этим стоит напомнить, что инструменты промышленной политики, к которым относятся особые экономические зоны, предполагают не только выделение ресурсов, но и создание эффектов наделенности ресурсами [5; 6] за счет особых условий хозяйствования без прямой передачи ресурсов в виде грантов, разного рода субсидий. Некоторые из инструментов, не предполагающие передачи государственных ресурсов частным компаниям, могут оказаться не менее, а в ряде случаев более, эффективными. Один из известных примеров — создание в России в начале первого десятилетия XXI в. масштабного производства труб большого диаметра (ТБД) для строительства магистральных трубопроводов, в первую очередь газопроводов в рамках инфраструктурных проектов ПАО «Газпром», а также международных проектов «Северный поток», «Северный поток-2», «Турецкий поток». Для этого не потребовалось ни рубля из государственного бюджета, но лишь гарантии относительно будущего спроса на трубы и временные преференции по отношению к импортным ТБД [7].

¹ В отличие от анклав полуанклав имеет выход к морю.

² О Федеральной целевой программе развития Особой экономической зоны в Калининградской области на 1998—2005 годы, Постановление Правительства РФ от 29.09.1997 г. № 1259 (ред. от 31.12.1999), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16494/ (документ утратил силу в 2001 г.) (дата обращения: 28.07.2024).

В значительной мере запрос на комплексность оценки текущей ситуации и перспектив развития Калининградской области удовлетворялся благодаря активной вовлеченности в общественную дискуссию группы исследователей во главе с Г. М. Федоровым. Работы с его участием охватывают практически весь спектр значимых вопросов социально-экономического развития региона: начиная с географических, демографических аспектов и заканчивая развитием отдельных отраслей. Особенно важным с учетом исторического контекста был выбор методологической основы исследований и рекомендаций по их результатам, ядром которой стала теория геодемографической обстановки (ГДО), разработанная Г. М. Федоровым [8; 9].

Особенностью концепции ГДО, предложенной Г. М. Федоровым, является учет факторов как системного, так и ситуационного характера. При этом если первые (системные) являются внутренними, обусловленными демографическими процессами, фиксируемыми в статистических данных о населении (рождаемость, смертность, миграция и др.), то ситуационные как раз представлены внешними (преимущественно социально-экономическими) факторами (влияние которых может исходить как из территориальной социально-экономической системы (ТСЭС), внутри которой протекают данные процессы, так и из внешних ТСЭС посредством экономико-, расселенчески-, социально- и эколого-демографических связей. «ГДО имеет двойную сущность: системную и геоситуационную. Как геоситуация ГДО показывает наличие внешних причин, а как система содержит относительную устойчивость состояния, возможности саморазвития», отмечал Г. М. Федоров в автореферате докторской диссертации¹.

Данная концепция как нельзя лучше подходила для стратегирования региона, в формировании и функционировании которого геополитические, геоэкономические и демографические факторы играли (и продолжают играть по сей день) ключевую роль, поскольку обеспечивала «комплексное изучение региональных особенностей демографических процессов в их обусловленности как внутренними (демографическими), так и внешними (экономическими, расселенческими, социальными, этническими, экологическими, политическими) факторами» [10, с. 8].

Еще задолго до распространения в российском научном дискурсе понятия «устойчивое развитие» теория ГДО в значительной степени отвечала положениям концепции устойчивого развития. Неслучайно уже почти через 20 лет после разработки научных основ концепции ГДО Г. М. Федоров отмечал: «То, что называется устойчивым развитием, — динамичное и сбалансированное развитие региона — как раз и характеризуется не столько экономическими или социальными показателями, сколько геодемографическими» [10, с. 10]. К сожалению, до сих пор геодемографическая составляющая часто «выпадает» из стратегий устойчивого развития регионов, в которых основной упор делается на экономические показатели развития. Однако поскольку меры социально-экономического развития регионов прежде всего нацелены на улучшение жизни людей, которое выражается через качество населения, то качество населения — это и результат, и своего рода индикатор проводимых социально-экономических преобразований. Неслучайно именно качество населения выделено Г. М. Федоровым как наиболее общая категория геодемографической обстановки [9].

В обсуждении всех вопросов, затрагиваемых в исследованиях Г. М. Федорова, прослеживается важный принцип — отсутствие идеализации желаемого на осно-

¹ Федоров, Г. М. 1987, Научные основы концепции геодемографической обстановки, авторефер. дис. ... д-ра геогр. наук, Ленинград, с. 9.

ве фактического признания несовершенства любого из реалистичных вариантов и вместе с тем на основе сравнения доступных вариантов — выбор предпочтительного.

Следование такому принципу особенно важно в рамках новой институциональной экономической теории [11—13], систематическое применение инструментов которой для обсуждения структуры, возможностей и ограничений развития экономики региона все еще ждет своего часа. В данной статье мы обсуждаем вопросы развития экономики Калининградской области с применением некоторых элементов исследовательского подхода, принятого в новой институциональной экономической теории.

Наиболее общим следует считать вопрос о выборе статуса данного региона, в обсуждении которого Г.М. Федоров принимал участие с начала 1990-х гг. [14—18]. На основе обсуждения данного вопроса мы и предложим наше понимание возможностей применения методологии институционального анализа. Далее мы даем более подробное объяснение и описание принципов, которые были в основе исследований, проводимых Г.М. Федоровым в свете эволюции режима регулирования хозяйственной деятельности в экономике региона.

Структурные альтернативы определения статуса Калининградской области

«Визитной карточкой» новой институциональной экономической теории является сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив в отличие от предельного анализа, который ориентирован на выявление условий оптимального размещения ресурсов, соответствующее также условиям максимизации прибыли и полезности участвующих в обменах субъектов [12; 19; 20]. В отличие от континуума количество структурных альтернатив всегда конечно (и более того — вполне обозримо), что особенно важно для исследований, имеющих прикладное значение, результаты которых могут быть использованы для принятия как регулирующих решений, так и решений в сфере бизнеса.

В числе наиболее известных в институциональных исследованиях структурных альтернатив — механизмы координации¹ [19; 20], режимы собственности² [21], способы интернализации внешних эффектов³ [22]. Важность данного метода состоит в том, что в его рамках очевидна недостижимость наиболее привлекательного и, возможно, наиболее желаемого состояния вещей, так как обещает «все и сразу». В несовершенном мире выбирая что-то важное вместе с тем приходится от чего-то

¹ Механизмы координации предметно исследуются в экономической теории трансакционных издержек как в одном из направлений новой институциональной экономической теории. Вслед за О. Уильямсоном обычно выделяют три базовых варианта организации транзакций: механизм цен, иерархию и гибриды [19; 20].

² В экономической теории прав собственности исследуют четыре базовых режима: открытый доступ, коммунальная, частная и государственная собственность. Причем, что важно, режим собственности может не совпадать с формой собственности. У них могут быть лишь похожие названия. Формально, как отмечают Л. Дж. Алстон и соавторы (1995), ресурс может быть в государственной собственности, но использоваться в режиме свободного доступа или даже в режиме частной собственности [21].

³ Внешние эффекты — не отраженные в системе цен выгоды и издержки — одна из наиболее известных форм проявления сбоев в механизмах координации, что дает основание ставить вопрос о вариантах корректировки данного механизма. В числе таких вариантов находятся не только компенсирующие данный сбой регулирующие меры (самая из известных — налог / субсидия Пигу), повышение степени совершенства собственно механизма цен, но и, о чем часто забывают, сохранение статус-кво [22].

отказываться. Другое дело, что ценность того, от чего приходится отказываться, совсем необязательно должна превышать ценность выбранного варианта. Как раз наоборот! Но для реализации данного принципа нужно хорошо знать детали, из которых складывается картина целого. Неслучайно, в стратегиях социально-экономического развития в последнее время разработчики уходят и от временных вариантов планирования (кратко-, средне- и долгосрочное), и от классических (оптимистичный, пессимистичный, реалистичный) и все больше останавливаются на планировании в рамках базового, оптимистичного и целевого сценариев развития. При этом целевой сценарий, как показывает практика, ориентируется на достижение не конкретных целей, отвечающих первостепенным задачам отдельно взятого региона, а, например, обозначенных в Государственных программах в целом.

Обсуждение структурных альтернатив определения статуса Калининградской области и связанных с ним вариантов социально-экономического развития предполагает вычленение таких характеристик региональной политико-экономической системы, совокупности которых в сравнении друг с другом выглядели бы как взаимоисключающие. Наиболее полный набор структурных альтернатив был представлен Г. М. Федоровым в ряде работ (в том числе выполненных в соавторстве) [3; 14; 18]. Эти альтернативы (в той или в иной мере представленные в публикациях как российских, так и зарубежных исследователей в 1990—2000-х гг.) систематизированы в «матрице Федорова» — аналитической рамке, позволяющей исследовать возможности, перспективы и сценарии развития Калининградской области через призму дискретных структурных альтернатив, каждая из которых специфицируется на основе двух базовых характеристик — политических и экономических правил, формирующих институциональные рамки функционирования и развития региональной экономики (табл.). Фактически мы имеем дело с политико-экономическим подходом к обсуждению вопросов регионального развития через призму инструментария, который по-разному обозначается в рамках общественных научных дисциплин, но вместе с тем указывает на значительный потенциал междисциплинарного взаимодействия.

Матрица Федорова

Политика	Экономика			
	1 Регион, зависящий от федеральных дотаций	2 Обычный для регионов РФ режим хозяйствования	3 Особая экономическая зона	4 Выход из экономического пространства РФ
А: федеральная территория, управляемая из Центра	A1	A2	A3	A4
Б: обычная область, субъект РФ	B1	B2	B3	B4*
В: особый политический статус	V1	V2*	V3	V4
Г: независимое государство	G1*	G2*	G3*	G4

*Нереализуемые в принципе варианты.

Источник: [23, с. 11].

Хотя методологически этот подход — построение матрицы структурных альтернатив — можно считать универсальным, но конкретное наполнение требует глубо-

кого понимания специфики исследуемого региона. В «матрице Федорова» насчитывается 16 вариантов. Причем, что важно отметить, с точки зрения прикладной значимости данной разработки некоторые структурные альтернативы признаны нереализуемыми, нежизнеспособными в силу несовместимости правил, регламентирующих политический статус региона и экономических правил, определяющих режим регулирования хозяйственных связей внутри региона и с сопредельными территориями (в том числе и зарубежными), в их числе варианты Г1-Г3, Б2 и Б4. Фактически в этой матрице реализован принцип слабой формы отбора как один из фундаментальных в сравнительном анализе дискретных институциональных альтернатив [19; 20]: нормативные выводы можно делать только на основе сравнения достижимых, реализуемых альтернатив, а их в матрице 11. Попадание в матрицу выбора недостижимой альтернативы (иногда идеального и потому желаемого положения вещей) может приводить к ошибкам в принятии решений с тяжелыми последствиями.

На момент разработки данной матрицы статус Калининградской области определялся структурной альтернативой Б3: обычная область, субъект РФ; особая экономическая зона. В настоящее время данную матрицу можно было бы дополнить еще одной составляющей, создающей дополнительные условия для социально-экономического развития региона (прежде всего за счет привлечения зарубежного бизнеса и инвестиций, в том числе с российскими «корнями», из иностранных юрисдикций¹): создание на территории Калининградской области специального административного района (САР) на острове Октябрьском (входит в состав городского округа Калининград)².

Специальные административные районы созданы в России в 2018 г. в качестве альтернативы зарубежным офшорам. Для резидентов САР действуют налоговые льготы и ряд других преференций³. Создание САР — также ответ на изменения систем налогообложения в зарубежных офшорах, связанных с прекращением действия в РФ соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН). Введенные санкции в отношении российских компаний, ведущих деятельность за рубежом, стали дополнительным стимулом их перерегистрации на территории обозначенных в Федеральном законе офшорных зон (остров Октябрьский в Калининградской области и остров Русский в Приморском крае). Например, только за прошедший период 2024 г. резидентов на острове Октябрьском стало на 23 % больше, и их сейчас 327 (для сравнения: по состоянию на 31 мая 2024 г. в реестре резидентов ОЭЗ в Калининградской области насчитывается триста пятнадцать действующих инвестиционных проектов).

С декабря 2023 г. к обозначенным ранее условиям регистрации и ведения бизнеса на территории САР появились дополнительные возможности получения максимального льготного режима хозяйствования, инициированные группой российских

¹ Специальные административные районы, *Министерство экономического развития Российской Федерации*, URL: https://economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/specialnye_administrativnye_rayony/ (дата обращения: 28.07.2024).

² О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края, Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ (ред. от 04.08.2023), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304082/ (дата обращения: 28.07.2024).

³ Число резидентов САР с начала года увеличилось на треть, 15.07.2024, *СБЕР. Про*, URL: <https://sber.pro/publication/chislo-rezidentov-sar-s-nachala-goda-velichilos-na-tret/> (дата обращения: 28.07.2024).

сенаторов¹. Согласно поправкам в Налоговый кодекс, закрепленными ФЗ-595 от 19.12.2023 г., компании в русских офшорах смогут внести непосредственно в бюджет Калининградской области или Приморского края 300 млн руб., которые регионы-реципиенты смогут потратить на инфраструктурные проекты². Это особенно актуально в свете развития приоритетных для региона отраслей, которые смогут определять региональные органы власти³. Насколько компании захотят воспользоваться максимальными льготами — покажет время, но рост числа компаний и до введения данного закона уже показал, что основной стимул регистрации в САР — это желание избежать политических рисков и связанных с ними организационно-экономических сложностей ведения бизнеса за рубежом.

Разумеется, выбор каждой из альтернатив сопряжен как с выигрышами, так и с потерями (издержками), рисками. Более того, указанные выгоды, издержки и риски так или иначе распределяются между различными группами интересов, что определяет направленность их действий в части поддержки, неприятия или нейтрального отношения к выбору той или иной альтернативы. Конечно, не всегда ожидаемое и даже фактическое распределение очевидно, что вполне совместимо с сосуществованием различных, конфликтующих друг с другом теорий, основанных на фрагментарной и некорректной информации. Вот почему принципиально важным моментом в сравнительном анализе структурных альтернатив являются исследования, направленные на получение знаний фактических обстоятельств, с одной стороны, и понимание тенденций изменений (необязательно только развития) — с другой.

Даже если определена структурная альтернатива и она воспроизводится как статус-кво, все равно есть необходимость расшифровки ее наполнения — варианта институционального выбора. В этой связи ключевой вопрос — эффекты применения механизма особой экономической зоны. В зависимости от результатов его исследования мы можем получить ответ и на другой, еще более чувствительный вопрос: была ли (и стала ли) Калининградская область регионом экономического роста, или же режим особой экономической зоны маскировал поддержание за счет ресурсов федерального центра бесперспективную периферию.

Исследования Г. М. Федорова показывают, что у экономики Калининградской области есть значительный потенциал развития, причем развития, основанного на внутренних, региональных, в том числе территориально-специфических, источниках. Однако для того чтобы его раскрыть, необходимо было создать ряд условий, которые позволили бы преодолеть ограничения, возникшие в прошлом⁴ [24; 25].

¹ В том числе А. В. Шендерюком-Жидковым, заместителем председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам, представляющим Калининградскую область в Совете Федерации.

² О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 9 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 2, Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 595-ФЗ, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464781/ (дата обращения: 28.07.2024).

³ Бизнесу в русских офшорах предложили пожертвовать деньги регионам в обмен на льготы. 5 декабря 2023 г., 05.12.2023, *Forbes.ru*, URL: <https://www.forbes.ru/finansy/501853-biznesu-v-russkih-ofsorah-predlozili-pozertvovat-den-gi-regionam-v-obmen-na-l-goty> (дата обращения: 28.07.2024).

⁴ Среди работ, посвященных поиску путей развития региона, есть и такие, которые изучают так называемый «эффект колеи» — концепцию, показывающую, как прошлое влияет на настоящее и будущее. Эти работы (см., например, публикации Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова [24; 25]) могли бы быть полезными для обсуждения проблематики развития Калининградской области.

Косвенным подтверждением того, что с этой позицией согласны и те, кто принимает решения относительно построения режима регулирования хозяйственной деятельности на федеральном и региональном уровнях, служит широкое разнообразие применяемых инструментов — это не только механизм сначала свободной, а затем особой экономической зоны¹, но и специальный административный район, национальные проекты на региональном уровне, индустриальные (промышленные) парки, технопарки, кластеры, изучением результативности и эффективности которых занимались представители целых исследовательских институтов и научных школ: Н. В. Смородинская (2011) [26], О. В. Кузнецова (2016) [27], К. Н. Нилов (2018) [28], А. Б. Себенцов, М. В. Зотова (2018) [29], А. В. Стрельцов и Г. И. Яковлев (2018) [30], Л. Б. Вардомский (2022) [31] и др.

Результаты исследований на сравнительно длинном временном интервале (особенно в плане насыщенности разнообразными событиями, имеющими значение для регионального развития) показали, что Калининградская область, являясь «средняком» с точки зрения уровня и темпов развития российских регионов, вместе с тем характеризуется важными особенностями, среди которых — повышенная волатильность экономической динамики. В условиях экономического спада экономика региона демонстрирует результаты существенно хуже, чем в среднем по России, тогда как подъем обычно происходил более высокими темпами. Однако и структурные эффекты — в отраслевом разрезе — также имели значение [32–34].

При этом в одной из своих недавних работ Н. В. Зубаревич пишет о невозможности перехода регионов из категории «отстающих» в категорию «средняков» или из «средняков» в «лидеры», что указывает на наличие «ловушек» низкого и среднего уровней развития. Еще один оставшийся без конкретизации вывод — в исследуемом периоде происходит поляризация внутри самой многочисленной группы «средняков», включающей почти три четверти регионов [35]. О том, что Калининградская область относится как раз к такого рода «среднякам», позволяют судить данные статистики рассматриваемого периода [36; 37, с. 6, 8–9; 34, с. 25]. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на разностороннюю поддержку экономики региона, меры и механизмы, направленные на компенсацию ее неустойчивого геоэкономического положения, остаются недостаточно эффективными, чтобы вырваться из лидеры по уровню и долгосрочным темпам социально-экономического развития.

Режимы регулирования хозяйственной деятельности в Калининградской области в 1991–2022 годах

Структурные альтернативы, о которых шла речь в предыдущем разделе, имеют важное временное измерение, поскольку изменяющийся мир не оставляет неизменной и матрицу дискретных структурных альтернатив, включая и ту альтернативу, которая является актуальной (обладает свойствами статус-кво). Вот почему отдельный вопрос — эволюция режима регулирования экономической деятельности в обозначенный нами период. Эта эволюция прослеживается в работе Г. М. Федорова «Три стратегии развития Калининградской области (1991–2018 годы)», в которой выделены основные стратегии развития региона, одновременно и формирующие альтернативы регионального видения будущего (в рамках базовой варианта БЗ «матрицы Федорова»), и последовательно сменяющие одна другую с 1991 по 2018 г., а именно:

- особая (свободная) экономическая зона;
- регион сотрудничества;

¹ При этом особенность заключается в том, что в отличие от обычной практики целый регион был объявлен особой экономической зоной.

- международный коридор развития [38];
- пространственно-распределенные кластеры приоритетной специализации региона [34].

Механизмы Особой экономической зоны, введенные еще в 1996 г. (первый закон о Свободной экономической зоне «Янтарь»), хотя и меняющиеся с течением времени (в 2006 г. на смену закону о СЭЗ принимается федеральный закон об Особой экономической зоне¹), остаются актуальными и составляют ядро стратегий регионального развития и по настоящее время. Несмотря на некоторую критику в адрес концепции их использования как инструмента экономической политики [26], они призваны выполнять важнейшую для региона функцию компенсации эксклавно-го положения области — тем самым обеспечивая, по выражению Н. В. Зубаревич, геополитические текущие приоритеты региональной политики [39], что особенно актуально в современных геополитических и геоэкономических условиях. Параллельно с ними на централизацию работали и продолжают работать федеральные целевые программы (после 2013 г. — Государственные программы). Регион сотрудничества («остров» сотрудничества, площадка взаимодействия Россия — ЕС и др.) — стратегия, получившая развитие в конце 1990-х гг. в связи с Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (1997), утвержденная в 2003 г. как «Стратегия развития Калининградской области как региона сотрудничества»² (документ утратил силу в 2007 г.), с момента вступления приграничных с областью стран в НАТО ставшая нереалистичной.

Эксперты БФУ им. И. Канта еще до окончательного свертывания стратегии «региона сотрудничества» рассматривали вариант концепции «Большой Евразии» (в развитие продвигаемой на уровне правительств КНР и РФ идеи «Один пояс, один путь»). И здесь как нельзя лучше подходила концепция «коридора развития» (предложена Дж. Фридманом [40]), что было обусловлено географическим положением Калининградской области между регионами-ядрами, связь между которыми может обеспечиваться по морским путям. Реализация данной концепции стала возможной благодаря приморскому положению региона и работе «морского фактора» [41]. Уже сегодня мы видим реализацию данной стратегии «в действии», когда логистические компании предлагают калининградскому бизнесу новый вариант транспортировки грузов до/из Калининграда: из Китая (г. Шанхай) через Архангельск по Севморпути, далее железнодорожным транспортом до Санкт-Петербурга и затем морским путем до Калининграда (продолжительность 40—45 дней, что сопоставимо по времени с существующим вариантом через Индию и Суэцкий канал, но в современной геополитической обстановке является перспективным)³.

¹ Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2024), Федеральный закон от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ (ред. от 25.12.2023), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57687/ (дата обращения: 28.07.2024).

² О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года, Постановление администрации Калининградской области от 15.07.2003 г. № 392, *Электронный фонд правовых документов*, URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=126019878&backlink=1&&nd=126012532> (утратил силу в 2007 г.) (дата обращения: 28.07.2024).

³ Из выступления директора по логистике и развитию В. Фоминского, группа компаний «Новик» (с 2005 г. резидент ОЭЗ) на форуме «Восток» (г. Черняховск, 26.07.2024) ; По Севморпути запустили доставку из Китая в Петербург. Деловой Петербург: электронный новостной портал. 6 августа 2024 г. URL: <https://www.dp.ru/a/2024/08/06/dostavku-iz-kitaja-v-peterburg> (дата обращения: 08.08.2024).

Также есть новая, еще не оформленная в документ, но уже описанная профессором Г. М. Федоровым концепция формирования пространственно-распределенных кластеров, включающих хозяйствующие субъекты Калининградской области и Санкт-Петербурга с Ленинградской областью. Основываясь на концептуальных разработках проблематики кластеров [42], авторы разделяют мнение Г. М. Федорова с соавторами о том, что кластеры могут сформироваться прежде всего в судостроении, рыбопромышленном комплексе, IT-индустрии, автомобилестроении (с включением других субъектов РФ), в сферах образования, здравоохранения, туризма и рекреации [43]. В частности, кластеризация соответствует государственной политике в сфере туризма, поддерживающей развитие межрегионального туризма. В условиях географической реструктуризации внешних связей России балтийское побережье становится одним из приоритетных направлений развития отечественного туризма. Актуально формирование кластеров не только в границах соседних регионов, но и разделенных морскими акваториями. В качестве примера можно привести туристический маршрут «Серебряное ожерелье»¹, представляющий один из прототипов пространственно-распределенного кластера туристической специализации. При этом, несмотря на территориальную (заграничную) отделенность от других территорий-участников данного кластера, Калининград является вторым среди городов, входящих в данный маршрут, по динамике роста туристов после Санкт-Петербурга (+ 26 % в июне 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.)². Сам же Северо-Западный федеральный округ лидирует среди других федеральных округов по интенсивности как внутреннего, так и международного туризма [44]. Концепция пространственно-распределенного кластера хорошо вписывается в описанную выше стратегию «коридора развития» и в некоторой степени представляет собой ее дальнейший вариант. Наличие регулярного транспортного сообщения — значимый шаг в формировании устойчивых кластерных структур.

Таким образом, Г. М. Федоров, очерчивая рамки развития региональной экономики, по сути, сформировал его «генеральный план». В современных реалиях можно с уверенностью сказать, что большая часть его личных работ или работ, выполненных под его руководством, представляла стратегическое мастер-планирование территории, поскольку мастер-план — это инструмент планирования развития территории, видение будущего ее развития с учетом всего набора экономического, географического (в том числе картографического) инструментария.

Например, ряд работ, выполненных под руководством Г. М. Федорова (в том числе при участии авторов статьи), посвящен изучению Приморской туристско-рекреационной зоны Калининградской области [45—47 и др.]. Его подход еще 20 лет назад предопределил в качестве знакового места для развития Приморской функциональной зоны территорию в районе пос. Янтарный (рис.), почти полностью совпадающую с территорией, выделенной в 2023 г. под размещение одного из курортов, получившего название «Белая Дюна»³, в составе федерального проекта «Пять морей и озеро Байкал», создаваемого по поручению президента РФ В. В. Путина в рамках

¹ «Серебряное ожерелье» — туристический маршрут, объединяющий культурные и природные объекты, расположенные в 11 регионах Северо-Запада России.

² Россияне стали активнее посещать города «Золотого кольца» и «Серебряного ожерелья», *Туризм.рф. Корпорация развития территорий* : официальный портал, URL: <https://xn--g1abnnjg.xn--p1ai/news/rossiyane-stali-aktivnee-poseshchat-goroda-zolotogo-koltsa-i-serebryanogo-ozherelya/> (дата обращения: 28.07.2024).

³ «Белая Дюна» размещена в пределах того же муниципального образования — Янтарный городской округ, что и туристская ОЭЗ, отмеченная на рисунке, только несколько южнее, с ориентиром — побережье в районе пос. Поваровка.

нацпроекта «Туризм и гостеприимство»¹. Примечательно, что в качестве ключевого механизма привлечения дополнительных и масштабных инвестиций, кроме существующих и планируемых по состоянию на 2006 г., Г.М. Федоров называл инвестиционно-финансовую корпорацию (ИФК), функцию которой в настоящее время призваны выполнять корпорация «Туризм.РФ», Правительство Калининградской области, «Газпромбанк» и «Специализированный застройщик «Гольфстрим», подписавшие на Петербургском международном экономическом форуме — 2024 соглашение о взаимодействии и сотрудничестве по вопросам реализации проекта федерального круглогодичного курорта «Белая Дюна» в Калининградской области².

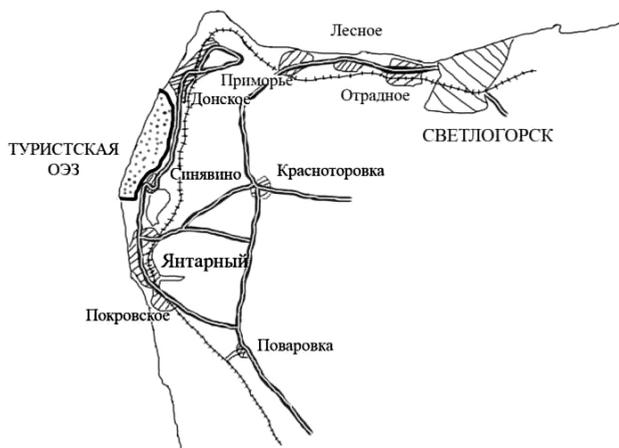

Рис. Схема размещения туристической ОЭЗ — площадки реализации крупномасштабного проекта ИФК, 2006 г.

Источник: [46, с. 15].

Авторы разделяют позицию Н. В. Зубаревич о том, что «оценка «коридора возможностей» является ключевой задачей при разработке стратегии, которая должна увязывать цели и механизмы их реализации с ограничениями, обусловленными устойчивостью сложившихся трендов пространственного развития» [48, с. 51]. Для Калининградской области именно сфера туризма является одним из таких «коридоров возможностей», которая позволяет региону (находящемуся в «средняках» по прочим показателям социально-экономического развития) даже в условиях сложной геоэкономической ситуации прочно удерживать рейтинги туристической привлекательности, войдя в первую, «золотую», группу рейтинга (с 1-го по 30-е место) под названием «Лидеры», заняв 17-е место с показателем в 85,8 балла (для сравнения: 1-е место и 110,2 баллов набрала Москва, на 18-м разместилась Ленинградская область, набрав 84,5 балла)³.

¹ Путин поручил до ноября утвердить федеральный проект «Пять морей и озеро Байкал», *Известия*, 29.05.2024, URL: <https://iz.ru/1703772/2024-05-29/putin-poruchil-do-noiabria-utverdit-federalnyi-proekt-riat-morei-i-ozero-baikal> (дата обращения: 28.07.2024).

² На ПМЭФ-2024 подписано соглашение о сотрудничестве в части реализации проекта «Белая Дюна», 07.06.2024, *Корпорация развития территорий Туризм.рф*, URL: <https://xn--g1ab-nnjg.xn--p1ai/news/na-pmef-2024-podpisano-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-chasti-realizatsii-proekta-belaya-dyuna/> (дата обращения: 28.07.2024).

³ Центр информационных коммуникаций «Рейтинг», *Отдых в России*, URL: <https://russia-rating.ru> (дата обращения: 06.08.2024).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в экономике Калининградской области в сравнительно короткой исторической ретроспективе были применены разнообразные меры промышленной (структурной) политики, что подчеркивает значимость данного региона, а исследования по данным вопросам — относительно более высокому востребованности.

Заключение

Обобщая, можно отметить, что исследования проблематики регионального развития под руководством и с участием Г.М. Федорова фактически базируются на методологии, которая широко используется в рамках новой институциональной экономической теории, а применяемые подходы — сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив развития в политико-экономическом контексте, комплексные региональные исследования с применением концепции геодемографической обстановки, оценка перспективных пространственно-распределенных кластеров развития отраслей региональной экономики — служат хорошей основой для обеспечения доказательности в построении политики (в первую очередь промышленной) на региональном уровне, а также плодотворного развития междисциплинарных исследований.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Список литературы

1. Банерджи, А., Дюфло, Э. 2021, *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности*, М., Изд-во Института Гайдара, Санкт-Петербург, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. EDN: IJXRUC
2. Гимбицкий, К.К., Кузнецова, А.Л., Федоров, Г.М. 2014, Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации, *Балтийский регион*, № 1, с. 56—71, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-4>
3. Клемешев, А.П., Федоров, Г.М. 2003, Возможные пути трансформации статуса Калининградской области, *Регион сотрудничества*, № 3, с. 11—16. EDN: KUAWGB
4. Клемешев, А.П., Федоров, Г.М. 2004, О совершенствовании управления развитием Калининградской области, *Регион сотрудничества*, № 1, с. 5—20. EDN: KUDUWT
5. Шаститко, А.Е. 2014, Зачем конкурентная политика, если есть промышленная?, *Экономическая политика*, № 4, с. 42—59. EDN: SJWFRX
6. Kurdin, A., Shastitko, A. 2020, The new industrial policy: A chance for the BRICS countries, *BRICS Journal of Economics*, vol. 1, № 1, p. 60—80, <http://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-5>
7. Шаститко, А.Е., Шабалов, И.П., Филиппова, И.Н. 2018, Организация российского производства труб большого диаметра: контекст, результаты, перспективы, *Российский журнал менеджмента*, т. 16, № 3, с. 435—464, <https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.306>
8. Федоров, Г.М. 1984, *Геодемографическая обстановка: теоретические и методические основы*, Ленинград, Изд-во «Наука», 112 с. EDN: XVWGLL
9. Федоров, Г.М. 1991, *Научные основы концепции геодемографической обстановки*, Ленинград, Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 180 с. EDN: XVOTMF
10. Федоров, Г.М. 2014, Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России, *Балтийский регион*, № 2, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-1>
11. Фуруботн, Э., Рихтер, Р. 2005, *Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории*, СПб., Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 701 с.
12. Шаститко, А.Е. 2010, *Новая институциональная экономическая теория* : монография, М., Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. EDN: QTUZBD
13. Эггертссон, Т. 2001, *Экономическое поведение и институты*, М., Дело, 408 с.

14. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 1995, *Калининградские альтернативы. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых геополитических условиях*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 158 с. EDN: YVFBTQ
15. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 1996, *Балтийские сравнения и прогнозы*, Калининград, Изд-во Калининградского университета, 45 с.
16. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 1997, *Российский эксклав на Балтике*, Калининград, Изд-во Калининградского университета, 312 с.
17. Klemeshev, A., Kozlov, S., Fyodorov, G. 2001, *The concept of federal social-economic policy towards the Kaliningrad oblast*, Коммерсантъ Наука, р. 6.
18. Клемешев, А. П., Федоров, Г. М. 2004, *От изолированного эксклава — к «коридору развития»*. Альтернативы российского эксклава на Балтике, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 250 с. EDN: XYCQLN
19. Уильямсон, О. 1996, *Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция*, СПб., Изд-во Лениздат, 702 с.
20. Williamson, O. E. 1996, *Mechanisms of Governance*, New York, Oxford University Press.
21. Alston, L. J., Libecap, G. D., Schneider, R. 1995, Property Rights and the Preconditions for Markets: The Case of Amazon Frontier, *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, № 150 (1), p. 89—107.
22. Шаститко, А. Е., Павлова, Н. С. 2022, Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы, *Вопросы экономики*, № 1, с. 23—46, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-23-46>
23. Клемешев, А. П., Мау, В. А. (ред.). 2007, *Стратегии развития Калининградской области*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 472 с. EDN: YVFBPM
24. Нуреев, Р. М., Латов, Ю. В. 2010, Страницы институциональной экономической истории Кёнигсберга/Калининграда, *Балтийский регион*, № 2, с. 78—102, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2010-2-8>
25. Нуреев, Р. М., Латов, Ю. В. 2009, Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития), Калининград, 294 с.
26. Смородинская, Н. В. 2011, Организация особых экономических зон в мировой и российской практике: концептуальные аспекты, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 3, с. 16—36. EDN: SZCBIF
27. Кузнецова, О. В. 2016, Особые экономические зоны: эффективны или нет?, *Пространственная экономика*, № 4, с. 129—152, <https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>
28. Нилов, К. Н. 2018, Особая экономическая зона в Калининградской области: совершенствование правового режима, *Балтийский регион*, т. 10, № 4, с. 74—87, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-5>
29. Себенцов, А. Б., Зотова, М. В. 2018, Калининградская область: вызовы эксклавноности и пути ее возможной компенсации, *Балтийский регион*, т. 10, № 1, с. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-6>
30. Стрельцов, А. В., Яковлев, Г. И. 2018, Особенности ведения предпринимательской деятельности в особых экономических зонах РФ, *Российское предпринимательство*, № 4, с. 895—906, <https://doi.org/10.18334/rp.19.4.38973>
31. Вардомский, Л. Б. 2022, Особый режим как фактор экономического развития Калининградской области в меняющихся внешних условиях, *Тихоокеанская география*, № 1, с. 35—44, https://doi.org/10.35735/26870509_2022_9_3
32. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, Волатильность темпов роста региональной экономики. Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 99—101. EDN: GJHTNR
33. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, Удельный вес Калининградской области в экономике Российской Федерации, *Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 90—98. EDN: KETQDO
34. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
35. Зубаревич, Н. В., Сафронов, С. Г. 2024, Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке, *Региональные исследования*, № 1, с. 4—18, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-1>

36. Зубаревич, Н. В. 2022, Регионы России в новых экономических условиях, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3 (55), с. 226—234, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>

37. Федоров, Г. М. 2024, *Россия на Балтике — 2023*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 41 с. EDN: KKQYAS

38. Федоров, Г. М. 2019, Три стратегии развития Калининградской области (1991—2018 годы), *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 5—19. EDN: НХРУРА

39. Зубаревич, Н. В. 2009, Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1-2 (1-2), с. 161—174. EDN: KZCXVN

40. Friedmann, J. 1968, *Regional development policy. A case study of Venezuela*, Cambridge.

41. Дружинин, А. Г., Дун, Я. 2018, «Один пояс, один путь»: возможности для регионов западного порубежья России, *Балтийский регион*, т. 10, № 2, с. 39—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-3>

42. Шаститко, А. Е. 2009, Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения, *Балтийский регион*, № 2, с. 9—31, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-2-2>

43. Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Жданов, В. П. 2023, *Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 72 с. EDN: YJLJWD

44. Кондратьева, С. В. 2023. Туристские предпочтения российских граждан: дестинации и тенденции, *Региональные исследования*, № 4, с. 95—104, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-8>

45. Дедков, В. П., Федоров, Г. М. 2006, *Пространственное, территориальное и ландшафтное планирование в Калининградской области*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 185 с. EDN: QRNWAV

46. Федоров, Г. М. 2006, О формировании единой туристско-рекреационной системы «Калининград — Приморская зона», В: Корнеев, В. С. (ред.), *Актуальные проблемы туризма*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 6—20. EDN: YSLNZZ

47. Пустовгаров, В. И., Федоров, Г. М. 2002. *Приморская зона*, Калининград, Изд-во КГУ.

48. Зубаревич, Н. В. 2008, Стратегии пространственного развития в период экономического роста, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 1, с. 51—57. EDN: JVNBP

Об авторах

Елена Геннадиевна Кропинова, доктор географических наук, профессор, ОНК «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

Андрей Евгеньевич Шаститко, доктор экономических наук, профессор, ведущий кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова; директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: aes@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6713-069X>

EVIDENCE-BASED ECONOMIC POLICY AT THE REGIONAL LEVEL

E. G. Kropinova¹
A. E. Shastitko^{2,3}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236106, Russia

² Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration,
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia

Received 07 August 2024

Accepted 21 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-1

© Kropinova, E. G., Shastitko, A. E. 2024

This article revisits approaches to regional development by exploring both previously proposed and new policy opportunities for regions facing the greatest challenges in adapting to emerging geo-economic conditions. This revision is based on the methodology of comparative analysis of discrete structural (institutional) alternatives – an essential component for ensuring the necessary evidential level in selecting economic policy instruments, complementing other applied research tools. The Kaliningrad region is one of Russia’s most complex due to its geographical isolation and historical background. The most comprehensive and consistent review of development options, or structural alternatives, for this area is found in the works of Gennady Fedorov, a professor at the Immanuel Kant Baltic Federal University. This study elucidates the need to draw on the ideas of regional and spatial economic development of the Kaliningrad region reflected in the works of Prof. Fedorov and his colleagues from 1991 to 2023, when developing scenarios for Russia’s westernmost region. The main advantage of their findings is that they are presented through the lens of interdisciplinary discourse, utilising concepts from new institutional economic theory to provide an economic perspective. This study reveals the fundamental ideas behind the concept of the geo-demographic situation, the so-called ‘Fedorov matrix’ highlighting structural alternatives for the development of the Kaliningrad region and the spatially distributed clusters. The article examines the three main development strategies of the Kaliningrad region, as analysed by Fedorov, to trace the evolution of the region’s economic activity regulation regime. A conclusion is drawn regarding the demand for industrial policy instruments for the development of the region’s economy, while also emphasising their insufficient efficiency in application. The viability of Fedorov’s forecasts, as outlined in his works, is assessed through the example of planning a spatially distributed tourism and recreation cluster.

Keywords:

regional economy, development strategies, geodemographic situation, discrete structural alternatives, clusters, tourism, master planning, Kaliningrad Oblast

References

1. Banerjee, A., Duflo, E. 2021, Good economics for hard times. Better answers to our biggest problems, Moscow, Gaidar Institute Publishing House, Saint Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University (in Russ.).
2. Gimbitsky, K.K., Kuznetsova, A.L., Fedorov, G.M. 2014, The development of the Kaliningrad region economy: A new stage of restructuring, *Baltic Region*, vol. 1, № 19, p. 41 – 53, <http://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-1-4>

3. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2003, Possible Paths to Transforming the Status of the Kaliningrad Oblast, *Region of Cooperation*, № 3, p. 11—16. EDN: KUAWGB (in Russ.).
4. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2004, On improving the management of the development of the Kaliningrad region, *Region of cooperation*, № 1, p. 5—20. EDN: KUDUWT (in Russ.).
5. Shastitko, A. E. 2014, Why competition policy, if there is industrial?, *Economic policy*, № 4, p. 42—59. EDN: SJWFRX (in Russ.).
6. Kurdin, A., Shastitko, A. 2020, The new industrial policy: A chance for the BRICS countries, *BRICS Journal of Economics*, vol. 1, № 1, p. 60—80, <http://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-5> (in Russ.).
7. Shastitko, A. E., Shabalov, I. P., Filippova, I. N. 2018, Russian Production of Large-Diameter Pipes Organization: The Context, Results, and Prospects, *Russian Management Journal*, vol. 16, № 3, p. 435—464, <https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.306> (in Russ.).
8. Fedorov, G. M. 1984, *Geodemographic situation: theoretical and methodological foundations*, Leningrad, “Nauka” Publishing House, 112 p. EDN: XVWGLL (in Russ.).
9. Fedorov, G. M. 1991, *Scientific foundations of the concept of geodemographic situation*, Leningrad, Publishing house of St. Petersburg State University, 180 p. EDN: XVOTMF (in Russ.).
10. Fedorov, G. 2014, Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia, *Baltic Region*, № 2, p. 4—21, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-2-1>
11. Furubotn, E., Richter, R. 2005, *Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics*, Michigan, University of Michigan Press.
12. Shastitko, A. Y. 2010, *New institutional economic theory*, 4th ed., Moscow, TEIS, 828 p. EDN: QTUZBD (in Russ.).
13. Eggertsson, T. 1990, *Economic Behavior and Institutions*, Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511609404>
14. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 1995, Kaliningrad Alternatives. Socio-Economic Development of the Kaliningrad Region in the New Geopolitical Conditions, Kaliningrad, IKBFU Publishing House, 158 p. EDN: YVFBTQ (in Russ.).
15. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, B. S. 1996, *Baltic comparisons and forecasts*, Kaliningrad, KSU Press, 45 p. (in Russ.).
16. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, B. S. 1997, *Russian exclave in the Baltic*, Kaliningrad, KSU Publishing House, 312 p. (in Russ.).
17. Klemeshev, A., Kozlov, S., Fyodorov, G. 2001, The concept of federal social-economic policy towards the Kaliningrad oblast, *Kommersant Nauka*, p. 6 (in Russ.).
18. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2004, From an isolated exclave to a “development corridor.” Alternatives for a Russian Exclave in the Baltic, Kaliningrad, IKBFU Press, 250 p. EDN: XYCQLN (in Russ.).
19. Williamson, O. E. 1985, *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, and Relational Contracting*, London, Collier Macmillan, New York, Free Press.
20. Williamson, O. E. 1996, *Mechanisms of Governance*, New York, Oxford University Press.
21. Alston, L. J., Libecap, G. D., Schneider, R. 1995, Property Rights and the Preconditions for Markets: The Case of Amazon Frontier, *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, № 150 (1), p. 89—107.
22. Shastitko, A. E., Pavlova, N. S. 2022, Pigouvian vs. Coasian approach: Ideas, values, perspectives, *Voprosy Ekonomiki*, № 1, p. 23—46, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-23-46> (in Russ.)
23. Klemeshev, A. P., Mau, V. A. (eds.). 2007, Development strategies of the Kaliningrad region, Kaliningrad, IKBFU Press, 472 p. EDN: YVFBPM (in Russ.).
24. Nureev, R., Latov, Yu. 2010, Chapters of the institutional economic history of Königsberg/Kaliningrad, *Baltic Region*, vol. 2, № 4, p. 78—102, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-8> (in Russ.).
25. Nureev, R. M., Latov, Yu. V. 2009, Russia and Europe: path dependence (an attempt at institutional analysis of the history of economic development), Kaliningrad, 294 p. (in Russ.).
26. Smorodinskaya, N. V. 2011, Organization of the special economic zones in the world and the Russian practice: conceptual aspects, *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, № 3, p. 16—36. EDN: SZCBIF (in Russ.).

27. Kuznetsova, O. V. 2016, Special economic zones: effective or not?, *Spatial Economy*, № 4, p. 129—152, <https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152> (in Russ.).
28. Nilov, K. N., 2018. The special economic zone in the Kaliningrad region: towards a more effective legal regime, *Baltic Region*, vol. 10, № 4, p. 74—87, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-5>
29. Sebentsov, A. B., Zotova, M. V. 2018, The Kaliningrad region: challenges of the exclave position and the ways to offset them, *Baltic Region*, vol. 10, № 1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>
30. Streltsov, A. V., Yakovlev, G. I. 2018, Peculiarities of doing business in special economic zones of the Russian Federation, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 19, № 4, p. 895—906, <https://doi.org/10.18334/rp.19.4.38973> (in Russ.).
31. Vardomskiy, L. B. 2022, Special regime as a factor in the economic development of the Kaliningrad region in changing external conditions, *Pacific geography*, № 1, p. 35—44, https://doi.org/10.35735/26870509_2022_9_3 (in Russ.).
32. Fedorov, G. M. 2021, Volatility of regional economic growth rates, In: Fedorov, G. M. (ed.), *Challenges and Prospects for the Development of the Kaliningrad Region: Geopolitics and Geoeconomics*, Immanuel Kant Baltic Federal University Press, p. 99—101. EDN: GJHTNR (in Russ.).
33. Fedorov, G. M. 2021, The Share of the Kaliningrad Region in the Economy of the Russian Federation, In: Fedorov, G. M. (ed.), *Challenges and Prospects for the Development of the Kaliningrad Region: Geopolitics and Geoeconomics*, Immanuel Kant Baltic Federal University Press, p. 90—98. EDN: KETQDO (in Russ.).
34. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
35. Zubarevich, N. V., Safronov, S. G. 2024, Interregional Inequality in Russia and Post-Soviet Countries in the 21st Century, *Regional Studies*, № 1, p. 4—18, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-1> (in Russ.).
36. Zubarevich, N. V. 2022, Regions of Russia in the new economic conditions, *Journal of the New Economic Association*, № 3, p. 226—234, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15> (in Russ.).
37. Fedorov, G. M. 2024, *Russia in the Baltic — 2023: Information and analytical report*, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Press. EDN: KKQYAS (in Russ.).
38. Fedorov, G. M. 2019, Three development strategies of the Kaliningrad region (1991—2018), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 5—19. EDN: HXPYPA (in Russ.).
39. Zubarevich, N. V. 2009, Regional development and regional policy in Russia during ten years of economic growth, *Journal of the New Economic Association*, № 1-2 (1-2), p. 161—174. EDN: KZCXVN (in Russ.).
40. Friedmann, J. 1968, *Regional development policy. A case study of Venezuela*, Cambridge.
41. Druzhinin, A. G. Dong, Ya. 2018, One Belt — One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia's Western Border Regions, *Baltic Region*, vol. 10, № 2, p. 39—55, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-3>
42. Shastitko, A. 2009, Clusters as a Form of Spatial Organisation of Economic Activity: Theory and Practical Observations, *Baltic Region*, № 2, p. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-2>
43. Fedorov, G. M., Voloshchenko, K. Yu., Zhdanov, V. P. 2023, Development Strategy and Economic Security of the Kaliningrad Region: Analytical Report, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Press. EDN: YJLJWD (in Russ.).
44. Kondratieva, S. V. 2023. Travel preferences of Russian Citizens: Destinations and Trends, *Regional Studies*, № 4 (82), p. 95—104, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-8> (in Russ.).
45. Dedkov, V. P., Fedorov, G. M. 2006, Spatial, Territorial and Landscape Planning in the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Immanuel Kant State University of Russia Press. EDN: QRNWAV (in Russ.).
46. Fedorov, G. M. 2006, On the formation of a single tourist and recreational system “Kaliningrad — Primorskaya zone”. In: Korneevets, V. S. (ed.), *Actual problems of tourism*, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Press, p. 6—20. EDN: YSLNZZ (in Russ.).

47. Pustovgarov, V. I., Fedorov, G. M. 2002, *Primorskaya zone*, Kaliningrad, Publishing House of Kaliningrad State University (in Russ.).

48. Zubarevich, N. V. 2008, Strategies of the spatial development of Russia during the period of economic growth, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, № 1, p. 51–57. EDN: JVHBPL (in Russ.).

The authors

Prof Elena G. Kropinova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

Prof Andrey E. Shastitko, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia; Director, Centre for Competition and Economic Regulation Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: aes@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6713-069X>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСКЛАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ

К. Ю. Волошенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 07.08.2024 г.

Принята к публикации 21.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-2

© Волошенко К. Ю., 2024

Общественно-географическое изучение экономической безопасности приграничных регионов как новое научное направление было сформировано под руководством д-ра геогр. наук, проф. Г.М. Федорова при активном участии ученых из Калининграда, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Симферополя в рамках проекта РНФ № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности». Впервые в исследовании экономической безопасности учтены все аспекты ее обеспечения — экономические, социальные, внутри- и внешнеполитические, этнические, экологические, природные и др. Именно общественно-географический подход к экономической безопасности позволил в наших дальнейших исследованиях уже в области региональной и отраслевой экономики сформировать представление о ее пространственной обусловленности. В данной статье анализируется экономическое развитие Калининградской области с позиций ее эксклавного положения, приграничных функций и потенциала в обеспечении национальных интересов России. Приводимые в наших более ранних работах результаты оценки экономической безопасности региона 2000—2019 гг., фиксирующие невысокий сформированный уровень защищенности его экономики от внешних вызовов и угроз, здесь рассматриваются через качество и детерминанты экономического развития в рамках структурного и ресурсного подходов. Установлено, что экономическое развитие российского эксклава до 2022 г. не в полной мере соответствовало национальным интересам России. Это было следствием укрепления преимущественно международных, нередко в ущерб межрегиональным, связей, а также усиления открытости в отсутствие достаточного внимания к вопросам обеспечения экономической безопасности и устойчивого функционирования региона при внешних ограничениях. В статье обосновываются требования к изменению сложившейся модели экономического развития российского эксклава с учетом влияния фактора экономической безопасности, в первую очередь относящиеся к функциональной и структурной трансформациям в системе регионального управления.

Ключевые слова:

экономическая безопасность, национальные интересы, факторы экономического развития, российский эксклав, внешние ограничения, Калининградская область

Введение

Ключевым вопросом экономического развития любого региона остается выделение факторов, которые определяют закономерности и особенности данного процесса. Для Калининградской области как единственного эксклава России, который

Для цитирования: Волошенко К. Ю. Экономическая безопасность как фактор экономического развития российского эксклава в национальных интересах // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 31—50. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-2

одновременно выступает анклавом внутри НАТО и стран ЕС, изучение экономического развития имеет высокую значимость по причине возникших внешних ограничений в изменившейся международной обстановке после 2022 г.

Общее представление о факторах регионального развития формируется в рамках построения теоретических моделей [1], например экономического роста, агломераций, полюсов роста, новой экономической географии, конвергенции и др. Однако появление новых факторов и постоянное усложнение условий экономического развития территорий сохраняет научную проблему, связанную с их изучением. Обычно факторы развития регионов рассматриваются с различными целями. Во-первых, для описания всего множества существующих факторов и их последующей типологизации [1—3]. Во-вторых, для изучения влияния на экономическое развитие регионов отдельных факторов (географическое положение, человеческий капитал, технологии, ресурсно-сырьевые и др.) [4; 5] или, наоборот, влияния факторов на конкретные типы регионов (внутренние, приграничные, экспортные, аграрные, сырьевые, северные и др.) [6—8]. В-третьих, для количественного анализа разнообразных региональных факторов посредством построения экономико-математических моделей [9; 10].

В отношении эксклавной Калининградской области в условиях приграничного положения в первую очередь рассматривается влияние на ее экономическое развитие феномена границы, на основе изучения которого уже раскрывается действие остальных факторов [11—13]. Действительно, с одной стороны, определяющая роль в экономическом развитии региона принадлежала функциям и режиму границы, влияющими на характер соседства с сопредельными территориями и градиент его развития. С другой стороны, эксклавный регион выступает как сложная социально-экономическая система с присущими ей закономерностями и особенностями изменения. Выделение преимущественно фактора приграничности в изучении экономического развития эксклава, по сути, ограничивало представление о его роли в национальной экономике только геостратегическими, внешнеторговыми, транзитными и прочими международными функциями. В условиях эксклавного положения территории это создавало угрозы ориентации экономической системы на международные рынки за счет внешних, а не внутренних источников развития. Как следствие, росла уязвимость экономической системы, наблюдались сложности сохранения ее устойчивости, формировалась высокая зависимость даже от незначительных изменений геополитических или геоэкономических условий. Данная проблема в полной мере проявилась после 2022 г. и соответствует вопросам обеспечения экономической безопасности территорий. Поэтому цель данной работы состоит в обосновании экономической безопасности как фактора экономического развития российского эксклава, что в современных условиях представляет весьма нетривиальную задачу. Традиционно в изучении экономической безопасности регионов не учитывалась ее пространственная обусловленность, а в отношении экономического развития как эксклавных, так и приграничных регионов вопросы безопасности в экономической сфере не получили должного внимания. Число работ по указанной проблематике в последнее время увеличилось [14—18], однако системное представление об экономическом развитии российского эксклава в направлении обеспечения национальных интересов государства в сфере экономической безопасности пока не сформировано.

В качестве объекта исследования выступает российский эксклав, экономическое положение которого после 2022 г. оказалось более сложным по сравнению с остальными регионами России, в том числе приграничными, безусловно, исключая территории, приближенные к линии боевого соприкосновения в ходе проведения Россией СВО на Украине. В экономической сфере влияет близость недружествен-

ных стран ЕС, а в военно-политической — блока НАТО. Как следствие, значительно усиливается геостратегическая роль российского эксклава, но возрастает и его значение в обеспечении защиты национальных интересов страны.

В данной работе, продолжая исследование экономической безопасности регионов, опираясь на результаты более ранних публикаций [16—18], мы предпринимаем попытку дать ответы на следующие вопросы: Как эксклавное положение, потенциал и функции приграничья соотносятся с задачами обеспечения экономической безопасности России? В какой степени сложившийся уровень экономической безопасности российского эксклава определял качество и детерминанты его экономического развития? Какие изменения требуются в региональной системе управления при обеспечении экономической безопасности?

Факторы экономического развития

Типологизация факторов регионального развития проводится по различным основаниям: 1) по источнику возникновения (внешние и внутренние); 2) по функциональным характеристикам (природные, трудовые, экономические, политические и др.); 3) по контролируемости региональными органами власти (контролируемые и неконтролируемые); 4) по влиянию на формирование потенциала региона (законодательный, трудовой, инновационный, производственный, инфраструктурный, потребительский, финансовый, экологический и др.); 5) с позиций причин дифференциации регионов по уровню развития (объективные и субъективные); 6) по типу ресурсов и условий (энергетический, водный, транспортный, сырьевой и т. д.); 7) по сфере возникновения и влияния с их различной детализацией (экономические и неэкономические); 8) по направлению влияния на развитие региона (факторы-катализаторы и факторы-ингибиторы); 9) по характеру и объему ресурсов (экстенсивные и интенсивные); 10) по уровню воздействия (общие, отраслевые, локальные (местные) и др. Примеры типологий и авторских подходов можно продолжать, однако обращает на себя внимание следующее. Во-первых, перечень факторов зависит от методологического подхода к их выделению и оценки степени их воздействия на отдельные изучаемые процессы в регионе. Во-вторых, выделяемые типологии пересекаются по причине взаимодействия факторов, образуя подтипы, например экономико-демографические или производственно-финансовые факторы и т. д. В-третьих, набор факторов экономического развития для отдельных регионов или их типов будет уникальным, причем он не остается неизменным, а усложняется и расширяется.

Для приграничных регионов факторы экономического развития отличаются большей изменчивостью, чем в отношении внутренних регионов. Это объясняется при прочих равных их открытостью, а также доминированием внешнего вектора в их развитии, что позволяет извлекать преимущества экономико-географического положения. Однако данное утверждение будет верно не для всех приграничных регионов России. В зависимости от положения приграничных регионов вдоль российской границы соотношение внешнего и внутреннего векторов будет различно. Это обусловлено сложившемся уровнем и формами сотрудничества с сопредельными странами при установившемся режиме границы и в целом близостью к отдельным международным рынкам (европейский, восточноазиатский и т. д.).

В экономическом развитии российского эксклава определяющее значение имели внешние против внутренних взаимодействий. Как следствие, условия экономического развития эксклава определялись плохо предсказуемыми и мало управляемыми процессами. Поэтому важным качеством для региона становится способность реагировать на происходящие изменения, приспосабливаться к ним и обеспечивать

устойчивое функционирование экономики. Для российского эксклава, равно как и для отдельных открытых приграничных регионов России, предлагается при выделении факторов экономического развития учитывать характер требуемых и происходящих изменений по двум критериям: адаптация и интеграция. Их выбор связан с направлениями требуемых изменений в экономической системе. Адаптационные процессы связаны с приспособлением экономической системы за счет внутреннего потенциала, интеграционные процессы — с активным задействованием потенциала эксклавного и(или) приграничного положения. При различных уровнях адаптационных и интеграционных процессов формируются четыре группы факторов экономического развития региона (рис. 1).

Рис. 1. Факторы экономического развития приграничных регионов в зависимости от характера требуемых изменений

«Традиционные» факторы связаны с низкой адаптацией и интеграцией экономической системы при относительно стабильной геополитической и геоэкономической ситуации. Формируют условия экономического развития, которые редко и в малой степени или только в отдаленной перспективе подвержены изменениям. Поэтому к «традиционным» факторам могут быть отнесены природно-климатические, структура экономики, инфраструктурные, система расселения и демография и т. д. Факторы, обуславливающие рост адаптационных процессов, связаны с резкими или волнообразными как внешними изменениями, так и внутренними процессами в экономической системе. Поэтому требуется развитие адаптационных качеств экономической системы и ее приспособление к протекающим изменениям, например в условиях пандемии COVID-19, финансовых кризисов, при сокращении трудовых ресурсов, изменении стандартов и правил (таможенные, налоговые, сертификация и стандартизация и др.), конъюнктуры международных рынков и т. д. Факторы трансформации требуют качественных изменений в экономической системе, например при смене технологических укладов, реиндустриализации, росте экономической сложности продукции или производительности труда. Для эксклава и приграничных регионов, характеризующихся открытостью, они связаны и со значительными изменениями геополитической и геоэкономической ситуации. Факторы, требующие роста интеграционных процессов, касаются укрепления как межрегионального, так и международного сотрудничества в зависимости от направлений происходящих изменений в международных отношениях (например, при внешних ограничениях — процессы комплексообразования, при благоприятной внешней обстановке — трансграничное и приграничное сотрудничество, программы добрососедства и т. д.).

Из приведенных групп особый интерес представляют факторы, обуславливающие рост адаптационных процессов, и факторы трансформации. Первая группа факторов, на наш взгляд, соотносится с резильентностью региона [19—21], формируя такие свойства экономической системы, как шокоустойчивость, стрессоустойчивость, жизнеспособность и др., которые стали активно изучаться в последнее время российскими учеными [22—25]. Вторая группа соотносится с обеспечением экономической безопасности, так как под их действием создается защищенность региона от вызовов и угроз, что невозможно вне качественных изменений самой экономической системы и ее трансформации [16—18]. Поэтому одним из факторов экономического развития выступает экономическая безопасность. Экономическая безопасность, как нами отмечалось в более ранних работах [16], обеспечивает изменения в экономической системе за счет: 1) достижения сбалансированности при изменении воспроизводственных пропорций (функциональный подход); 2) совершенствования территориально-отраслевой структуры и образования новых хозяйственных связей (процессный подход); 3) изменения архитектуры внутреннего пространства за счет процессов комплексообразования (пространственный подход). Кроме этого экономическое развитие каждого региона направлено на обеспечение национальных интересов России в экономической сфере. В связи с этим для российского эксклава в условиях внешних ограничений исследование экономической безопасности как фактора экономического развития представляется ключевой задачей.

Материалы и методы

Учитывая изменения в экономической системе, которые потенциально продуцирует экономическая безопасность, ее обоснование как фактора экономического развития российского эксклава проводится на основе: 1) оценки уровня экономической безопасности региона; 2) анализа качества его экономического роста с использованием структурного и ресурсного подходов; 3) выделения функциональных характеристик (задач) экономической безопасности, требующих изменения системы регионального управления. Выделение указанных критериев определило логику исследования. Измерения и соответствующие расчеты в работе проводились с использованием размещаемых в свободном доступе данных Росстата, ЕМИСС, Федеральной таможенной службы России.

Авторская методика и результаты измерения уровня экономической безопасности регионов Западного порубежья России была представлена нами в серии монографий [16—18]. В общем виде оценка уровня экономической безопасности проводится на основе расчета интегрального индекса, включающего общий, частный и специальный субиндексы. Каждый субиндекс формируется на основе одноименных групп индикаторов. Общие индикаторы характеризуют роль региона в решении национальных задач обеспечения экономической безопасности, частные отражают ее характеристики для отдельных типов регионов, например приграничных и эксклавных, специальные оценивают отдельные виды экономической безопасности (продовольственной, финансовой, транспортной и др.). В совокупности в группу общих нами было включено 20 индикаторов, частных — 15, специальных — 35 в составе 10 видов экономической безопасности [16, с. 208—212]. Обоснованность отбора индикаторов в группы обеспечивается для общих за счет их соответствия показателям, закрепленным в российском нормативно-правовом поле; для частных — за счет установления качественного и количественного соответствия продуцируемых фактором приграничья и/или эксклавного положения опасностей и угроз; для специальных — их целевым назначением в совокупности не менее трех

по каждому из видов безопасности. Предусмотрен выбор нормирующей функции для индикаторов и выделение экономически оправданных зон риска в соответствии с методикой, описанной в работе [26]: катастрофический — ниже 0,25, критический — от 0,25 до 0,50, значительный — от 0,50 до 0,75, умеренный — от 0,75 до 1,0 и зона стабильности — выше 1,0. Измерение проводилось в 2000—2019 гг. до влияния пандемии COVID-19, которая больше связана с характеристиками резильентности, в меньшей — экономической безопасности. После 2022 г. измерения ограничены отсутствием в открытых источниках данных ФТС России о внешней торговле регионов.

Оценка качества экономического роста российского эксклава позволяет объяснить, в какой степени сложившийся до 2022 г. уровень экономической безопасности региона при переходе скрытых угроз в реальные защищает от вероятного наступления негативных событий и нанесения ущерба. В данной работе применяются структурный и ресурсный подходы. С использованием широко известного в региональных исследованиях метода анализа структурных сдвигов (shift-share analysis) [28—31] проводится разложение прироста валовой добавленной стоимости на национальный, отраслевой и региональный компоненты для трех периодов: а) 2007 к 2004 г. — период до мирового кризиса 2008 г., б) 2013 к 2008 г. — период до начала действия санкций ЕС и США в отношении России, в) 2019 к 2014 гг. — период до начала пандемии COVID-19. Проблема несоответствия разделов ОКВЭД, ОК 029-2001 (КДЕС ред.1) и ОКВЭД 2, ОК 029-2014 (КДЕС ред. 2) решалась посредством их объединения и укрупнения. Расчеты проводились в ценах 2019 г. Национальный компонент (NS) характеризует влияние на прирост валовой добавленной стоимости региона изменений в национальной экономике, отраслевой (MS) — отраслевых сдвигов, а региональный (RS) — совокупности факторов, определяющих специфику региона (человеческий капитал, инвестиционный потенциал, хозяйственная специализация и пр.). В расчетах использованы известные формулы оценки компонентов структурного сдвига [28]:

$$NS_i^t = ВРП_i^{t-1} \cdot \left(\frac{ВРП_{рф}^t}{ВРП_{рф}^{t-1}} - 1 \right), \quad (1)$$

где NS — национальный компонент; $ВРП_{рф}$ — сумма ВРП регионов России; t и $t-1$ — соответственно текущий и предшествующий (базисный) годы; i — вид экономической деятельности по ОКВЭД; $ВРП_i$ — валовая добавленная стоимость по i -виду экономической деятельности региона;

$$MS_i^t = ВРП_i^{t-1} \cdot \left[\left(\frac{ВРП_{i(рф)}^t}{ВРП_{i(рф)}^{t-1}} \right) - \left(\frac{ВРП_{рф}^t}{ВРП_{рф}^{t-1}} \right) \right], \quad (2)$$

где MS — отраслевой компонент; $ВРП_{i(рф)}$ — сумма ВРП регионов России по i -виду экономической деятельности;

$$RS_i^t = ВРП_i^{t-1} \cdot \left[\left(\frac{ВРП_i^t}{ВРП_i^{t-1}} \right) - \left(\frac{ВРП_{i(рф)}^t}{ВРП_{i(рф)}^{t-1}} \right) \right], \quad (3)$$

где RS — региональный компонент.

Ресурсный подход дополняет структурный и учитывает долю производства первичных ресурсов, то есть отражает, в какой степени преобладают сырьевые отрасли в экономической системе и каково их значение. Для российского эксклава анализируется доля сырьевого экспорта и динамика импорта потребительских, промежуточных (сырье, материалы и комплектующие) и инвестиционных (технологии, машины и оборудование) товаров.

Выделение функциональных характеристик (задач) экономической безопасности производилось, исходя из потребности ее интеграции в целевую подсистему регионального управления по таким критериям, как: а) условия развития региона для обеспечения экономической безопасности; б) соответствие модели экономического развития региона обеспечению экономической безопасности; в) реализация стратегического национального приоритета в экономической сфере — вклад региона в обеспечение экономической безопасности России.

Результаты исследования

Оценка уровня экономической безопасности. Результаты измерения уровня экономической безопасности российского эксклава свидетельствуют о том, что к началу 2020 г. он находился в экономически оправданной зоне умеренного риска (рис. 2).

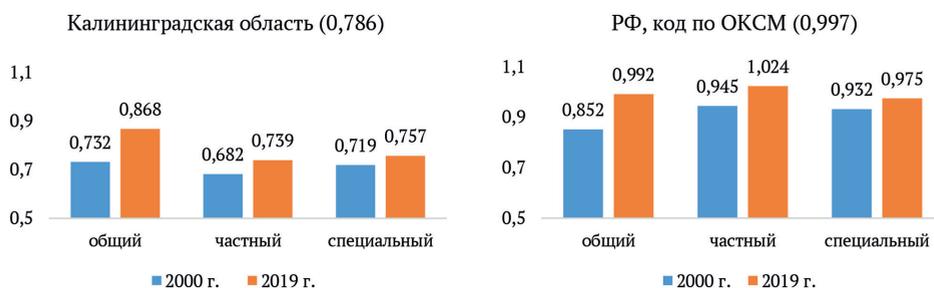

Рис. 2. Интегральный индекс и субиндексы экономической безопасности в 2000 и 2019 гг.

Примечание: в скобках указано значение интегрального индекса в 2019 г.

В исследуемом периоде удалось значительно укрепить позиции по безопасности, однако ее уровень оставался невысоким и значительно более низким, чем среднероссийский. При этом характерна значительная изменчивость субиндексов в течение всего рассматриваемого периода. Неблагоприятную ситуацию вскрывают показатели частного и специального субиндексов, характеризующие влияние эксклавного положения на уровень экономической безопасности. Рост субиндексов происходил при незначительных положительных изменениях индикаторов, отражающих наиболее слабые стороны в обеспечении безопасности регионов. Так, на всем исследуемом интервале преобладали производства с низкой добавленной стоимостью, отмечалась высокая зависимость экономики от бюджетных инвестиций при низкой производительности труда. Наиболее сильное влияние оказывала значительная включенность во внешнеторговую деятельность при доминировании в структуре экономики относительно несложных производств.

Экономика эксклава даже после 2014 г. продолжала характеризоваться высокой импортной зависимостью, а экономическое развитие региона было связано с ростом бюджетных инвестиций. Наибольшие трудности вызывало обеспечение финансовой, научно-технологической, транспортной и производственной безопасности. Однако ощутимые успехи при федеральной поддержке были достигнуты в части повышения продовольственной и энергетической безопасности. Отмечался ежегодный рост сбора зерновых и масличных культур, значительно увеличилось производство молока, мяса, яиц, овощей, фруктов и ягод.

Для обеспечения бесперебойного и надежного энергоснабжения региона в период 2017—2020 гг. в дополнение к базовому источнику электрической энергии Калининградской ТЭЦ-2 (900 МВт) были введены в эксплуатацию Талаховская (156 МВт), Маяковская (156 МВт), Прегольская (455 МВт) и Приморская ТЭС (155 МВт). Построены подземные хранилища газа (ПХГ), а также единственная плавучая регазификационная установка в России «Маршал Василевский». Суммарная установленная мощность электрических станций энергосистемы региона увеличилась до 1918,7 МВт, включая ГЭС, ТЭС, ВЭС, при максимуме потребления немного большим 800 МВт¹.

Сохранялась проблема транспортной доступности, которая касалась потребностей доставки топлива, товаров для населения, а также сырья, материалов и оборудования для производства. Собственно именно вопросы транспорта и логистики после 2022 г. приобрели ключевое значение для жизнеобеспечения эксклава. Несмотря на реализацию оперативных мер по организации и расширению паромного сообщения они до настоящего времени не решены. Сохраняются проблемы наращивания провозных мощностей судов, в том числе по их отдельным классам (контейнеровозы, суда для накатной техники, перевозки пассажиров и др.), потребность в развитии инфраструктуры, регулировании тарифов и механизмов субсидирования морских перевозок².

Анализа качества экономического роста: структурный подход. Проблемы обеспечения экономической безопасности до 2022 г. были следствием особенностей экономического развития российского эксклава, что подтверждается показателями структурных сдвигов (табл.).

Показатели структурных сдвигов российского эксклава, %

Прирост ВРП	Всего	Национальный компонент (NS)	Отраслевой компонент (MS)	Региональный компонент (RS)
2007 г. к 2004 г.	43,2	26,2	1,4	15,6
2013 г. к 2008 г.	8,9	6,9	0,9	1,1
2019 г. к 2014 г.	7,9	6,6	0,5	0,8

Источник: рассчитано на основе данных Росстата³.

В 2004—2007 гг. динамика производства валовой добавленной стоимости определялась общенациональными факторами, что характерно в целом для регионов России и было установлено в работе [27], однако в последующие годы ее значение снижается по причине замедления темпов развития национальной экономики. От-

¹ Топливо-энергетический комплекс, Министерство развития инфраструктуры Калининградской области, URL: <https://infrastruktura.gov39.ru/activity/fuel.php> (дата обращения: 13.07.2024).

² В начале 2024 г. на линии между Калининградской областью и портами Санкт-Петербурга и Ленинградской области работали около 28 судов, для полного удовлетворения потребностей региона требуется работа около 40 судов (Морская доставка грузов в Калининград выросла на 54 % к уровню первого квартала 2023 года. 7 июня 2024 г., ТАСС, URL: https://tass.ru/ekonomika/21039669?utm_referrer=korabel.ru%2Fnews%2Fcomments%2Fmorskaya_dostavka_gruzov_v_kaliningrad_v_yanvare-marte_vyroslo_vpolovinu.html (дата обращения: 13.07.2024)).

³ Валовой региональный продукт ОКВЭД 2007 (с 2004 г.), Росстат, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2007.xlsx (дата обращения: 13.06.2024). Валовой региональный продукт ОКВЭД 2 (с 2016 г.), Росстат, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s2016.xlsx (дата обращения: 13.06.2024).

раслевой фактор оказывал положительное влияние, однако оно было незначительным в изменении ВРП. Прирост добавленной стоимости в основном обеспечивался за счет таких быстро растущих отраслей в сравнении с общими темпами развития национальной экономики, как строительство (+ 5,5 %), государственное управление (+ 3,4 %), торговля (+ 2,7 %) и операции с недвижимостью (+ 1,1 %), а к медленно растущим отраслям относились сельское хозяйство (- 2,6 %) и обрабатывающие производства (- 1,2 %). При этом меньшими темпами, чем в среднем по России, росли торговля (- 2,2 %), обрабатывающие производства (- 2,1 %), транспорт и связь (- 1,1 %), а более быстрыми темпами — социальная сфера (+ 1,5—1,7 %). В целом специфика региона имела более сильное влияние на рост экономики (+ 15,6 %), чем отраслевые факторы. Это было обусловлено действием преференциальных режимов и федеральной поддержкой, направленных на компенсацию эксклавного положения. Особые ожидания были связаны с изменением режима ОЭЗ в Калининградской области (принятие ФЗ № 16 от 10.01.2006 г.).

В 2008—2013 гг. развитие эксклава обеспечивалось преимущественно за счет национальных мер поддержки в отсутствии достаточного собственного потенциала, из-за более масштабных последствий кризиса и медленного восстановления экономики. Общенациональный компонент в приросте ВРП в этот период составил + 6,9 %. Влияние отраслевого и регионального факторов на прирост валовой добавленной стоимости уменьшилось. Медленное восстановление и последующий рост против среднероссийских темпов был характерен для добычи полезных ископаемых (- 5,3 %), строительства (- 4,8 %), торговли (- 3,4 %) и социальной сферы (от - 0,3 до - 0,7 %). В то же время активно росли обрабатывающие производства (+ 7,7 %), операции с недвижимостью (+ 6,9 %), производство и распределение энергии (+ 1,0 %).

В 2014—2019 гг. после начала действия санкций стран ЕС и США в отношении России развитие Калининградской области происходило также за счет федеральной поддержки при незначительном влиянии отраслевого (+ 0,5 %) и регионального (+ 0,8 %) факторов. В этот период гораздо быстрее, чем в среднем по России, росли производство и распределение электроэнергии (+ 2,6 %), транспорт и связь (+ 2,6 %), операции с недвижимостью (+ 2,2 %), строительство (+ 1,6 %) и сельское хозяйство (+ 1,3 %). Однако по темпам роста отставали обрабатывающие производства (- 7,1 %), добыча полезных ископаемых (- 1,6 %) и государственное управление (- 1,1 %).

Показатели структурных сдвигов на разных этапах развития Калининградской области характеризуют сильное влияние ее эксклавного положения и сложившейся высокой зависимости от импорта. Экономическое развитие эксклава, по сути, определялась следующими факторами: 1) институциональными, прежде всего в части изменения режима ОЭЗ; 2) внешнеторговой активностью, которая сокращалась в периоды кризисов или неблагоприятной геополитической обстановки, в обратной ситуации — росла; 3) объемом федеральной поддержки и преференций через механизмы государственных программ, субсидирование и т. д. В этих условиях обеспечение экономической безопасности российского эксклава не играло существенной роли в его развитии. При снижении уровня экономической безопасности в отдельные периоды одновременно наблюдалась положительная динамика развития экономики региона и наоборот. Проведенные расчеты коэффициента корреляции Пирсона (R^2) указывают на отсутствие связи в изменении уровня экономической безопасности и валового регионального продукта. Однако аналогичные расчеты для среднероссийских показателей свидетельствуют об обратном — наличии сильной прямой связи (рис. 3, а и б).

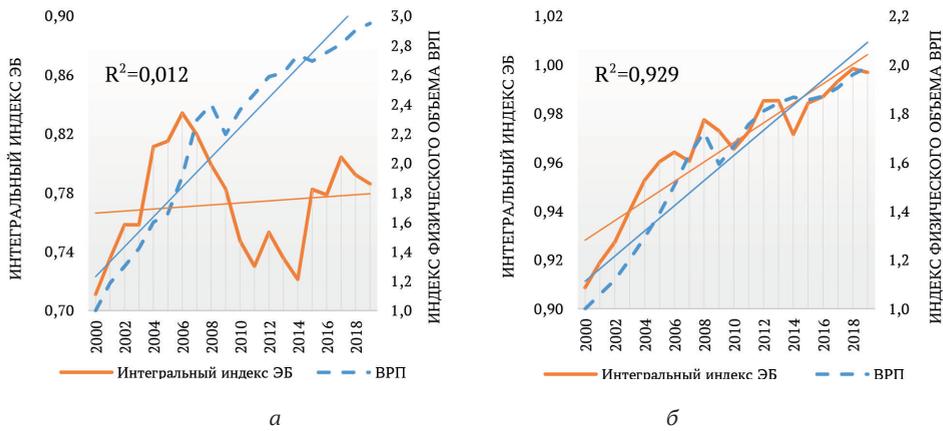

Рис. 3. Интегральный индекс экономической безопасности (ЭБ) и индекс физического объема ВРП (2000 г. — 100 %), 2000—2019 гг.:
 а — Калининградская область; б — Россия

Таким образом, внешняя открытость эксклава оказывала сильное влияние на его экономическое развитие, но в ущерб экономической безопасности. Обнаруживается обратная зависимость в изменении уровня экономической безопасности эксклава от внешнеэкономических условий (рис. 4). Оценка изменения интегрального индекса экономической безопасности и динамики импорта проведена на интервалах, несколько отличных от тех, что были выделены в анализе структурных сдвигов. Это объясняется следующим. На экономическую ситуацию в эксклаве влияние оказывали не только общие для всех регионов России, но и специфические внутрирегиональные факторы, указанные выше. Поэтому оцениваются следующие периоды: фаза активного роста (2000—2006), фаза «выживания» (2007—2014), фаза безопасности (2015—2019).

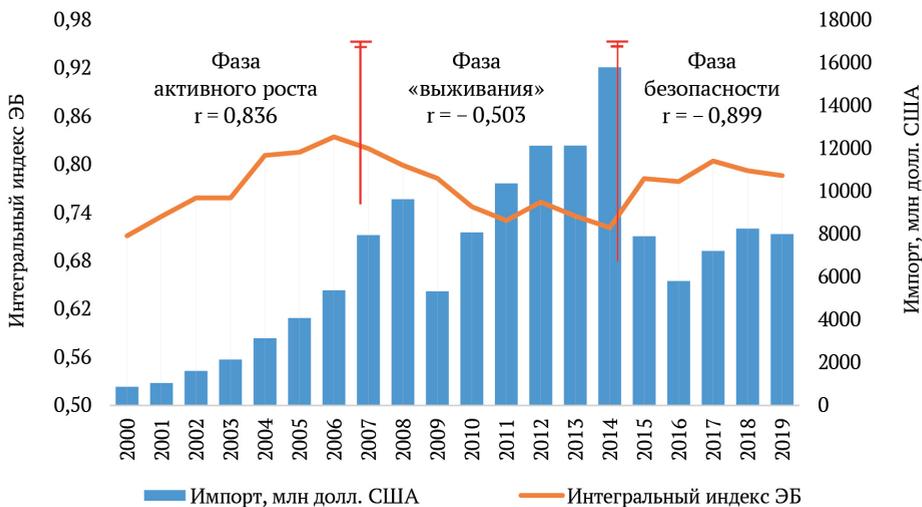

Рис. 4. Интегральный индекс экономической безопасности (ЭБ) и объем импорта, млн долл. США

В фазе активного роста до 2006 г., прежде всего за счет увеличения промышленного производства, коэффициент корреляции (r) характеризует положительную сильную связь экономической безопасности и импорта. В фазе «выживания», когда значительно изменился режим ОЭЗ и влиял кризис 2008 г., связь между внешне-торговой активностью и экономической безопасностью региона была слабая. Ключевое значение имели трансформационные процессы, затронувшие региональные производства. Они были вызваны ужесточением критериев достаточной переработки товаров¹ для их вывоза без уплаты таможенных пошлин, а также установлением переходного периода до 2016 г., после которого вывоз продукции на остальную территорию России проводился с уплатой всех таможенных платежей. В фазе безопасности после 2014 г., когда началась активная реализация государственных мер по укреплению безопасности эксклава (транспорт, энергетика, продовольствие и т. д.), отмечается сильная обратная связь — с ростом импорта уровень экономической безопасности снижался и наоборот.

В условиях развития внутреннего потенциала эксклава после 2014 г. и при некотором укреплении позиций экономической безопасности ее роль в экономическом развитии не усиливается ($R^2 = 0,181$). Это объясняется сохранением внешней ориентации в развитии эксклава, что увеличивало уязвимость экономики региона к внешним условиям и ограничениям.

Анализа качества экономического роста: ресурсный подход. В эксклаве представлены производства, выпускающие экономически несложную продукцию — широко распространенные на внешних рынках товары, а экспортная корзина слабо диверсифицирована [32]. Поэтому сформированная структура производств при невысоком уровне накопленных знаний и утраченных производственных компетенциях с 1990-х гг., слабой абсорбционной (поглощающей) способности хозяйственных систем обуславливает уязвимость и усиливает зависимость эксклава от геополитических и геоэкономических условий. Значительные успехи в области реструктуризации могли быть достигнуты эксклавом в ходе реализации модели импортозамещения после 2014 г. Однако развитие производств происходило при сохранении сырьевой и технологической зависимости. Отмечался рост доли в общем объеме импорта промежуточных (сырье, материалы и комплектующие) и инвестиционных (технологии, машины и оборудование) товаров. Причем в российском эксклаве эта доля существенно выше, чем в других приграничных регионах Северо-Запада (рис. 5).

В структуре импорта Калининградской области промежуточные товары стабильно составляют около 80 %, в меньшей степени представлены средства производства. При этом после резкого сокращения импорта в 2014 г. его величина оставалась относительно стабильной. Это свидетельствовало о сложностях замены отдельных товарных позиций за счет переключения на межрегиональные торговые потоки или, очевидно, сопряжено с ростом производственных затрат.

Аналогичная проблема обозначилась в целом на уровне национальной экономики и проявилась уже после 2022 г.², когда возникла критическая импортная зависимость отраслей по причине отсутствия российских аналогов или их крайне ограниченного выбора в зарубежных странах (детали и компоненты, машины и

¹ Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты: ФЗ № 16 от 10.01.2006 г. (ст. 24), КонсультантПлюс, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57687/ (дата обращения: 13.07.2024).

² Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра, Аналитический доклад, НИУ ВШЭ, февраль 2023. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/814560067.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).

оборудование, услуги (инжиниринг, дизайн, обсаживание и ремонт): фармацевтическая отрасль, автомобилестроение, компьютеры и электроника, легкая промышленность и др.

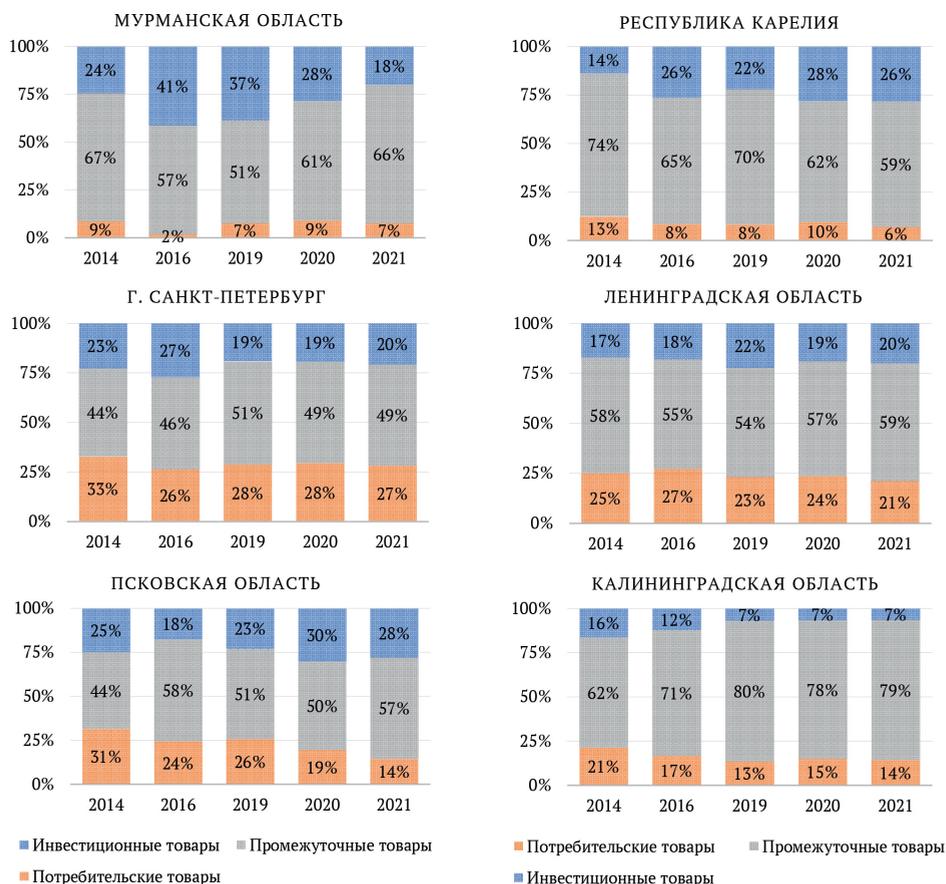

Рис. 5. Удельный вес промежуточных, потребительских и инвестиционных товаров в общем объеме импорта регионов, 2014—2021 гг.

Источник: расчеты на основе данных ФТС России.

Примечание: сумма по столбцам отлична от 100 %, так как для части товаров отсутствуют коды ТНВЭД в базе ФТС или это сложные товары, которые однозначно не могут быть сгруппированы по категориям.

Функциональные характеристики (задачи) в системе управления. Для Калининградской области после 2022 г. в условиях транспортных, производственных, научно-технологических и других ограничений обеспечение экономической безопасности становится не просто фактором экономического развития, а составляет в целом стратегию жизнеобеспечения российского эксклава. Поэтому важным вопросом представляется интеграция экономической безопасности в систему регионального управления, что обуславливает ее трансформацию и структурные преобразования. В целом изменения системы управления регионом связаны с появлением дополнительных функций (рис. 6).

Рис. 6. Функциональные характеристики (задачи) экономической безопасности в системе регионального управления

Функциональные характеристики экономической безопасности в системе регионального управления связаны со следующими задачами: а) прогнозно-аналитические — позволяют оценивать условия обеспечения экономической безопасности региона; б) плано-проектные — выбор и обоснование стратегических направлений экономического развития региона; в) организационно-экономические — реализация стратегических (региональных) приоритетов по обеспечению и защите национальных интересов в экономической сфере.

Границы экономической безопасности регионов, а также их функции и роли в обеспечении национальных интересов различны, поэтому принципиальное значение имеет формирование в системе регионального управления российского эксклава следующих ключевых блоков: 1) региональная диагностика; 2) целеполагание в контуре экономической безопасности; 3) мониторинг экономической безопасности в области обеспечения решения национальных задач.

Региональная диагностика позволяет идентифицировать те экономические проблемы, на которые должны быть направлены государственная экономическая политика и внимание региональных органов государственной власти. Проводиться региональная диагностика, исходя из ее содержания, должна периодически в соответствии с циклами стратегирования развития приграничного региона. В целеполагании принципиальными вопросами является оценка: 1) границ экономической безопасности приграничного региона; 2) уровня экономической безопасности в зависимости от изменения потенциала и ресурсов региона; 3) позиций региона в решении национальных задач в области обеспечения экономической безопасности

государства. Мониторинг состоит в оценке изменений позиций эксклава в обеспечении экономической безопасности, а также уровня достижения поставленных целей экономического развития региона. По результатам ежегодного мониторинга экономической безопасности формируется информационно-аналитическая база данных для проведения последующей региональной диагностики проблем ее обеспечения.

В целом экономическая безопасность предъявляет требования к обоснованию и выбору новой модели экономического развития российского эксклава. Во-первых, необходима оценка текущей ситуации в регионе с позиций: 1) использования потенциала и ресурсов, их соответствия ключевым видам экономической деятельности; 2) потребности и возможности реструктуризации региональной экономики, исходя и диагностики проблем экономического развития; 3) анализа региональных (стратегических) приоритетов и выбора направлений реализации межрегиональной и функциональной роли эксклава в целях защиты национальных интересов. Во-вторых, ключевые функции эксклава при наличии возможностей их реализации и высокой значимости для защиты национальных интересов должны быть сохранены, а развитие соответствующих им экономических сфер должно предусматривать специальные меры федерального регулирования (например, судостроение, металлообработка, химия и фармацевтика, производство автомобилей и др.). В-третьих, экономическое развитие российского эксклава должно быть направлено на укрепление его роли и позиций в обеспечении экономической безопасности государства, что требует соответствующих изменений в федеральной пространственной политике России. Это связано с определением уникального положения эксклава и подхода к его экономическому развитию. Требуется разработка специальных механизмов экономического развития эксклава, закрепляющих его положение в едином экономическом пространстве страны.

Выводы

В ходе исследования обосновано, что в современных условиях для российского эксклава экономическая безопасность должна стать ключевым фактором его экономического развития. С одной стороны, это продиктовано потребностью обеспечения и защиты национальных интересов страны в экономической сфере, где важная роль отводится ее регионам, в том числе и российскому эксклаву с учетом его уникального положения. С другой стороны, за счет близости к международным рынкам экономическое развитие Калининградской области нередко было ориентировано на извлечение дополнительной ренты в ущерб национальным интересам, что вызывало беспокойство и в прошлые годы. В условиях открытости, ориентации на внешний, а не внутренний рынок, укрепления международных, а не межрегиональных связей экономическое развитие эксклава не содействовало решению национальных задач в области обеспечения устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних угроз. Это подтверждается результатами оценки уровня экономической безопасности эксклава в период 2000—2019 гг., который до начала пандемии COVID-19, возникновения внешних ограничений после 2022 г. был ниже среднероссийского показателя.

Анализ структурных сдвигов выявил, что экономическое развитие российского эксклава после 2008 г. обеспечивалось преимущественно за счет национального компонента, что выражалось в увеличении федеральной поддержки и установлении дополнительных преференций. В совокупности отраслевой и региональный факторы не оказывали существенного влияния на рост валового регионального продукта. На этом фоне укрепление позиций экономической безопасности происходило медленно, а ее изменение слабо коррелировало с темпами экономического развития. При этом в периоды роста внешнеторговой активности региона уровень экономи-

ческой безопасности региона снижался. Наибольшие сложности были связаны с обеспечением производственной, транспортной, научно-технологической безопасности, что объяснялось эксклавым положением региона. Однако обеспечение экономической безопасности не стало приоритетным направлением экономического развития российского эксклава и после 2014 г. на фоне действия санкций стран ЕС и США, а также активной реализации модели импортозамещения в России. Даже при сокращении внешнеторгового оборота в импорте значительной оставалась доля промежуточных товаров (сырье, материалы, комплектующие и др.). В результате к 2022 г. сформировалась сильная зависимость по отдельным товарным позициям импорта, в том числе технологического характера.

Современное положение российского эксклава в условиях внешних ограничений и меняющегося контура миропорядка, при новых и нарождающихся угрозах делает необходимой ориентацию его экономического развития на рост уровня экономической безопасности. Это задача связана не только с остро стоящими вопросами жизнеобеспечения региона, но и с его геостратегической ролью в национальных интересах России. Вопросы обеспечения экономической безопасности эксклава должны быть нормативно закреплены на федеральном и региональном уровнях, а также интегрированы в систему регионального управления. Стратегирование экономического развития российского эксклава должно учитывать достижение целей обеспечения его экономической безопасности, поэтому изменения в системе регионального управления должны быть связаны с включением в ее целевую подсистему прогнозно-аналитической, проектно-плановой и организационно-экономической функциональных задач. Целеполагание в контуре обеспечения экономической безопасности невозможно без осуществления качественной региональной диагностики и текущего мониторинга, что требует проведения соответствующих методических разработок. Выделение экономической безопасности в качестве регионального фактора определяет потребность в обосновании и выборе новой модели экономического развития, что представляет сегодня сложную задачу. Необходимо обеспечить баланс интересов (военно-политических, производственных, научно-технологических, транспортных, социальных и пр.) в ограниченном пространстве решений, учитывая невысокий внутренний потенциал и имеющиеся ресурсы развития в условиях эксклавного положения региона.

Список литературы

1. Кузнецова, О. В. 2014, Типология факторов социально-экономического развития регионов России, *Вестник Московского университета, Сер. 5: География*, № 2, с. 3–8. EDN: SEOPGR
2. Григорьев, Л., Зубаревич, Н., Урожаева, Ю. 2008, Сцилла и Харибда региональной политики, *Вопросы экономики*, № 2, с. 83–98, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-2-83-98>
3. Ускова, Т. В. 2009, *Управление устойчивым развитием региона*, Вологда, ИСЭРТ РАН. EDN: QDFWAD
4. Божечкова, А. В. 2013, Эконометрическое моделирование влияния человеческого капитала на экономический рост в регионах России, *Аудит и финансовый анализ*, № 1, с. 90–99. EDN: QYVNCX
5. Земцов, С. П., Смелов, Ю. А. 2018, Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 4 (40), с. 84–108, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-40-4-4>
6. Иванов, В. А. 2022, Аграрный сектор Севера и Арктики: исторический аспект, направления развития, *Арктика экология и экономика*, т. 12, № 4, с. 559–571, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-4-559-571>
7. Вардомский, Л. Б. 2017, Фактор соседства в экономическом развитии новых приграничных регионов России, *Мир перемен*, № 3, с. 91–104. EDN: ZHTSRX

8. Дорошенко, С. В., Посысоева, К. А. 2021, Эконометрическая оценка стратегических факторов развития приграничных регионов России, *Экономика региона*, т. 17, № 2, с. 431—444, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-6>
9. Дохолян, С. В., Петросянц, В. З., Садыкова, А. М. 2013, Факторы развития региональной системы с позиции обеспечения устойчивого развития, *Региональные проблемы преобразования экономики*, № 4 (38), с. 105—108. EDN: QAXBYH
10. Дробышевский, С. М. (ред.). 2005, *Факторы экономического роста в регионах РФ*, М., ИЭПП. EDN: QRDDDR
11. Дружинин, П. В. 2023, Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции населения в Санкт-Петербургскую агломерацию, *Балтийский регион*, т. 15, № 3, с. 100—116, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-6>
12. Котилко, В. В., Немирова, Г. И. 2013, Функциональный и геополитический подходы к управлению экономически безопасным развитием приграничных регионов, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, т. 9, № 35 (224), с. 57—60. EDN: RBJGVZ
13. Хмелева, Г. А., Тот, Б. И., Костромин, К. О. 2023, Механизм развития трансграничного торгово-экономического сотрудничества в контексте повышения территориального капитала региона, *Экономические отношения*, т. 13, № 3, с. 427—446, <https://doi.org/10.18334/eo.13.3.118830>
14. Алклычев, А. М., Зоидов, К. Х., Богатырев, С. И. 2019, Экономическая безопасность приграничного региона РФ: сущность, проблемы и способы обеспечения, *Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право*, № 6, с. 54—69, <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2019-6-05>
15. Котилко, В. В., Немирова, Г. И., Пашенных, Ф. С. 2013, Конкурентоспособность и экономическая безопасность приграничных регионов: реалии и перспективы, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, т. 9, № 46 (235), с. 2—7. EDN: RNLKOT
16. Волошенко, К. Ю. 2021, *Экономическая безопасность приграничного региона*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта. EDN: VNJMZY
17. Федоров, Г. М. (ред.). 2019, *Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта. EDN: LJKKFA
18. Федоров, Г. М. (ред.). 2020, *Западное побережье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта. EDN: JOANPD
19. Staníčková, M., Melecký, L. 2018, Understanding of resilience in the context of regional development using composite index approach: The case of european union NUTS-2 regions, *Regional Studies, Regional Science*, vol. 5, № 1, p. 231—254, <https://doi.org/10.1080/21681376.2018.1470939>
20. Wolman, H., Wial, H., Clair, T., Hill, E. 2017, Shocks and Regional Economic Resilience, in: *Coping with Adversity: Regional Economic Resilience and Public Policy*, <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801451690.003.0002>
21. Martin, R. 2012, Regional Economic Resilience, Hysteresis and Recessionary Shocks, *Journal of Economic Geography*, vol. 12, № 1, p. 1—32, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
22. Акбердина, В. В. 2021, Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000—2020 гг., *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, т. 17, № 8, с. 1412—1432, <https://doi.org/10.24891/ni.17.8.1412>
23. Климанов, В. В., Михайлова, А. А., Казакова, С. М. 2018, Региональная резильентность: теоретические основы постановки вопроса, *Экономическая политика*, № 6, с. 164—187. EDN: YSWQFV
24. Малкина, М. Ю. 2020, Оценка устойчивости развития региональных экономик на основе расстояний Махаланобиса, *Terra Economicus*, № 3, с. 140—159, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-3-140-159>
25. Казанцев, С. В., Митяков, Е. С. 2022, Оценка значимости факторов динамики жизнеспособности субъектов Российской Федерации, *Экономическая безопасность*, т. 5, № 1, с. 155—174, <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.1.114267>
26. Митяков, Е. С., Митяков, С. Н. 2014, Адаптивный подход к вычислению обобщенного индекса экономической безопасности, *Современные проблемы науки и образования*, № 2, с. 415—421. EDN: SBWILJ

27. Михеева, Н. Н. 2018, Макроэкономические эффекты структурных сдвигов в экономике регионов, *Регион. Экономика и социология*, № 4, с. 42—68, <https://doi.org/10.15372/REG20180402>

28. Котов, А. В. 2021, Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России, *Экономика региона*, т. 17, № 3, с. 755—768, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-3>

29. Esteban, J. 2000, Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 30, № 3, p. 353—364, [https://doi.org/10.1016/S0166-0462\(00\)00035-1](https://doi.org/10.1016/S0166-0462(00)00035-1)

30. Montaña, C. V., Márquez, M. A., Fernández-Núñez, T., Hewings, G. J. D. 2021, Spatial shift-share analysis: Some new developments, *Papers in Regional Science*, vol. 100, № 2, p. 305—325, <https://doi.org/10.1111/pirs.12575>

31. Melnikova, L. V. 2021, Spatial Analysis of the Dynamics of Structural Shifts in the Economies of Russian Regions in 2004—2019, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 4, p. 454—463, <https://doi.org/10.1134/S2079970521040249>

32. Руус, Й., Волошенко, К. Ю., Дрок, Т. Е., Фарафонова, Ю. Ю. 2020, Анализ экономической сложности Калининградской области — выбор отраслевых приоритетов в новой парадигме создания ценности, *Балтийский регион*, т. 12, № 1, с. 156—180, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-9>

Об авторах

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор центра социально-экономических исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ECONOMIC SECURITY AS A DRIVER OF RUSSIAN EXCLAVE DEVELOPMENT IN ALIGNMENT WITH NATIONAL INTERESTS

K. Yu. Voloshenko

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 07 August 2024

Accepted 21 October 2024

doi: [10.5922/2079-8555-2024-4-2](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2)

© Voloshenko, K. Yu., 2024

Economic security in border regions emerged as a new area of inquiry in human geography, under the supervision of Prof Fedorov and with the active involvement of researchers from Kaliningrad, Rostov-on-Don, Saint Petersburg, Smolensk, and Simferopol, within the framework of the Russian Science Foundation project № 18-17-00112, titled Ensuring the Economic

To cite this article: Voloshenko, K. Yu. 2024, Economic security as a driver of Russian exclave development in alignment with national interests, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 31—50. doi: [10.5922/2079-8555-2024-4-2](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2)

Security of the Regions of Russia's Western Borderlands under Conditions of Geopolitical Turbulence. This study is the first attempt at a comprehensive examination of economic security, considering a multitude of contributing factors: economic, social, domestic and foreign policy-related, ethnic and environmental. The socio-geographical approach to economic security provides insight into its spatial conditionality, informing our studies on regional and sectoral economics.

This article examines the Kaliningrad region's economic development from the perspective of its exclave position, border functions and potential for ensuring Russia's national interests. The assessment of the economic security of the region from 2000 to 2019, cited in earlier works, reveals a lack of resilience to external challenges and threats. In this article, we examine these results in the context of economic development quality and determinants, applying structural and resource-oriented approaches. It is demonstrated that, until 2022, the economic development of the Russian exclave did not fully align with national interests due to a prioritisation of international ties, often at the expense of inter-regional ones. Additionally, the region's openness was increasing, with insufficient attention given to ensuring its sustainability under external constraints. Seeking to address existing shortcomings, this article presents and substantiates proposed modifications that give due consideration to economic security. Specifically, it emphasises functional and structural transformations within the regional management system.

Keywords:

economic security, national interests, factors of economic development, Russian exclave, external restrictions, Kaliningrad region

References

1. Kuznetsova, O. V. 2014, Typology of factors governing the social-economic development of Russian regions, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Geografiya*, № 2, p. 3–8. EDN: SEOPGR (in Russ.).
2. Grigoriev, L., Zubarevich, N., Urozhaeva, Yu. 2008, Scylla and Charibdis of Regional Policy, *Voprosy Ekonomiki*, № 2, p. 83–98, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-2-83-98> (in Russ.).
3. Uskova, T. V. 2009, *Management of sustainable development in the region*, Vologda, ISEDT RAS. EDN: QDFWAD (in Russ.).
4. Bozhechkova, A. V. 2013, Econometric Modeling of the Impact of Human Capital on Economic Growth in Russian Regions, *Audit i Finansovyy Analiz = Audit and Financial Analysis*, № 1, p. 90–99. EDN: QYVNCX (in Russ.).
5. Zemtsov, S. P., Smelov, Y. A. 2019, Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital and Regional Policies, *Journal of the New Economic Association*, № 40, p. 84–108, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-40-4-4> (in Russ.).
6. Ivanov, V. A. 2022, Agricultural sector of the North and the Arctic: historical aspect, directions of development, *Arctic: Ecology and Economy*, vol. 12, № 4, p. 559–571, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-4-559-571> (in Russ.).
7. Vardomsky, L. B. 2017, Neighborhood factor in the economic development of the new border regions of Russia, *Mir peremen*, № 3, p. 91–104. EDN: ZHTSRX (in Russ.).
8. Doroshenko, S. V., Posysoeva, K. A. 2021, Econometric estimation of strategic development factors of Russian border regions, *Economy of Regions*, vol. 17, № 2, p. 431–444, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-6> (in Russ.).
9. Dokholyan, S. V., Petrosyants, V. Z., Sadykova, A. M. 2013, Assessment of factors of development of the regional system, carried out from positions of providing the sustainable development, *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, № 4 (38), p. 105–108 (in Russ.).
10. Drobyshevsky, S. M. (ed.). 2005, *Factors of Economic Growth of the Russian Economy*, Moscow, Institute for the Economy in Transition. EDN: QRDDDR (in Russ.).
11. Druzhinin, P. V. 2023, Economic development of Russia's north-western regions and migration to the St. Petersburg agglomeration, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 100–116, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-6>

12. Kotilko, V. V., Nemirova, G. I. 2013, Functional and geopolitical approaches to managing the economically safe development of border regions, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 35, № 224, p. 57—60. EDN: RBJGVZ (in Russ.).

13. Khmeleva, G. A., Tot, B. I., Kostromin, K. O. 2023, Mechanism for the development of cross-border trade and economic cooperation in the context of the territorial capital growth, *Journal of International Economic Affairs*, vol. 13, № 3, p. 427—446, <https://doi.org/10.18334/eo.13.3.118830> (in Russ.).

14. Alklychev, A. M., Zoidov, K. Kh., Bogatyrev, S. I. 2019, Economic security of the border region of the Russian Federation: the essence, problems and ways to ensure, *Scientific review Series I. Economics and Law*, № 6, p. 54—69, <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2019-6-05> (in Russ.).

15. Kotilko, V. V., Nemirova, G. I., Pashennykh, F. S. 2013, Competitiveness and economic security of border regions: realities and prospects, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 9, № 46, p. 2—7. EDN: RNLKOT (in Russ.).

16. Voloshenko, K. Yu. 2021, Economic security of the border region, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University. EDN: VNJMZY (in Russ.).

17. Fedorov, G. M. (ed.). 2019, Problems of economic security in Russia's western border regions, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University. EDN: LJJKFA (in Russ.).

18. Fedorov, G. M. (ed.). 2020, *Western frontier of Russia: Modelling of development and provision of economic security*, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University. EDN: JOANPD (in Russ.).

19. Staníčková, M., Melecký, L. 2018, Understanding of resilience in the context of regional development using composite index approach: The case of European union NUTS-2 regions, *Regional Studies, Regional Science*, vol. 5, № 1, p. 231—254, <https://doi.org/10.1080/21681376.2018.1470939>

20. Wolman, H., Wial, H., Clair, T., Hill, E. 2017, Shocks and Regional Economic Resilience, in: *Coping with Adversity: Regional Economic Resilience and Public Policy*, <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801451690.003.0002>

21. Martin, R. 2012, Regional Economic Resilience, Hysteresis and Recessionary Shocks, *Journal of Economic Geography*, vol. 12, № 1, p. 1—32, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>

22. Akberdina, V. V. 2021, Resilience Factors in the Russian Economy: The Comparative Analysis for 2000—2020, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 17, № 8, p. 1412—1432, <https://doi.org/10.24891/ni.17.8.1412> (in Russ.).

23. Klimanov, V. V., Mikhaylova, A. A., Kazakova, S. M. 2018, Regional resilience: theoretical basics of the question, *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 13, № 6, p. 164—187. EDN: YSWQFV (in Russ.).

24. Malkina, M. Yu. 2020, Assessment of resilient development of the regional economies based on Mahalanobis distances, *Terra Economicus*, № 3, p. 140—159, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-3-140-159> (in Russ.).

25. Kazantsev, S. V., Mityakov, E. S. 2022, Assessing the significance of the viability dynamics factors of the subjects of the Russian Federation, *Economic security*, vol. 5, № 1, p. 155—174, <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.1.114267> (in Russ.).

26. Mityakov, E. S., Mityakov, S. N. 2014, Adaptive approach to calculation of the generalized index of economic security, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, № 2, p. 415—421. EDN: SBWILJ (in Russ.).

27. Mikheeva, N. N. 2018, Macroeconomic effects of structural shifts in economy of regions, *Region: Economics & Sociology*, № 4, p. 42—68 (in Russ.).

28. Kotov, A. V. 2021, Spatial Shift-Share Analysis as a Tool for Studying the Economic Development of Russia's Macroregions, *Economy of regions*, vol. 3, p. 755—768, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-3> (in Russ.).

29. Esteban, J. 2000, Regional convergence in Europe and the industry mix: a shift-share analysis, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 30, № 3, p. 353—364, [https://doi.org/10.1016/S0166-0462\(00\)00035-1](https://doi.org/10.1016/S0166-0462(00)00035-1)

30. Montaña, C. V., Márquez, M. A., Fernández-Núñez, T., Hewings, G. J. D. 2021, Spatial shift-share analysis: Some new developments, *Papers in Regional Science*, vol. 100, № 2, p. 305—325, <https://doi.org/10.1111/pirs.12575>

31. Melnikova, L. V. 2021, Spatial Analysis of the Dynamics of Structural Shifts in the Economies of Russian Regions in 2004—2019, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 4, p. 454—463, <https://doi.org/10.1134/S2079970521040249>

32. Roos, I., Voloshenko, K. Yu., Drok, T. E., Farafonova, Yu. Yu. 2020, An Economic Complexity Analysis of the Kaliningrad Region: Identifying Sectoral Priorities in the Emerging Value Creation Paradigm, *Baltic Region*, vol. 12, № 1, p. 156—180, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-9>

The author

Dr. Ksenia Yu. Voloshenko, Associate Professor, Director, Centre for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ СТРАН БАЛТИИ

В. Г. Варнавский

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 24.07.2024 г.
Принята к публикации 14.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-3
© Варнавский В. Г., 2024

В изучение проблем экономического развития стран Балтии существенный вклад внес советский и российский ученый, доктор географических наук, профессор Г. М. Федоров, занимавшийся в том числе разработкой проблем их торговых отношений с Россией. В своих работах он неизменно подчеркивал роль и значение торговли с Россией для экономик стран региона и производства в них товаров и услуг. Геополитические потрясения последних лет привели к глубоким структурным сдвигам в международной торговле. Цель статьи — опираясь на новейшие статистические данные международных организаций, провести сопоставительный анализ внешнеторговых потоков товаров стран Балтии между собой, а также с третьими странами, включая Россию, и на этой основе оценить направления и масштабы долго- и краткосрочных структурных сдвигов. Проведен экономико-статистический анализ товарных потоков между выделенными в исследовании странами. Получены оценки структурных сдвигов, трендов и индексов интенсивности торговли (ИИТ). Выделены продуктовые ниши, которые может сохранить и/или занять Россия в торговле со странами Балтии. Временной горизонт исследования — 2004—2024 гг. Особое внимание уделяется последним годам. Используются годовые (для 2004—2023 гг.) и квартальные / месячные (для 2021—2024 гг.) данные ООН/ЮНКТАД, Евростата, ВТО, Всемирного банка, а также методы статистического и структурного анализа их обработки, оценки ИИТ и др. Подверглись проверке две гипотезы. Первая — о повышении в 2004—2023 гг. ИИТ между странами Балтии — подтверждена частично. Из общего тренда выбивается экспорт Литвы, что объясняется ее ориентацией во внешней торговле на Польшу и Германию. Вторая — о высокой степени приспособляемости части не поднавшего под санкции бизнеса стран Балтии к геоэкономическим и геополитическим стрессам, его способности адаптироваться к современным сложным условиям торговли на внешних рынках, в том числе с Россией, — подтверждена полностью. Выделены товарные группы, по которым их экспортные и импортные потоки в торговле с Россией возросли в 2021—2023 гг.

Ключевые слова:

страны Балтии, внешняя торговля, индекс интенсивности торговли, Литва, Латвия, Эстония, Россия

Введение

Все три страны Балтии — Латвия, Литва и Эстония — открытые экономики, значительная часть валового внутреннего продукта (ВВП) и доходов населения которых формируется за счет внешних рынков. Об этом говорит, например, оценка

Для цитирования: Варнавский В. Г. Структурные сдвиги во внешней торговле стран Балтии // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 51—71. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-3

Всемирного банка — с 2010 г. отношение объема внешней торговли (сумма экспорта и импорта) к ВВП все годы неизменно и намного превышала 100 %. Так, в 2023 г. значение этого показателя для Латвии составило 132 %, для Литвы — 153 %, для Эстонии — 156 %, при среднем уровне по ЕС — 97 %¹.

Высокий уровень зависимости от внешнеторговых связей и интеграции в мировую экономику имеет как позитивные, так и негативные стороны. К первым относятся выход национальных компаний на новые рынки, оптимизация затрат и увеличение на этой основе прибыли, повышение производительности и эффективности, приобщение к передовым ноу-хау. Отрицательные последствия проявляются в обострении конкуренции внутренних производителей, усиленной чувствительности национальных экономик к внешним конъюнктурным колебаниям, изменению мировых цен, глобальным кризисам, шокам и стрессам и т. д. Ниже будет показано, что повышенная степень интеграции в мирохозяйственные связи приводит к тому, что национальные экономики стран Балтии более подвержены влиянию внешних кризисов, чем страны ЕС в целом.

С начала 2010-х гг. страны Балтии сталкиваются с серьезными воспроизводственными и структурными проблемами внешнеторговой деятельности. В их числе внешние — ухудшение мировой экономической динамики в результате кризиса 2008—2009 гг., длительное преодоление его последствий, падение мировой торговли в 2015—2016 гг., пандемия COVID-19, глобальные геополитические потрясения последних лет и антироссийские санкции; внутренние — относительно слабая экономика в сравнении с другими странами ЕС, ее дотационный характер, зависимость от внешних источников инвестиций и притока иностранного капитала, безработица, бедность, низкий уровень социальной защищенности и др. Но ключевая причина экономических проблем стран Балтии — резкая и крайне агрессивная антироссийская политика, которая привела к свертыванию многих внешнеторговых связей с Россией в ущерб собственному национальному производству и, как следствие, к подрыву воспроизводственных процессов во внутренней экономике. Не вышли страны Балтии из такого состояния до настоящего времени.

Цель исследования — опираясь на последние официальные статистические данные международных организаций, провести сопоставительный анализ экспортно-импортных потоков стран Балтии между собой, а также с другими странами, включая Россию, и на этой основе оценить направления и масштабы долго- и краткосрочных структурных сдвигов.

Задачи: экономико-статистический анализ потоков товаров между странами Балтии, а также с внешними по отношению к ним экономиками; оценка структурных сдвигов, трендов и Индекса интенсивности торговли (ИИТ); выделение товарных ниш, которые может сохранить и/или расширить Россия в торговле с ними.

Период исследования — 2004—2024 гг. В качестве исходной информации используются открытые статистические базы данных ООН/ЮНКТАД, Евростата, ВТО, Всемирного банка: годовые (для всего периода) и квартальные/месячные (для 2021—2024 гг.).

В ходе исследования были проверены две гипотезы: об общем повышении ИИТ между странами Балтии в течение 2004—2023 гг. (подтверждена частично); о высокой степени приспособляемости части не подпавшего под санкции бизнеса анализируемых стран к геоэкономическим и геополитическим стрессам, его способности адаптироваться к современным сложным условиям ведения торговой деятельности на внешних рынках, в том числе с Россией (подтверждена полностью).

¹ Trade (% of GDP) — Estonia, Latvia, Lithuania, World Bank Database, URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS?locations=EE-LV-LT> (дата обращения: 22.10.2024).

Состояние исследований

В российских экономических исследованиях в целом и торговых отношений в частности странам Балтии неизменно уделяется повышенное внимание. Это связано как с общим историческим прошлым, так и со стратегическим положением, которое Прибалтийские государства занимают в качестве буфера или связующего звена между Россией и Западом. Не претендуя на подробный обзор, выделим наиболее интересные, с нашей точки зрения, работы, в которых изучаются торговые связи стран Балтии вообще и с Россией в частности [1—3].

Последнее десятилетие все более сильное воздействие на международную торговлю стала оказывать геополитика. В результате весь спектр глобальных, много- и двусторонних экономических и торговых отношений сместился в направлении влияния на них геополитики. Среди множества отечественных исследований последних лет по этой теме, связанных с Балтийским регионом, отметим публикации [4; 5].

Тему формирующегося миропорядка и глобальных трансформаций торговых отношений активно разрабатывают и зарубежные, в частности европейские, ученые (см., напр.: [6]). Для ЕС проблематика геополитики и ее воздействия на торговые отношения сейчас настолько актуальна, что научные журналы посвящают ей целые выпуски — явление, которое наблюдалось только в ходе кризиса 2008—2009 гг. и пандемии COVID-19. Так, в июле 2024 г. ведущий журнал ЕС по проблемам экономической интеграции и общего рынка *Journal of Common Market Studies* выпустил специальный номер на тему геэкономического поворота единого европейского рынка. Он включает 11 статей, посвященных теоретическим вопросам и эмпирическим исследованиям. Ряд из них — по торговой политике ЕС, в рамках которой формируются тренды и структурные сдвиги во внешней торговле стран союза [7—10].

Многие ученые занимаются разработкой проблем структурных изменений в глобальной и европейской торговле [11—14]. Так, в [11] изучаются перспективы происходящих структурных преобразований в международной торговле. Предлагается несколько способов, с помощью которых можно глубже исследовать механизмы таких преобразований.

Экономисты выделяют и анализируют характерные черты, в наибольшей степени присущие внешней торговле Прибалтийских стран — отсутствие стационарности и устойчивости, высокая волатильность и крупные структурные сдвиги [15].

Важной темой является связь экономического роста и структурных изменений в торговле стран Балтии [16—18]. В работе [16] рассматриваются долго- и краткосрочные взаимосвязи между экономическим ростом и либерализацией торговли в 13 странах ЕС, включая Эстонию, Латвию, Литву.

В [17] выявляется причинно-следственная связь между открытостью торговли и экономическим ростом за период 1990—2020 гг. Результаты расчетов по построенной авторами модели показали, что между странами Балтии существует межотраслевая зависимость, которая показывает наличие у них общих факторов и экономических связей.

Исследование [18] основано на выборке экономических показателей стран Балтии за период 1993—2014 гг. (ВВП, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), экспорт / импорт). Результаты подтвердили наличие двусторонней причинно-следственной связи в этих странах между экономическим ростом, динамикой ПИИ и нестабильностью условий торговли [18, p. 8].

Влияние ПИИ и открытости торговли на экономическое развитие Чехии, Словакии, Эстонии и Литвы с использованием длинных рядов за 1995—2021 гг. оценивается в [19]. Результаты показали, что ПИИ и открытость торговли оказывают положительное влияние на экономический рост во всех странах [19, р. 598].

Имеются работы, посвященные сравнительному анализу проблем региональной торговли стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) [20; 21]. Так, в [20] проверяется двойственное воздействие открытости торговли на экономику в ходе глобализации — усиление и ослабление экономического влияния государства. В качестве фактографической основы исследования взяты статистические данные за период с 1996 по 2021 г. для 11 стран ЦВЕ, включая Прибалтику. В [21] изучаются структурные сдвиги в региональной торговле десяти стран ЦВЕ с 2004 по 2018 г.

Имеются публикации, в которых проводятся межрегиональные сопоставления внешнеторговых показателей. В работе [22] сравниваются последствия мирового кризиса 2008—2009 гг. для внешней торговли стран Пиренейского полуострова, регионов ЦВЕ и Балтии. Определены особенности трендов изменения внешнеторговых показателей. В частности, сделан вывод о том, что экономики стран Балтии, Иберии и Вышеграда стали гораздо более открытыми и зависимыми от экспорта.

Значительный пласт исследований затрагивает двустороннюю торговлю стран Балтии как между собой, так и с другими странами ЕС, а также с основными внешними по отношению к ЕС торговыми партнерами — Китаем, США, Россией. Так, в [23] изучается эволюция торговых связей Латвии с Китаем, оценен внешнеторговый потенциал и возможности диверсификации латвийского экспорта в КНР.

В [24] рассматривается состояние торговли между Китаем и странами Балтии по критериям взаимодополняемости. Отмечается, что главным препятствием для развития торговли этих стран является расстояние [24, р. 802].

В последние годы тематика Китая доминирует в научной литературе по всем направлениям экономического анализа. Так, в [25] определяются структура и тенденции изменения дисбалансов в двусторонней торговле между ЕС и Китаем. Проверяется гипотеза, что между сторонами по-прежнему сохраняются существенные и стабильные торговые дисбалансы в пользу Китая. Авторы рассчитывают для стран ЕС, включая Латвию, Литву и Эстонию, показатели экспорта и импорта, анализируют темпы их роста за пятилетие 2016—2021 гг., выделяют товарные группы с растущей и снижающейся конкурентоспособностью ЕС в торговле с Китаем.

В работе [26] рассматривается торговля между государствами Балтийского моря и США. Выявляются тенденции, оценивается значение США как торгового и инвестиционного партнера.

В то же время в экономической литературе наблюдается дефицит исследований по тематике интеграции и структурных сдвигов в торговле, в том числе в странах Балтии. Этот факт отмечается, в частности, в одной из указанных выше публикаций: «Исследование выявило значительный пробел в литературе, касающийся региональной торговой интеграции в Центральной и Восточной Европе и ее определяющих факторов. К недостаткам относятся отсутствие данных о торговле на уровне товарных групп и узкий охват торговых потоков (только по товарам)» [21, р. 226]. Особую актуальность эта тема имеет сейчас, когда в условиях широкомасштабных антироссийских санкций происходят драматические события, связанные с глубокой реструктуризацией поставщиков в страны Балтии главного импортируемого товара — энергоресурсов — и вытеснением с этого рынка России. Именно на исследование новейших тенденций такой реструктуризации и направлена данная статья.

Методы

Инструментарий исследования составили следующие методы и подходы к проведению экономического анализа.

1. Методы статистической обработки рядов за длительный период времени, выделения и построения трендов, межстранового сопоставительного анализа. Сюда же относятся методы структурного анализа: расчет показателей структурных сдвигов, определение долей и их динамики, исчисление темпов роста и прироста годовых, квартальных и месячных данных и т. д.

2. Метод оценки индекса интенсивности торговли.

Для расчета ИИТ стран Балтии между собой использована формула [27, с. 71]

$$ИИТ_{ij} = (Ex_i^j / SumEx_x) / (WorldEx_j / SumEx_w), \quad (1)$$

где $ИИТ_{ij}$ — индекс интенсивности экспорта страны i в страну j ;

Ex_i^j — экспорт страны i в страну j ;

$SumEx_x$ — суммарный объем экспорта страны i ;

$WorldEx_j$ — мировой экспорт в страну j ;

$SumEx_w$ — суммарный мировой экспорт.

Экономический смысл ИИТ состоит в сравнении уровня торговли двух стран с их участием в мировой торговле в целом. Для данной статьи он представляет интерес при проверке одной из гипотез исследования и оценке структурных сдвигов в интенсивности двусторонней торговли стран Балтии во временном периоде последних 20 лет.

3. Подходы к определению статистической базы расчетов.

Чтобы избежать значительных погрешностей при проведении расчетов, используется подход обеспечения сопоставимости данных по всем странам, в том числе и по России, за счет того, что основным источником статистической информации выступает Организация Объединенных Наций и созданная при ее содействии база данных Trade Map (разработана и поддерживается Международным торговым центром ЮНКТАД/ВТО (International Trade Centre)). Кроме того, обрабатывается числовая информация из баз данных ЕС (Eurostat), ВТО (WTO Stats), Всемирного банка (World Bank Open Data).

Результаты

Внешнеторговые тренды стран Балтии формируются в рамках общих тенденций экономического развития ЕС и решений, принимаемых его руководящими органами. В то же время многое определяется торговой политикой национальных правительств и общей ситуацией, складывающейся в самих странах и в мировой экономике.

Экспорт

После вступления в ЕС в исследуемых странах наблюдался период бурного роста внешней торговли, продолжавшийся до мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. (рис. 1).

Темпы ежегодного прироста в те годы доходили до 30 % и выше. Но выход из кризиса был затяжным и вялым, а после 2011 г. повторения таких высоких темпов не было ни у одной прибалтийской страны. Экономическое развитие стран Балтии того времени подробно изучено в специальной литературе (см., напр.: [1; 28—30]), поэтому подробно на нем мы не останавливаемся.

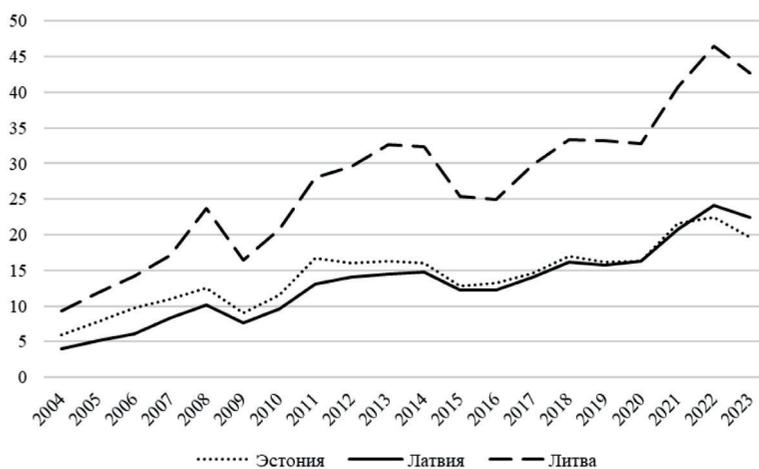

Рис. 1. Экспорт товаров стран Балтии, млрд долл. США

Рассчитано на основе данных WTO: Merchandise exports by product group — annual (Million US dollar), *WTO Stats*, URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 22.10.2024).

Страны Балтии более чувствительны к внешним экономическим и торговым кризисам, чем другие государства ЕС, что связано с их повышенной зависимостью от ситуации на внешних рынках. Сокращение их экспорта в период кризисов 2009, 2015—2016, 2023 гг. было более серьезным, чем в целом по ЕС. Например, в 2009 г. экспорт стран Балтии уменьшился на 28,2 %, а ЕС — только на 22,5 %. В 2015 г. во время мирового внешнеторгового кризиса падение было меньше примерно на 10 %, но соотношение спада примерно то же самое: страны Балтии — 19,9 %, ЕС — 12,8 %. В 2023 г. сокращение экспорта стран Балтии на 8,8 % происходило на фоне роста экспорта ЕС на 0,2 % (рис. 2).

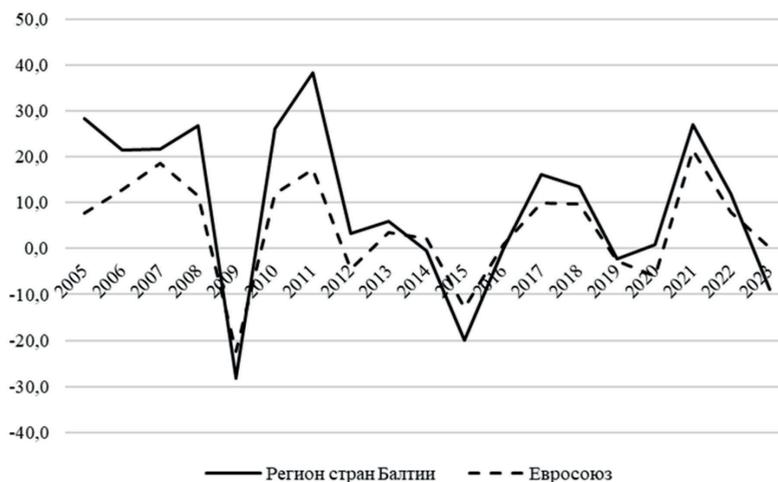

Рис. 2. Темпы ежегодного прироста экспорта товаров региона стран Балтии и Евросоюза, %

Рассчитано на основе данных WTO: Merchandise exports by product group — annual (Million US dollar), *WTO Stats*, URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 22.10.2024).

Анализ данных, приведенных на рисунках 1 и 2, позволяет получить ряд результатов о динамике торговли и структурных сдвигах.

1. За время пребывания стран Балтии в ЕС наблюдались четыре внешнеторговых кризиса: в 2008—2009 гг. (мировой экономический); в 2015—2016 гг. (мировой торговый кризис¹ и антироссийские санкции); в канун и во время пандемии COVID-19. Последний, четвертый, кризис начался в странах Балтии в 2022 г. с объявлением беспрецедентных санкций ЕС против России и проявился в полной мере в 2023 г.

2. По данным Евростата, экспорт Эстонии сократился в 2023 г. по сравнению с 2022 г. с 30,9 до 29,5 млрд евро, Латвии — с 28,0 до 25,9 млрд евро, Литвы — с 58,5 до 56,5 млрд евро². В Евросоюзе в целом экспорт фактически стагнировал на уровне 8,9 трлн евро.

3. Темпы прироста экспорта во время экономических подъемов во всех трех странах превышали средние по ЕС показатели не только на начальном этапе после их присоединения к союзу (2004—2007), но и в последующем, вплоть до 2022 г. По нашей оценке, в 2004—2022 гг. в среднем за год экспорт ЕС возрастал на 4,6 %, тогда как в странах Балтии был в 2 раза выше: в Эстонии — на 8,1 %, в Латвии — на 10,8 %, в Литве — на 9,9 %. Объяснение этому не только относительно низкий старт уровней производства, но и высокая конкурентоспособность производимой в Прибалтийских странах продукции, которая определяется двумя факторами: а) сопоставимыми по качеству с другими передовыми промышленными державами ЕС (например, Германией, Францией) производительными силами (средства производства, оборудование, технологии и т. д.); б) относительно низкой заработной платой. Отставание по зарплате сохраняется все годы, и в последние из них она была в 2—3 раза ниже средней по ЕС. Согласно Евростату, в 2018 г. (последний год, за который в базе данных имеется информация) средняя почасовая заработная плата в ЕС27 составляла 15,43 евро, в Эстонии — 7,46 евро, в Латвии — 6,28 евро, в Литве — 5,28 евро³. Первый фактор позволяет прибалтийским производителям поставлять на внешний рынок продукцию, сопоставимую по качеству с иностранными компаниями, второй — за счет более низкой цены труда и, следовательно, себестоимости иметь при прочих равных условиях большую свободу в варьировании (снижении) цены как важнейшего компонента конкурентоспособности товаров.

4. Волатильность внешней торговли стран Балтии неизменно выше средних показателей по ЕС: внешнеторговые кризисы в исследуемых странах глубже, а выход из кризисов идет по более крутым траекториям. Объясняется это, во-первых, более высокой степенью зависимости стран Балтии от ситуации в мировой экономике, чем в целом по ЕС, и, во-вторых, относительно слабым внутригосударственным управлением и регулированием в них. Последнее проявляется, в частности, в низких показателях социально-экономического развития и в отношении общества к органам власти. Так, один из ведущих российских специалистов по странам Бал-

¹ В Бюллетене о текущих тенденциях мировой экономики Аналитического центра при Правительстве России за 2017 г., посвященном странам Балтии, говорится, что мировой торговый кризис был вызван мировой конъюнктурой: «В 2012—2014 годах долларové объемы торговли постепенно росли (за исключением экспорта Эстонии), но в 2015 году резко сократились (на 15—20%), в первую очередь за счет снижения мировых цен на многие товары» (В фокусе: Прибалтика — оживление после Великой рецессии, 2017, *Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики*, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, вып. 20, с. 7, URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/13165.pdf?ysclid=m0z1pjc1xt22871867> (дата обращения: 22.10.2024)).

² Goods and services, imports and exports, *Eurostat*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tec00110/default/table?lang=en> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Hourly earnings by economic activity and contractual working time (enterprises with 10 employed persons or more), *Eurostat*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/earn_ses18_hftpt/default/table?lang=en (дата обращения: 20.10.2024).

тии В. А. Оленченко отмечает: «Результаты деятельности правительств, оценки деятельности политиков в общественном мнении стран Прибалтики свидетельствуют о низком авторитете прибалтийских руководителей. Они направляют свои усилия не на отстаивание преимуществ для Прибалтики, а на продвижение евроатлантической идеологии» [1, с. 75].

Товарная структура

Крупных структурных сдвигов в экспорте стран Балтии по товарным группам не происходило, что характерно для многих экономик мира, имеющих развитые производительные силы. Основу экспорта в 2023 г. составляли те же виды продукции, что и в 2004 г. (табл. 1).

Таблица 1

Сдвиги в структуре товарного экспорта стран Балтии, 2004 – 2023 гг., % в общем объеме экспорта

Товарные группы (расположены по доле в экспорте, 2023)	2004	2023
<i>Латвия</i>		
Древесина и изделия из нее	27,56	15,1
Электрические машины и оборудование	3,96	10,76
Минеральное топливо	4,63	7,39
<i>Литва</i>		
Минеральное топливо	25,07	14,32
Средства наземного транспорта	5,42	7,53
Мебель	6,06	7,51
<i>Эстония</i>		
Электрические машины и оборудование	21,9	13,95
Древесина и изделия из нее	11,63	10,45
Механические устройства и оборудование	4,71	9,25

Рассчитано на основе данных Trade Map: List of products exported by Latvia, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

Внутри комплекса основных экспортно-ориентированных отраслей тем не менее произошли существенные структурные сдвиги. Например, доля древесины как традиционного для Латвии экспортного товара сократилась почти в 2 раза, а других видов продукции обрабатывающей промышленности увеличилась в 2–3 раза (электрические машины и оборудование). В экспорте Литвы снизилась доля минерального топлива, но отрасль осталась на 1-м месте по объему вывоза продукции. В Эстонии первые две позиции в экспорте сохранили электрические машины и оборудование, а также древесина, хотя их доли сократились.

Страновая структура

Соотношение прибалтийских экономик между собой в экспорте региона (внутрирегиональная структура) меняется медленно, доля стран в ней в целом соответствует их численности населения и уровню экономического и промышленного развития. На Литву приходится почти 50 % экспорта региона, на Латвию — 23–25 %, на Эстонию — 26–27 %.

Расчеты ИИТ стран Балтии между собой, проведенные по формуле (1), показали, что по 4 из 6 страновых внутрирегиональных направлений интенсивность торговли по экспорту существенно возросла, (2004 г.: 2023 г.):

— Эстонии в Латвию — 77,0:115,1;

- Эстонии в Литву — 46,2 : 80,1;
- Латвии в Эстонию — 85,1 : 111,3;
- Латвии в Литву — 113,4 : 171,6;
- Литвы в Латвию — 79,0 : 52,5;
- Литвы в Эстонию — 39,5 : 26,3.

Таким образом, гипотеза исследования об общем повышении ИИТ между странами Балтии в 2004—2023 гг. подтверждена лишь частично. Из повышательной тенденции выбивается экспорт Литвы в Латвию и Эстонию, что объясняется двумя причинами:

а) относительно невысоким ростом экспорта Литвы в соседние прибалтийские страны в 2004—2023 гг. (в 4,8 раза в Латвию и в 5,0 раз в Эстонию) в сравнении с увеличением литовского ВВП — в 6,4 раза;

б) переориентацией потоков литовских товаров на Польшу, Германию, Нидерланды и другие страны ЕС. Так, экспорт Литвы в Польшу повысился с 449 млн евро в 2004 г. до 3944 млн евро в 2023 г., то есть в 8,8 раза.

Внешние направления

Внешние по отношению к региону стран Балтии направления товарного экспорта претерпели серьезные структурные сдвиги за 20 лет. В таблице 2 сведены данные по основным странам — импортерам товаров, произведенных в Прибалтике в 2004 и в 2023 гг.

Таблица 2

**Перечень главных импортеров товаров стран Балтии
(в скобках — доля в экспорте), %**

Место, 2023	2004	2023
<i>Экспорт Латвии</i>		
1	Германия (12,2)	Литва (18,1)
2	Великобритания (12)	Эстония (11,6)
3	Швеция (9,8)	Германия (7)
4	Литва (8,7)	Россия (6)
5	Эстония (7,6)	Швеция (5,9)
6	Россия (6,5)	Великобритания (4,8)
<i>Экспорт Литвы</i>		
1	Латвия (10,2)	Латвия (10,8)
2	Германия (10,2)	Польша (9,3)
3	Россия (9,3)	Германия (7,8)
4	Франция (6,3)	Нидерланды (5,9)
5	Великобритания (5,3)	Эстония (5,5)
6	Швеция (5,1)	Россия (5,4)
<i>Экспорт Эстонии</i>		
1	Финляндия (20,6)	Финляндия (15,4)
2	Швеция (13,9)	Латвия (11,6)
3	Россия (11,9)	Швеция (9,1)
4	Латвия (7,7)	Литва (8,1)
5	Германия (7,5)	Германия (6,4)
6	Литва (4,1)	Россия (5,9)

Рассчитано на основе данных Trade Map: List of importing markets for a product exported by Latvia, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

Результаты

1. В целом географические направления экспорта стран Балтии остались неизменными за 20 лет — это соседи и близлежащие государства, имеющие выход в Балтийское море, включая Россию, несмотря на потерю нашей страной первых мест во многих товарных группах прибалтийского экспорта¹. Все они ведут преимущественно внутреннюю макрорегиональную торговлю, где под макрорегионом понимаются страны Балтийского моря. По нашим оценкам, сделанным на основе БД Trade Map, на такую торговлю в 2023 г. приходилось более 60 % экспорта Эстонии и Латвии и почти 50 % экспорта Литвы.

2. Наиболее активная реструктуризация страновых направлений экспорта во всех трех государствах Балтии проходит внутри достаточно узкой группы стран. Шестерки ведущих импортеров латвийской и эстонской продукции в 2004—2023 гг. осталась неизменными. В импорте литовской продукции лидирующие позиции покинули относительно дальние страны Франция и Великобритания, на их место пришли более близко расположенные Польша и Нидерланды.

3. Россия, оставаясь в числе крупных покупателей товаров, произведенных в странах Балтии, переместилась с 3-го на 6-е место в числе ведущих импортеров продукции Литвы и Эстонии. В импорте же латвийской продукции наша страна повысила свой рейтинг, перейдя с 6-й позиции, которую она занимала в 2004 г., на 4-е место в 2023 г. (в 2022 г. Россия также была 4-й).

Из других направлений выделим основной тренд внутрисоюзной торговли стран Балтии: их экспорт внутри ЕС в месячном исчислении сократился с сентября 2022 г. по март 2024 г. на 25—30 % и колеблется около отметки 4 млрд евро (рис. 3).

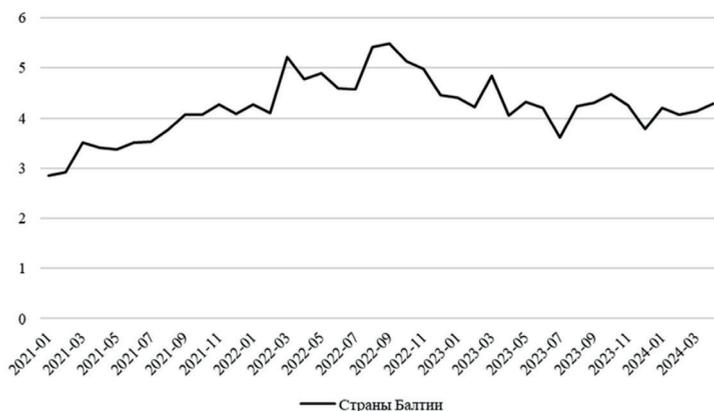

Рис. 3. Экспорт стран Балтии в страны ЕС, месячные данные, млрд евро

Рассчитано на основе данных Eurostat: EU trade since 1999 by SITC, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-018995__custom_12161354/default/table?lang=en (дата обращения: 22.10.2024).

Это свидетельствует о потере в последние годы странами Балтии значительной части конкурентных позиций в торговле на рынке ЕС, что обусловлено, с нашей точки зрения, в первую очередь резким сокращением экономических отношений с Россией.

¹ Так, например, Россия долгое время (до середины 2010-х гг.) находилась на 1-м месте в числе импортеров товаров из Литвы, и ее доля составляла до 20 % литовского экспорта (2014).

Импорт

За период 2004—2023 гг. импорт стран Балтии повторял тренды экспорта. В Латвии рост закупок зарубежных товаров составил 4,3 раза, в Литве — 5,3 раза, в Эстонии — 4,4 раза. Объемы импорта в 2023 г.: Латвия — 27,4 млрд евро, Литва — 53,7 млрд евро и Эстония — 29,3 млрд евро¹.

В 2023 г. вместе с экспортом произошло резкое снижение импорта: Латвия — на 11,5 %, Литва — на 12,1 %, Эстония — на 15 %². Столь высокий спад внешнеторговых показателей объясняется экономической стагнацией в ЕС, долговременными внутренними системными экономическими и социальными проблемами и трудностями в самих Прибалтийских странах, а также неблагоприятной общеэкономической конъюнктурой у их торговых партнеров.

Товарная структура

В структуре основных импортных товаров всех трех стран произошли небольшие изменения за последние 20 лет. Во всех них главными статьями импорта были и остаются четыре товарные группы: минеральное топливо, электрические машины и оборудование, средства наземного транспорта, механическое оборудование и устройства. На них приходится (2023) от 40 до 50 % общего объема импорта каждой из стран³.

Пропорции этих товарных групп между собой также практически неизменны во все годы анализируемого периода за исключением 2022 г., когда из-за ажиотажного спроса на энергоресурсы, вызванного санкциями ЕС в отношении поставок российской нефти, прибалтийские компании, пользуясь отсрочкой введения санкций в действие⁴, резко увеличили закупки всех видов минерального топлива, создавая запасы и доведя долю этой продукции в импорте до невиданных ранее 21 % (Латвия и Эстония) и 28 % (Литва). Но уже в 2023 г. равновесие структуры импорта было восстановлено на уровне 2021 г. и доля энергоресурсов вернулась к средней: Латвия и Эстония — 11 %, Литва — 20 % импорта.

Страновая структура

В страновой структуре импорта стран Балтии произошли кардинальные структурные сдвиги, вызванные уходом России с первых мест в перечне экспортеров (табл. 3).

Таблица 3

**Перечень главных экспортеров товаров в страны Балтии
(в скобках — доля в импорте), %**

Место, 2023	2004	2023
<i>Импорт Латвии</i>		
1	Германия (13,5)	Литва (21,2)
2	Литва (11,9)	Германия (11,1)
3	Россия (9,3)	Польша (10,6)

¹ GDP and main components (output, expenditure and income), *Eurostat*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp__custom_12157892/default/table?lang=en (дата обращения: 22.10.2024).

² List of supplying markets for a product imported by Latvia, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

³ List of products imported by Latvia, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

⁴ Санкции в отношении российской нефти ЕС ввел в июне 2022 г. с изъятиями как по срокам, так и по поставкам.

Окончание табл. 3

Место, 2023	2004	2023
4	Эстония (6,9)	Эстония (8,5)
5	Швеция (6,2)	Нидерланды (4,3)
6	Финляндия (6,1)	Финляндия (4,0)
<i>Импорт Литвы</i>		
1	Россия (23,1)	Германия (13,8)
2	Германия (16,7)	Польша (13,2)
3	Польша (7,7)	Латвия (8,1)
4	Нидерланды (4,0)	США (6,4)
5	Латвия (3,8)	Нидерланды (5,0)
6	Швеция (3,4)	Норвегия (4,5)
<i>Импорт Эстонии</i>		
1	Россия (12,1)	Германия (11,1)
2	Финляндия (10,9)	Китай (9,3)
3	Германия (9,3)	Финляндия (8,6)
4	Швеция (5,8)	Литва (6,6)
5	Китай (4,7)	Польша (6,4)
6	Литва (3,9)	Латвия (5,2)

Рассчитано на основе данных Trade Map: List of supplying markets for a product imported by Latvia, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

Данные таблицы 3 подтверждают сделанный ранее вывод о том, что главные внешнеторговые партнеры — это соседние и близлежащие страны, правда исключая Россию.

Сдвиги в торговле с Россией

На начальном этапе после введения первых санкций (с марта 2022 г. по январь 2023 г.) спад импорта стран Балтии из России был резким (рис. 4). Но затем по мере снижения объемов ввоза товаров из России темпы спада уменьшались, а в 2023 г. импорт уже вышел на стационарные траектории на значительно более низком уровне.

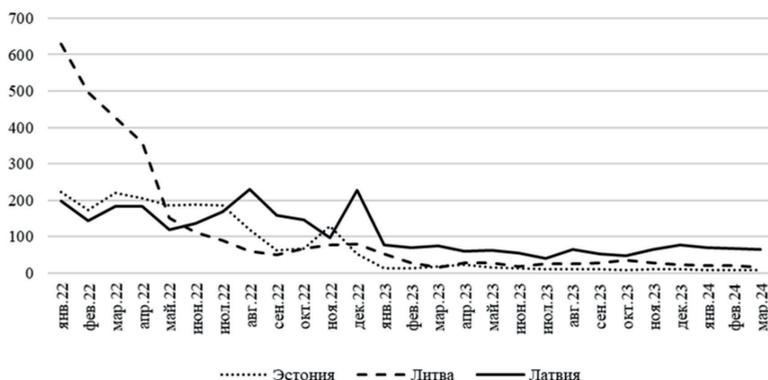

Рис. 4. Импорт стран Балтии из России, месячные данные, млн евро

Рассчитано на основе данных Eurostat: EU trade since 1999 by SITC, *Eurostat*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-018995__custom_12032993/default/table?lang=en (дата обращения: 22.10.2024).

Хотя санкции на экспорт товаров в Россию ЕС также ввел (в частности, в отношении высокотехнологичной продукции), здесь наблюдались более слабые понижательные тенденции до ноября 2023 г. (рис. 5). В целом экспорт стран Балтии в Россию сократился, но не так существенно, как импорт.

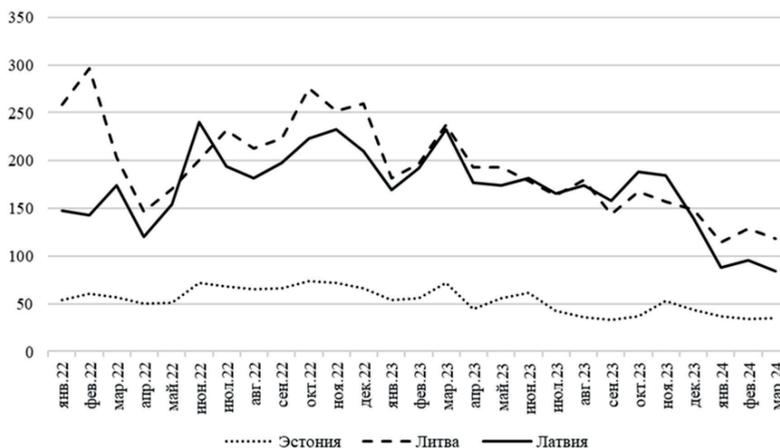

Рис. 5. Экспорт товаров стран Балтии в Россию, ежемесячно, млн евро

Расчитано на основе данных Eurostat: EU trade since 1999 by SITC, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-018995__custom_12032993/default/table?lang=en (дата обращения: 22.10.2024).

Такие глубокие структурные сдвиги лежат в русле более общих негативных тенденций торговли ЕС с Россией: обвал в течение 2022 г. и выход на более низкие в сравнении с 2021 г. уровни и по экспорту, и по импорту (рис. 6).

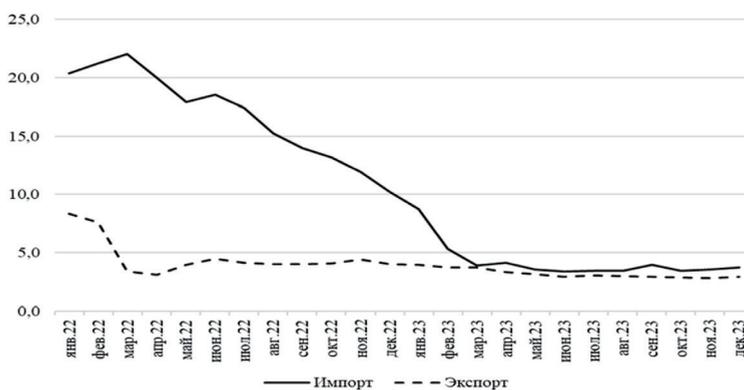

Рис. 6. Внешняя торговля ЕС с Россией, месячные данные, млрд евро

Расчитано на основе данных Eurostat: EU trade since 1999 by SITC, Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ds-018995__custom_12032993/default/table?lang=en (дата обращения: 22.10.2024).

Вместе с тем по весьма значительной группе товаров пищевой и легкой промышленности, составляющих основу российского импорта из Прибалтики, закупки России возросли в 2023 г. (табл. 4).

Таблица 4

**Перечень основных прибалтийских товаров, экспорт которых
в Россию вырос в 2021 – 2023 гг.**

Страна-импортер	Товарная группа	Млн долл.		
		2021	2022	2023
Латвия	Алкогольные и безалкогольные напитки	359,4	358,6	500,9
	Одежда, обувь	92,8	101,8	152,5
	Каучук, резина	17,2	30,6	44,2
Литва	Алкогольные и безалкогольные напитки	300,0	297,0	394,5
	Парфюмерия, косметика	250,1	210,5	296,8
	Одежда, обувь	148,7	111,2	188,4
Эстония	Жиры и масла	221,1	359,3	409,9
	Какао и продукты из него	89,6	100,8	110,5
	Разные пищевые продукты	5,5	28,3	62,4
<i>Всего</i>		1484,4	1598,1	2160,1

Расчитано на основе данных Trade Map: Bilateral trade between Latvia and Russian Federation, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

Всего только по выделенным в таблице 4 товарным группам прирост экспорта стран Балтии в Россию в 2023 г. составил 50 % по сравнению с 2021 г. и достиг 2,2 млрд долл. Эти группы товаров представляют собой продуктовые ниши импорта, которые может сохранить и/или расширить Россия.

Более того, в сравнении с другими странами ЕС прибалтийские экспортеры даже усилили свои позиции на российском рынке в 2022–2023 гг. По нашим расчетам, полученным на основе БД Trade Map, доля стран Балтии в экспорте ЕС в Россию продукции обрабатывающей промышленности возросла: 6,4 % в 2021 г., 10,1 % в 2022 г., 13,2 % в 2023 г.

В отраслевом разрезе наиболее крупные структурные сдвиги за долгосрочный период с 2013 г. по настоящее время произошли в импорте странами Балтии основного товара — минерального топлива. О главных страновых направлениях и масштабах свидетельствуют данные таблицы 5.

Таблица 5

**Доля основных стран — поставщиков минерального топлива
в страны Балтии, % по стоимости**

Страна-поставщик*	Годы			
	2013	2021	2022	2023
<i>Импортер — Латвия</i>				
1. Литва	43,5	32,7	55,9	62,4
2. Эстония	2,9	17,5	18,5	10,3
3. Россия	28,1	34,4	19,2	10,1
<i>Импортер — Литва</i>				
1. США	0,3	7,6	21,8	25,1
2. Норвегия	0	0,1	15,4	23,1
13. Россия	84,6	50,3	10,8	0,6
<i>Импортер — Эстония</i>				
1. Литва	23,3	10,6	14,8	22,3
2. США	0	0,2	3,8	9,1
14. Россия	42,0	40,2	27,3	0,6

*С указанием места в числе поставщиков по состоянию на 01.01.2024 г.

Расчитано на основе данных Trade Map: List of supplying markets for a product imported by Latvia, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

В число ключевых экспортеров энергетических ресурсов в страны Балтии в 2023 г. входили США и Норвегия, которые практически полностью отсутствовали на этом рынке всего 3 года назад. Также появились новые поставщики в лице Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и других стран.

Россия к настоящему времени, можно считать, полностью прекратила свое участие в обеспечении Литвы и Эстонии энергоресурсами, а в Латвии ее доля на 1 января 2024 г. составляла 10,1 %.

Во 2-м квартале 2024 г. Латвия импортировала из России энергоресурсов всего лишь на сумму 37,3 млн долл., из них газ — на 28,0 млн долл., нефть — на 4,5 млн долл., электроэнергия — на 4,9 млн долл., Литва — на 4,4 млн долл. (газ — на 3,5 млн долл., электроэнергия — на 1,1 млн долл.), Эстония — на 2,4 млн долл. (газ)¹.

Тем не менее торговля с Россией продолжается. Хотя по большинству неэнергетической российской продукции импорт странами Балтии тоже сократился, имеется ряд товарных ниш, где он вырос в 2023 г. (табл. 6).

Таблица 6

Перечень основных российских товаров, импорт которых странами Балтии увеличился в 2021–2023 гг.

Товарная группа	Млн долл.		
	2021	2022	2023
<i>Латвия</i>			
Остатки и отходы пищевой промышленности	7,6	76,5	102,0
Злаки	33,0	83,0	84,6
Жемчуг, драгоценные металлы	23,5	5,5	44,0
<i>Литва</i>			
Остатки и отходы пищевой промышленности	14,2	35,1	53,8
Каучук, резина	33,5	33,2	35,6
Овощи	14,8	10,1	30,2
<i>Эстония</i>			
Жиры и масла	5,1	13,7	12,3
Злаки	0,4	1,4	8,7
Полиграфическая продукция	4,5	4,6	4,8

Рассчитано на основе данных Trade Map: Bilateral trade between Latvia and Russian Federation, *Trade Map*, https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

Таким образом, многие компании Прибалтийских стран и России продолжают поддерживать взаимную торговлю, а по отдельным категориям товаров наращивают ее. Давние, уходящие корнями в советские и ранние постсоветские времена торгово-производственные и личностные отношения, привычная и понятная бизнес-среда, совместимая инфраструктура и логистика, минимальные транзакционные и транспортные издержки — вот база торговли стран Балтии и России.

Заключение

Геополитические проблемы, европейские тренды экономического развития на пониженных траекториях и курс Запада на конфронтацию с Россией определили направления, масштабы и глубину структурных сдвигов во внешней

¹ Bilateral trade between Latvia and Russian Federation, *Trade Map*, URL: https://www.trademap.org/Bilateral_MQ_TS.aspx (дата обращения: 22.10.2024).

торговле стран Балтии. Поэтому резкое падение показателей экспорта и импорта Прибалтийских стран в 2023 г. уже не может быть объяснено действием российского фактора, а связано только с неблагоприятной общеэкономической конъюнктурой в своих экономиках и у их нынешних внешнеторговых партнеров, а также с долговременными трудностями и фактической стагнацией экономики ЕС.

Для стран Балтии характерна высокая степень взаимозависимости и региональной торговой интеграции. Из общей тенденции повышения индекса интенсивности взаимной торговли выбивается только экспорт Литвы, что объясняется ее повышенной ориентацией во внешней торговле на Польшу и Германию.

Главный долгосрочный (продолжавшийся в течение 10 последних лет), политически мотивированный в рамках общей конфронтационной политики Брюсселя по отношению к России структурный сдвиг заключался в выдавливании нашей страны с внутренних рынков стран ЕС и Балтии. Для этого использовался инструмент санкций, эффективность которого в странах Балтии долгое время, вплоть до 2022 г. была невысокой: понижательные тенденции в торговле с России наблюдались, но оставались относительно слабыми.

Основной краткосрочный, занявший всего несколько месяцев структурный сдвиг в торговле с Россией произошел в 2022 г. Как показало исследование длинных рядов месячных данных с января 2022 г. по март 2024 г., ввоз Прибалтийскими странами продукции из России сократился в разы. В результате в импорте из России произошла беспрецедентная по глубине реструктуризация. Закупки российских энергоресурсов были сокращены до статистически малозначимых показателей. Можно сказать, что к настоящему времени Россия практически не участвует в энергообеспечении стран Балтии.

В то же время по значительной номенклатуре продукции торговые связи стран Балтии с Россией и по экспорту, и по импорту выдерживают груз возникших проблем. По товарам, на которые не распространяются санкции, торговля прибалтийских и российских компаний остается относительно устойчивой как к экономическим, так и к геополитическим вызовам, хотя и на более низком в сравнении с 2021 г. уровне. По отдельным видам продукции наблюдается даже рост показателей товарооборота (продукты питания, легкая промышленность, некоторые отрасли обрабатывающей промышленности). Это именно те товарные ниши, в которых, с нашей точки зрения, российские компании могут сохранить и/или усилить свои позиции в торговле со странами Балтии.

В 2022—2023 гг. в конкурентной борьбе с другими европейскими компаниями за российский рынок прибалтийские экспортеры также достигли существенных успехов по ряду не находящихся под санкциями товарных групп. Так, за эти два года доля стран Балтии в общем объеме экспорта ЕС в Россию продукции обрабатывающей промышленности увеличилась более чем в 2 раза и составила 6,4 % в 2021 г., 10,1 % в 2022 г. и 13,2 % в 2023 г.

Все это свидетельствует о высокой адаптационной способности определенной части прибалтийского бизнеса, продукция которого не подпала под санкции, к геоэкономическим и геополитическим стрессам, его умении учитывать сложные современные условия ведения торговой деятельности на внешних рынках, в том числе на российском направлении. Многие из прибалтийских компаний, имеющих торговые связи с Россией, ищут возможности их сохранения и, как показало исследование, даже расширения в определенных товарных нишах. Это и понятно, пото-

му что завоевание новых зарубежных рынков — процесс долгий, сложный и болезненный, а торговля с Россией всегда была для них не только хорошо известным и налаженным, но и выгодным бизнесом.

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Оленченко, В. А. 2021, Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация, *Общественные науки и современность*, № 4, с. 64—76, <https://doi.org/10.31857/S086904990016456-3>
2. Межевич, Н. М. 2017, *Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов*, М., Ассоциация книгоиздателей «Русская книга».
3. Симачев, Ю. В., Федюнина, А. А., Аверьянова, Ю. В. 2020, Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID-19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики, *Балтийский регион*, т. 12, № 4, с. 128—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-7>
4. Дружинин, А. Г. 2023, Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
5. Стрюковатый, В. В. 2024, Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 57—75, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>
6. Baur, A., Dorn, F., Flach, L., Fuest, C. 2023, Rethinking Geoeconomics: Trade Policy Scenarios for Europe's Economy, *EconPol Policy Report*, № 44.
7. Eckert, S. 2024, Business Power and the Geoeconomic Turn in the Single European Market, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 973—992, <https://doi.org/10.1111/jcms.13604>
8. Fiott, D. 2024, From Liberalisation to Industrial Policy: Towards a Geoeconomic Turn in the European Defence Market?, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 1012—1027, <https://doi.org/10.1111/jcms.13600>
9. Freudlsperger, C., Meunier, S. 2024, When Foreign Policy Becomes Trade Policy: The EU's Anti-Coercion Instrument, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 1063—1079, <https://doi.org/10.1111/jcms.13593>
10. Christou, A., Damro, C. 2024, Frames and issue linkage: EU trade policy in the geoeconomic turn, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 1080—1096, <https://doi.org/10.1111/jcms.13598>
11. Alessandria, G., Johnson, R. C., Yi, K.-M. 2023, Perspectives on trade and structural transformation, *Oxford Development Studies*, vol. 51, № 4, p. 455—475, <https://doi.org/10.1080/13600818.2023.2279665>
12. Lewis, L., Monarch, R., Sposi, M., Zhang, J. 2022, Structural change and global trade, *Journal of the European Economic Association*, vol. 20, № 1, p. 476—512, <http://doi.org/10.1093/jeaa/jvab024>
13. Kumar, R. 2023, Global value chains and structural transformation: evidence from the developing world, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 66, p. 285—299, <http://doi.org/10.1016/j.strueco.2023.05.006>
14. Lund, S., Manyika, J., Woetzel, J., Bughin, J., Krishnan, M., Seong, J., Muir, M. 2019, *Globalization in Transition: The Future of Trade and Value Chains*, McKinsey Global Institute, 131 p.
15. Afonso, A., Huart, F., Jalles, J. T., Stanek, P. 2019, Long-run relationship between exports and imports: current account sustainability tests for the EU, *Portuguese Economic Journal*, vol. 19, № 2, p. 155—170, <https://doi.org/10.1007/s10258-019-00168-x>

16. Erkisi, K., Ceyhan, T. 2019, Trade liberalization and economic growth: a panel data analysis for transition economies in Europe, *Journal of Economics, Finance and Accounting*, vol. 6, № 2, p. 82—94, <http://doi.org/10.17261/Pressacademia.2019.1047>
17. Dritsaki, M., Dritsaki, C. 2020, Trade openness and economic growth: a panel data analysis of Baltic countries, *Asian Economic and Financial Review*, vol. 10, № 3, p. 313—324, <https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2020.103.313.324>
18. Irandoust, M. 2016, Structural changes, FDI, and economic growth: evidence from the Baltic states, *Journal of Economic Structures*, vol. 5, № 14, p. 1—9, <https://doi.org/10.1186/s40008-016-0045-8>
19. Yeboah, E. 2023, Does foreign direct investment and trade openness support economic development? Evidence from four European countries, *Scientific Annals of Economics and Business*, vol. 70, № 4, p. 585—601, <https://doi.org/10.47743/saeb-2023-0033>
20. Tekin, A., Çınar, İ. T., Sağdıç, E. N., Yıldız, F. 2023, Trade openness and sustainable government size: evidence from Central and Eastern European countries, *Sustainability*, vol. 15, № 15, p. 11836, <https://doi.org/10.3390/su151511836>
21. Kulbacki, M., Michalczuk, A. 2021, Regional trade integration in Central and Eastern Europe: state of play after 15 years of EU membership, *Journal of Economics & Management*, vol. 43, p. 225—250, <https://doi.org/10.22367/jem.2021.43.11>
22. Elteto, A., Antaloczy, K. 2017, Export Promotion Aims and Reality: A Comparison of the Iberian, Baltic and Central European Region, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 7, № 1, p. 43—53, <https://doi.org/10.1515/bjes-2017-0004>
23. Priede, J., Feng, H. 2017, Evaluation of Latvia-China Trade Potential, *European Research Studies Journal*, vol. XX, № 3A, p. 931—941, <https://doi.org/10.35808/ersj/755>
24. Zheng, X., Jia, L., Bao, J., Chen, J. 2018, A study of trade complementarity between China and the Baltic states and its development strategies, *Amfiteatru Economic*, vol. 20, № 49, p. 788—803, <https://doi.org/10.24818/EA/2018/49/788>
25. Ditsiou, A., Darvidou, K., Siskos, E. 2024, The bilateral trade imbalances between the EU and China: Structure and trends, *Problems and Perspectives in Management*, vol. 22, № 2, p. 137—149, [https://doi.org/10.21511/ppm.22\(2\).2024.12](https://doi.org/10.21511/ppm.22(2).2024.12)
26. Purju, A. 2023, *The economic interaction between the USA and the littoral states of the Baltic Sea*, BSR Policy Briefing series, № 3.
27. Шеров-Игнатьев, В. Г., Николаюк, Т. Р., Суменкова, М. В. 2021, Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией: кто окажется в выигрыше?, *Международная торговля и торговая политика*, т. 7, № 1, с. 62—80, <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-1-62-80>
28. Хесин, Е. С. (ред.). 2020, Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности, М., ИМЭМО РАН. EDN: OXQLAB
29. Кондратьева, Н. Б. 2020, *Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспективы*, М., РАН. EDN: ООЕРАД
30. Четверикова, А. 2024, Тенденции развития Евросоюза: некоторые аспекты экономической интеграции, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 68, № 1, с. 95—104, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-95-104>

Об авторе

Владимир Гаврилович Варнавский, доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: varnavsky@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1772-1800>

STRUCTURAL SHIFTS IN THE BALTIC STATES' FOREIGN TRADE

V. G. Varnavskii

Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 24 July 2024
Accepted 04 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-3
© Varnavskii, V. G., 2024

Professor Gennady Fedorov, Doctor of Geography and a distinguished Soviet and Russian researcher, made a significant contribution to the study of economic development in the Baltic states, particularly in their economic relations with Russia. His work consistently underscored the importance of trade with Russia for the Baltic economies and its impact on regional production of goods and services. Recent geopolitical shifts have triggered profound structural changes in international trade. This article examines the trade in goods within the Baltic states, as well as between these states and third countries, including Russia. It evaluates the long- and short-term structural shifts in commodity flows, utilizing a comparative analysis of export and import trends based on the latest international statistics. The study covers the period from 2004 to 2024, drawing on annual statistics from 2004–2023 and more granular quarterly and monthly data for 2021–2024, sourced from UN/UNCTAD, Eurostat, WTO, and the World Bank. Employing methods of statistical and structural analysis and Trade Intensity Index (TII) calculations, the article investigates two hypotheses. The first hypothesis, proposing a general increase in the TII between the Baltic states from 2004 to 2023, is partially supported; Lithuania's exports deviate from the overall trend due to the country's strong trade links with Poland and Germany. The second hypothesis, asserting the adaptability of Baltic business to geo-economic and geopolitical stresses — including sustained trade with Russia— has been fully confirmed. The article identifies commodity groups where export and import flows between the Baltic states and Russia increased between 2021 and 2023, highlighting potential niches for Russia to maintain or expand its presence.

Keywords:

Baltic states, foreign trade, trade intensity index, Lithuania, Latvia, Estonia, Russia

References

1. Olenchenko, V. 2021, The Baltic States in the European Union: Main Characteristics of Membership and Their Anti-Russian Orientation, *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, № 4, p. 64–76, <https://doi.org/10.31857/S086904990016456-3>
2. Mezhevich, N. M. 2017, *Problems and prospects of economic relations between Russia and the Baltic states under the conditions of sanctions regimes*, M., Association of Book Publishers «Russian Book» (in Russ.).
3. Simachev, Y. Y., Fedyunina, A. A., Averyanova, Y. Y. 2020. Transformation of global value chains in Russia and the Baltics amid COVID-19: prospects for regionalization and implications for economic policy, *Baltic Region*, vol. 12, № 4, p. 128–146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-7>
4. Druzhinin, A. A. 2023. The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-soviet Russia: the Baltic case, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 6–23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>

5. Stryukovaty, V. V. 2024, Russia's geostrategic position in the Baltic area as a threat of naval blockade in the current circumstances, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 57—75, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4> (in Russ.).
6. Baur, A., Dorn, F., Flach, L., Fuest, C. 2023, Rethinking Geoeconomics: Trade Policy Scenarios for Europe's Economy, *EconPol Policy Report*, № 44.
7. Eckert, S. 2024, Business Power and the Geoeconomic Turn in the Single European Market, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 973—992, <https://doi.org/10.1111/jcms.13604>
8. Fiott, D. 2024, From Liberalisation to Industrial Policy: Towards a Geoeconomic Turn in the European Defence Market?, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 1012—1027, <https://doi.org/10.1111/jcms.13600>
9. Freudlsperger, C., Meunier, S. 2024, When Foreign Policy Becomes Trade Policy: The EU's Anti-Coercion Instrument, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 1063—1079, <https://doi.org/10.1111/jcms.13593>
10. Christou, A., Damro, C. 2024, Frames and issue linkage: EU trade policy in the geoeconomic turn, *Journal of Common Market Studies*, vol. 62, № 4, p. 1080—1096, <https://doi.org/10.1111/jcms.13598>
11. Alessandria, G., Johnson, R. C., Yi, K.-M. 2023, Perspectives on trade and structural transformation, *Oxford Development Studies*, vol. 51, № 4, p. 455—475, <https://doi.org/10.1080/13600818.2023.2279665>
12. Lewis, L., Monarch, R., Spasi, M., Zhang, J. 2022, Structural change and global trade, *Journal of the European Economic Association*, vol. 20, № 1, p. 476—512, <http://doi.org/10.1093/jeea/jvab024>
13. Kumar, R. 2023, Global value chains and structural transformation: evidence from the developing world, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 66, p. 285—299, <http://doi.org/10.1016/j.strueco.2023.05.006>
14. Lund, S., Manyika, J., Woetzel, J., Bughin, J., Krishnan, M., Seong, J., Muir, M. 2019, *Globalization in Transition: The Future of Trade and Value Chains*, McKinsey Global Institute, 131 p.
15. Afonso, A., Huart, F., Jalles, J. T., Stanek, P. 2019, Long-run relationship between exports and imports: current account sustainability tests for the EU, *Portuguese Economic Journal*, vol. 19, № 2, p. 155—170, <https://doi.org/10.1007/s10258-019-00168-x>
16. Erkisi, K., Ceyhan, T. 2019, Trade liberalization and economic growth: a panel data analysis for transition economies in Europe, *Journal of Economics, Finance and Accounting*, vol. 6, № 2, p. 82—94, <http://doi.org/10.17261/Pressacademia.2019.1047>
17. Dritsaki, M., Dritsaki, C. 2020, Trade openness and economic growth: a panel data analysis of Baltic countries, *Asian Economic and Financial Review*, vol. 10, № 3, p. 313—324, <https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2020.103.313.324>
18. Irandoust, M. 2016, Structural changes, FDI, and economic growth: evidence from the Baltic states, *Journal of Economic Structures*, vol. 5, № 14, p. 1—9, <https://doi.org/10.1186/s40008-016-0045-8>
19. Yeboah, E. 2023, Does foreign direct investment and trade openness support economic development? Evidence from four European countries. *Scientific Annals of Economics and Business*, vol. 70, № 4, p. 585—601, <https://doi.org/10.47743/saeb-2023-0033>
20. Tekin, A., Çınar, İ. T., Sağdıç, E. N., Yıldız, F. 2023, Trade openness and sustainable government size: evidence from Central and Eastern European countries, *Sustainability*, vol. 15, № 15, p. 11836, <https://doi.org/10.3390/su151511836>
21. Kulbacki, M., Michalczyk, A. 2021, Regional trade integration in Central and Eastern Europe: state of play after 15 years of EU membership, *Journal of Economics & Management*, vol. 43, p. 225—250, <https://doi.org/10.22367/jem.2021.43.11>
22. Elteto, A., Antaloczy, K. 2017, Export Promotion Aims and Reality: A Comparison of the Iberian, Baltic and Central European Region, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 7, № 1, p. 43—53, <https://doi.org/10.1515/bjes-2017-0004>
23. Priede, J., Feng, H. 2017, Evaluation of Latvia-China Trade Potential, *European Research Studies Journal*, vol. XX, № 3A, p. 931—941, <https://doi.org/10.35808/ersj/755>

24. Zheng, X., Jia, L., Bao, J., Chen, J. 2018, A study of trade complementarity between China and the Baltic states and its development strategies, *Amfiteatru Economic*, vol. 20, № 49, p. 788—803, <https://doi.org/10.24818/EA/2018/49/788>

25. Ditsiou, A., Darvidou, K., Siskos, E. 2024, The bilateral trade imbalances between the EU and China: Structure and trends, *Problems and Perspectives in Management*, vol. 22, № 2, p. 137—149, [https://doi.org/10.21511/ppm.22\(2\).2024.12](https://doi.org/10.21511/ppm.22(2).2024.12)

26. Purju, A. 2023, *The economic interaction between the USA and the littoral states of the Baltic Sea*, BSR Policy Briefing series, № 3.

27. Sherov-Ignatev, V. G., Nikolayuk, T. R., Sumenkova, M. V. 2021, Free trade agreement between the EAEU and Indonesia: who will benefit?, *International Trade and Trade Policy*, vol. 7, № 1, p. 62—80, <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-1-62-80> (in Russ.).

28. Khesin, E. S. (ed.). 2020, *The european union in the world economy: competitiveness issue*, M., IMEMO RAS. EDN: OXQLAB

29. Kondratieva, N. 2020, *The European model of market integration. Formation and perspective*, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. EDN: OOEPAD (in Russ.).

30. Chetverikova, A. 2024, European Union Development Trends: Some Aspects of Economic Integration, *World Economy and International Relations*, vol. 68, № 1, p. 95—104, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-95-104> (in Russ.).

The author

Prof Vladimir G. Varnavskii, Head of Research Centre for Industrial and Investment Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: varnavsky@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1772-1800>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДА

А. И. Костяев

Г. Н. Никонова

Санкт-Петербургский федеральный
исследовательский центр РАН,
199178, Россия, Санкт-Петербург,
14-я линия Васильевского острова, 39

Поступила в редакцию 03.08.2024 г.
Принята к публикации 04.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-4
© Костяев А. И., Никонова Г. Н., 2024

Избыточная дифференциация и поляризация в развитии сельского пространства ведут к сжатию, фрагментации, социальному «опустыниванию» территорий, что проявляется во многих регионах. Цель исследования — установить тенденции, особенности и закономерности дифференциации сельского пространства Северо-Запада на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях. Методология исследования базировалась на подходе к изучению процесса формирования дифференциации сельского пространства с позиций взаимосвязанного влияния на него системы агропромышленного комплекса и системы «город — село». Особенности процессов изменений исследовались в производственной, демографической и расселенческой сферах. Индикаторами выступали показатели динамики посевных площадей и поголовья скота за 1989, 2007 и 2023 гг., а численности сельского населения и людности сельских населенных пунктов, кроме того, — за 2002, 2010, 2020 гг. Уровни исследования — регионы (Ленинградская, Новгородская и Псковская области) и районы (муниципальные районы и округа). Проверялись и в основном подтвердились гипотезы о влиянии на дифференциацию развития территорий районов рентного механизма и центр-периферийных отношений. Выявлены ареалы с положительной и отрицательной динамикой посевных площадей и поголовья скота при ее разной интенсивности, включая зоны сжатия и фрагментации. Установлены ареалы с приростом и сокращением численности сельского населения в рассматриваемых регионах. Определено, что дифференциация пространства по людности сельских населенных пунктов в основном совпадает с ареалами динамики численности сельского населения. Сделан вывод, что дальнейшее инерционное развитие сельского пространства Новгородской и Псковской областей усилит их поляризацию с Ленинградской областью и приведет к социально-демографическому «опустыниванию» неурбанизированных территорий. Показана необходимость принятия кардинальных организационно-экономических мер с привлечением государственных и частных инвестиций из-за пределов данных регионов.

Ключевые слова:

регионы Северо-Запада, муниципальные районы, ареалы динамики, рентный потенциал, центр-периферийные отношения, сельское расселение, людность поселений

Для цитирования: Костяев А. И., Никонова Г. Н. Особенности и тенденции дифференциации сельского пространства Северо-Запада // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 72–99. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-4

Введение

Изучению пространственной дифференциации сельской местности посвящены многочисленные научные труды как в России, так и за рубежом. При этом вопросы дифференциации, включая поляризацию, сжатие и фрагментацию сельского пространства, рассматриваются преимущественно в отношении центральных районов Европейской России [1; 2] и районов Европейского Севера [3; 4]. По Северо-Западу имеются публикации об отдельных аспектах этой проблемы: А. Г. Манакова о динамике населения и депопуляционных процессах Псковского региона [5], Е. А. Романовой и соавторов — об эффекте сжатия социально-экономического пространства Псковской области [6], А. В. Соболева — о структурно-функциональных особенностях пространственного развития городских и сельских поселений [7], В. С. Дементьева — о типологии районов по уровню развития системы расселения [8], А. И. Краснова и А. Д. Бизюкова — о динамике численности населения Псковской области в постсоветский период в разрезе сельских населенных пунктов [9].

В данных публикациях показано, что территории регионов Северо-Запада России сильно дифференцированы. Однако комплексные работы, охватывающие процесс пространственной дифференциации сельской местности, как, например, исследование для Калининградской области Г. М. Федорова, включая «территориально-отраслевую систему производства, систему расселения и экономико-демографическую обстановку» [10], в целом для Северо-Запада отсутствуют. Статьи опубликованы преимущественно в 2015—2016 гг. и не учитывают новейших тенденций данного процесса.

В связи с этим целью нашего исследования стало установление особенностей, тенденций и закономерностей дифференциации сельского пространства Северо-Запада¹ на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях.

Объект наблюдения — сельское пространство Северо-Западного экономического района (Северо-Запада) в составе Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

Объект исследования — явления и процессы, происходившие в сельском пространстве Северо-Запада в постсоветский период.

Предмет исследования — особенности, тенденции и закономерности дифференциации сельского пространства Северо-Запада.

Теоретические предпосылки исследования

Ключевая дефиниция в данной статье — понятие «сельское пространство» — определяется нами исходя из позиции А. А. Ткаченко относительно сущности термина «сельская местность», которая, по его мнению, «географически конкретна, обязательно подразумевает пространственную составляющую» и может рассматриваться в разных ипостасях, в том числе «как социально-географическое пространство, формирующееся в процессе жизнедеятельности населения». При этом, как отмечает А. А. Ткаченко, «незаселенные пространства сельской местностью не являются», а сельская местность представляет собой «внегородское пространство с постоянным населением» [11, с. 4]. Следовательно, сельское пространство — это внегородское пространство как с постоянным населением, так и без него. Пространство, где жизнедеятельность человека прекратилась, стало активно формиро-

¹ Под Северо-Западом понимается Северо-Западный экономический район, который в соответствии с «Общероссийским классификатором экономических регионов. ОК 024-95», утвержденным Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 г. № 640 (ред. от 21.06.2023), включает в себя Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области и г. Санкт-Петербург.

ваться в связи с изменениями, произошедшими в сельской местности после 1990 г. В последние два десятилетия произошел резкий рост числа сельских поселений нового типа — «населенные пункты без населения» [12, с. 42].

В отношении сельского пространства рассматриваются такие трансформационные изменения, как «экономическая поляризация пространства», социально-экономическая поляризация», «поляризация сельского пространства», «социальное опустынивание», «сжатие освоенного пространства».

В одной из своих последних публикаций Г. М. Федоров справедливо отметил, что «развитие экономики и расселения сельской местности во всем мире во многом обусловлено закономерностями центр-периферийных отношений, поляризацией территории» [10, с. 118]. При использовании в исследованиях сельских территорий концепции «центр — периферия» встречаются разные подходы к дифференциации пространства: выделяются «ближняя пригородная зона, дальняя пригородная зона и периферия» [10], «ближняя, средняя и дальняя периферия» [13], «пригород, полупригород, полупериферия, периферия, дальняя периферия» [14], «внутренняя периферия» [15].

Несмотря на различную терминологию, суть рассмотрения дифференциации сельского пространства с позиций концепции «центр — периферия» в публикациях понятна из их контекста. Независимо от варианта выделения пространственных ареалов между центрально-городскими районами и периферийно-сельскими территориями растет разрыв в связи с низкой плотностью, убылью и старением сельского населения периферии, различиями в технологических достижениях и экономическом развитии [16]. При этом трудности, с которыми сталкиваются пригородные районы, неизбежно связаны с проблемами находящихся в упадке сельских периферийных районов [17].

Вводится понятие «внутренней периферии», то есть сельской местности, не относящейся к периферийной, но с низким уровнем доступности услуг в сфере образования, здравоохранения, транспортного сообщения и т. п., что со временем ведет к накоплению проблем, и такие территории становятся малопривлекательными для инвестиций [15]. Некоторые авторы выделяют промежуточные сельские и изолированные районы. Общими чертами таких районов называют низкую доступность, отрицательное сальдо миграции, низкий уровень образования, отсутствие потенциала для эндогенного развития [17].

Относительно перспектив развития центральных и периферийных районов имеются различные точки зрения: а) традиционная, основанная на положении теории «центр — периферия», когда в процессе поляризованного развития формируются, с одной стороны, тенденция концентрации роста в центрах, а с другой — нисходящая спираль отсталости на периферии [18]; б) современная, построенная на перспективах цифровизации и утверждающая, что географическая удаленность не ведет к маргинализации, а центральное расположение не обещает процветания [19].

При исследовании пространственной дифференциации применяется понятие «поляризация», то есть наличие двух разнонаправленных векторов развития данного процесса, действующих одновременно, когда «в одних местах налицо рост и развитие, в других — убыль и упадок» [20, с. 552].

В качестве основных причин дифференциации называют различия в размерах и природных условиях территорий, редкую сеть больших городов, незавершенность процесса урбанизации, историческое наследие прошлого, специфику российских институтов, социальное неравенство [1]. К числу исторического наследия прошлого Т. В. Ускова относит и последствия рыночных реформ 1990-х гг., оказавших значительное влияние на трансформацию производственного и расселенческого каркасов России [3]. Новосибирские ученые в число причин дифференциации сель-

ского пространства включают различия в объеме инвестиций в основной капитал и в характере политики, осуществляемой властями [21]. В зарубежных публикациях отмечается, что инвестиции, направленные на создание инноваций, более эффективны в центральных районах по сравнению с периферийными территориями [16]. Подтверждение этому встречается и в статьях российских авторов: «Инвестиции под воздействием рыночных механизмов концентрируются на территориях вблизи центров регионов или муниципальных районов, отличающихся более выгодным местоположением» [4, с. 9].

В публикациях обращено внимание на различия в развитии городских и сельских районов [22—25]. Отмечается, что, когда большинство крупных городов растет, многие сельские районы и небольшие города сталкиваются с экономической стагнацией или спадом [23], а различия между городскими районами и сельскими районами увеличиваются [22; 27]. Указано, что «разрыв между сельскими и городскими районами сегодня заметен как никогда, а деревенская жизнь по-прежнему не так привлекательна для людей, особенно для молодежи» [25, с. 1]. Сельские жители уступают городскому населению по доходам, условиям быта, обеспеченности социальной инфраструктурой [22]. Самая главная проблема села связана с депопуляцией и старением населения в сельской местности, обезлюдением деревень [25].

Процессы пространственной дифференциации сформировали особый сегмент — депрессивные территории, которые в Европе получили название маргинальных районов. К ним обычно относят удаленные и менее благополучные сельские территории с социально-экономическим и культурным упадком, характеризующиеся безработицей, оттоком населения, его старением и депопуляцией, сельской бедностью и социальной изоляцией, потерей инфраструктуры и услуг, истощением биоразнообразия, заброшенностью земель [25—28].

На наличие такого негативного явления, как «социальное опустынивание», указывает Т. Г. Нефедова, связывая его «с оттоком сельского населения в города и с забрасыванием освоенных сельскохозяйственных земель», что «стимулируется продолжающейся урбанизацией и поляризацией социально-экономического пространства» [29, с. 69—70]. Аналогично об этом пишет академик А. В. Петриков: «Сельское население постепенно концентрируется в пригородных территориях, что приводит к социальному опустыниванию сельских районов, создавая геополитические риски» [30, с. 461].

Дифференциация сельского пространства с вступлением России в эпоху рыночных отношений резко усилилась, произошла поляризация аграрного производства и сельских территорий. На фоне районов с интенсивно развивающимся аграрным производством и ростом численности сельских жителей выделились территории с депопуляцией населения и общей депрессивностью [13].

Проблема сжатия пространства была поднята Д. Харвеем, который выделял «абсолютное пространство» в традиционном понятии и «относительное пространство», сжатие которого происходит под воздействием развития средств связи и транспорта [31, р. 266]. Сжатие «относительного пространства» при этом рассматривается как позитивное явление, ведущее к «росту доступности мест за счет коммуникаций», а сжатие «абсолютного пространства» (локационного, физически наглядного) — как негативное явление, предопределяющее «потерю обжитых, освоенных, экономически активных земель» [2, с. 33]. Сжатие сельского пространства, его социальная поляризация, как отмечал Г. М. Федоров, «происходят в направлениях с севера на юг, с востока на запад, с периферии к центру, по осям север — юг, запад — восток и пригород — периферия» [32, с. 6].

Со сжатием пространства тесно связано понятие его пространственной фрагментации, одним из первых о которой написал Д. Харвей. Он видел причину ее

возникновения в наличии парадокса: «Чем менее важны пространственные барьеры, тем более чувствителен капитал к изменениям местоположения в пространстве и тем больше стимулов для дифференциации мест, привлекательных для капитала» [31, р. 265—266]. Относительно российской действительности под фрагментацией понимается процесс «формирования островов активной экономической жизни в океане демоэкономической депрессии» [14, с. 71]. Сжатие и фрагментация пространства нарушают общие положения концепции «центр — периферия», так как на территориях, удаленных от центров, возникают отдельные ареалы активной экономической жизни, как правило, в связи с появлением агрохолдингов. Поэтому в ходе анализа процессов дифференциации сельского пространства Северо-Запада будут рассмотрены их последствия: поляризация, сжатие, фрагментация, социальное «опустынивание».

Методология, методы и материалы

Вслед за Г.М. Федоровым [10] в качестве методологии исследования взят системный подход, исходя из того, что сельское пространство, включающее в себя демографическую, производственную и расселенческую составляющие, дифференцируется в результате взаимосвязей двух систем: системы агропромышленного комплекса (АПК) и системы взаимодействия «центр — периферия» (рис. 1).

Рис. 1. Дифференциация сельского пространства под воздействием АПК и центр-периферийных отношений

В системе АПК дифференциация происходит под воздействием рентного механизма, а в системе «город — село» — под влиянием закономерностей центр-периферийных отношений. Все это определяет дифференциацию сельского пространства и влияет на трансформацию сельского расселения.

Рентный механизм действует как цепочка взаимосвязей между динамикой спроса на продукцию сельского хозяйства, динамикой посевных площадей и конкурентоспособностью агробизнеса регионов в зависимости от их рентного потенциала. При росте спроса на продовольствие происходит расширение посевных площадей в первую очередь там, где выше земельная рента, затем на территориях со средним и, наконец, с низким ее уровнем. При снижении спроса сокращаются площади посевов в большей степени в регионах с низким и в наименьшей мере с высоким рентным потенциалом земель [33, с. 126]. Вследствие этого на территориях с высоким рентным потенциалом формируется сельское пространство с развивающимся аграрным производством, позитивной динамикой численности населения. Районы, имеющие низкий рентный потенциал, характеризуются очаговой интенсивностью сельскохозяйственного производства, фрагментацией и сжатием сельского пространства.

Действие рентного механизма многократно проверялось на Европейской части территории России с 53 субъектами Федерации, где природные и социально-эконо-

мические условия аграрного производства в пространственном отношении сильно дифференцированы [33]. В масштабах областей Северо-Запада уровень пространственной дифференциации значительно ниже, чем между регионами Европейской России. Поэтому, не утверждая заранее, что рентный механизм влияет на дифференциацию сельского пространства, определяем это положение в качестве научной гипотезы, проверяемой в ходе исследования. Применительно к Северо-Западу также рассматриваем гипотезу о дифференциации сельского пространства под воздействием центр-периферийных отношений. Особое внимание обращено на те районы, которые не вписываются в выдвинутые гипотезы. Они проверяются на предмет сжатия и фрагментации сельского пространства отдельно.

Рентный потенциал предлагается определять через показатели кадастровой стоимости 1 га земель сельскохозяйственного назначения, занятых сельскохозяйственными угодьями, исходя из формулы

$$C = (R_D + R_A) / K_R, \quad (1)$$

где C — кадастровая стоимость 1 га; $(R_D + R_A)$ — потенциальный рентный доход с 1 га; R_D — дифференциальная рента; R_A — абсолютная рента; K_R — коэффициент капитализации ренты равный 0,0303, исходя из срока капитализации (33 лет), принятого для земель сельскохозяйственного назначения. В этом случае

$$R_D = C \cdot K_R - R_A. \quad (2)$$

Информация о показателях кадастровой стоимости земли (C) взята из постановлений исполнительных органов управления Ленинградской, Новгородской и Псковской областей¹. Показатель абсолютной ренты (R_A) един для всей Российской Федерации — 26 руб./га.

В каждом из регионов выделялись группы муниципальных районов (округов) (далее обобщенно — районы) с высоким, средним и низким рентным потенциалом. Дифференциация районов между указанными группами определялась посредством разбиения упорядоченных ранговых шкал с помощью тертилей Q_1 и Q_2 , на основе которых исследовались тенденции и закономерности пространственной динамики в производственной и демографической сферах.

Тенденции в изменении уровня пространственной неоднородности выявлялись с использованием общеизвестных коэффициентов (индексов) Джини (K_G), отража-

¹ Об утверждении средних значений удельных показателей кадастровой стоимости земельных участков, расположенных на территории Ленинградской области, постановление Правительства Ленинградской области от 24.11.2022 г. № 859, *Региональное законодательство Ленинградской области*, URL: <https://npa.lenobl.ru/docs/governor/view/98994/> (дата обращения: 01.07.2024) ; Об утверждении результатов определения кадастровой стоимости земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения на территории Новгородской области и среднего уровня кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения по муниципальным районам Новгородской области, постановление Министерства инвестиционной политики Новгородской области от 27.11.2019 г. № 29, *Официальный интернет-портал правовой информации*, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5301201911290013?index=984> (дата обращения: 01.07.2024) ; Об утверждении среднего уровня кадастровой стоимости земельных участков в составе отдельных категорий по муниципальным районам (городским округам) Псковской области, постановление Правительства Псковской области от 17.02.2023 г. № 78, *Официальный интернет-портал правовой информации*, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6000202302210003> (дата обращения: 01.07.2024).

ющих дифференциацию, и коэффициентов фондов (K_p), характеризующих поляризацию. Использовалась порядковая шкала с разбиением ее с помощью квартилей Q_1 , Q_2 и Q_3 .

В производственной сфере в качестве индикаторов приняты показатели производства аграрной продукции, посевных площадей, поголовья скота и птицы в условных единицах из расчета: 1,0 — коровы; 0,6 — прочий крупный рогатый скот; 0,3 — свиньи; 0,1 — овцы; 0,02 — птица всех видов.

При исследовании центр-периферийных закономерностей сельское пространство разбивалось по принципу удаленности районов от центров регионов: 1 — центральные районы (до 100 км); 2 — промежуточные районы (100—200 км); 3 — периферийные районы (свыше 200 км)¹.

С учетом примерно одинакового качества современных дорог в одноуровневых таксонах регионов данное деление было принято повсеместно.

Ключевыми датами в исследовании аграрного сектора взяты 1989 г. — последний год плановой экономики, когда еще не проявились признаки ее распада, 2007 г. — год перед началом программного подхода к развитию сельского хозяйства и 2023 г. — последний год, по которому есть данные официальной статистики. Информационной базой для исследования аграрного производства для 1989 г. стали статистические сборники Ленинградского, Новгородского и Псковского управлений статистики², а с 2007 по 2023 г. — базы данных муниципальных образований Росстата³.

Для оценки пространственной дифференциации в демографической сфере мы ограничились динамикой численности сельского населения как наиболее информативным индикатором, отражающим в долгосрочной ретроспективе последствия рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста. При исследовании системы расселения использовались показатели средней людности сельских населенных пунктов (СНП), их группировки по численности населения. В качестве информации взяты данные переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

Пространственная дифференциация процесса развития аграрного производства

Межрегиональная дифференциация

Посевные площади в регионах Северо-Запада с 1989 по 2023 г. сокращались более быстрыми темпами, чем по России в целом, где после 2007 г. сформировалась тенденция их роста в связи со значительно более высоким рентным потенциалом земель южных территорий в условиях возникшего роста спроса на продукцию аграрного сектора. В Ленинградской области с ее более благоприятными условиями для формирования дифференциальной ренты посевные площади сократились в меньшей степени, чем в Новгородской и Псковской областях (рис. 2).

¹ Выбор данных таксонов был сделан, исходя из возможностей населения центральных районов, используя личный транспорт, посетить 1—2 социальных объекта в областном центре и вернуться домой в течение 6—7 ч; при посещении промежуточных районов — в течение 12—14 ч; периферийных районов — 34—36 ч (с ночевкой в центре).

² Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности совхозов Ленинградской области в 1989 г. Статистический сборник. Л., Лениблгостат, 1990; Сборник сельское хозяйство Новгородской области в 1989 году. Новгород, Новгородоблстат, 1990.

³ База данных муниципальных образований, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 18.08.2024).

Сложившаяся динамика посевных площадей усилила пространственную дифференциацию между регионами. Особенно это относится к Псковской области, у которой разрыв с Ленинградской областью в 2000 г. составлял 9,2, в 2012 г. — 18, в 2023 г. — уже 19,3 процентных пункта (п. п.).

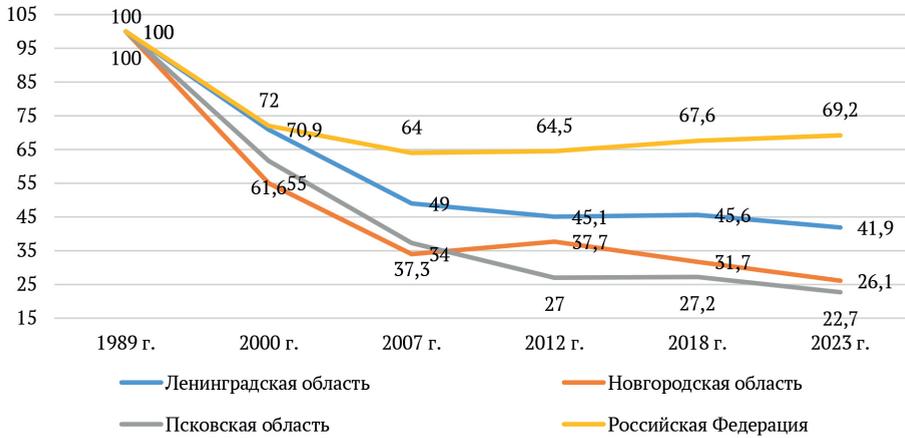

Рис. 2. Дифференциация регионов Северо-Запада по посевным площадям сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в динамике к 1989 г., %

Вторым важным индикатором пространственной дифференциации аграрного сектора является показатель поголовья скота и птицы. Расчеты выявили, что динамика данного показателя была сложной из-за фрагментации пространства, связанной с птицеводческими и свиноводческими холдингами (рис. 3).

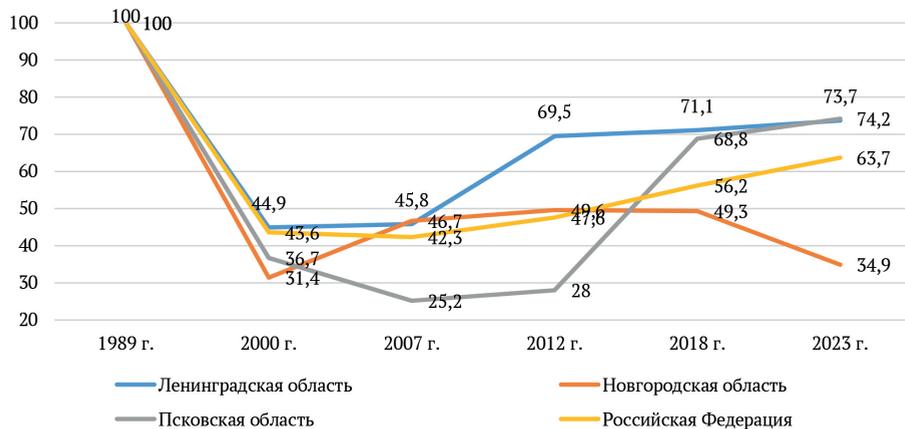

Рис. 3. Дифференциация регионов Северо-Запада по показателю поголовья скота и птицы в хозяйствах всех категорий в условных единицах, % к 1989 г.

В Ленинградской области работают крупнейшие в России птицефабрики «Северная», «Роскар», «Синявинская», в Псковской — свинокомплексы агрохолдинга «Великолукский мясокомбинат», в Новгородской области — птицеводческий холдинг «Белгранкорм — Великий Новгород». В связи с тем что свиноводческие и птицеводческие комплексы Северо-Запада входят в число крупнейших агрохолдингов страны, темпы роста поголовья скота и птицы в Ленинградской области начиная с 2000 г., а

в Псковской — с 2018 г., превысили показатели динамики в целом по России. До 2000 г. дифференциация в северо-западных областях, как и стране, происходила естественным путем по нисходящему тренду, отражающему ситуацию свободного рынка 1990-х гг. В Псковской области данная тенденция продолжалась до середины 2000-х гг. Появление агрохолдингов изменило ситуацию. В Новгородской области в последние пять лет произошел резкий спад поголовья скота и птицы из-за эпидемии чумы свиней, доля которых здесь в структуре поголовья была также высока.

Следует заметить, что крупные свиноводческие и птицеводческие комплексы неоднозначно влияют на развитие сельского пространства, загрязняя окружающую среду, а позитивное социально-экономическое воздействие оказывают лишь локально, так как почти не вовлекают в качестве рабочей силы местное население и земли для производства кормов, используя привозные концентраты. Крупные холдинги, становясь монополистами, вытесняют с рынка соответствующую продукцию малых, средних и даже крупных хозяйств, а при высокой концентрации поголовья возникают риски его массового падежа из-за периодических эпидемий. Сохранение сельских территорий в большей степени связано с крупным и мелким рогатым скотом, для которого нужны грубые и сочные корма, производимые на месте, а следовательно, и площади под их посевы. Дифференциация регионов Северо-Запада по поголовью крупного и мелкого рогатого скота имеет устойчивую тенденцию, связанную с повсеместным его сокращением, что усиливает межрегиональный разрыв (рис. 4).

Рис. 4. Дифференциация регионов Северо-Запада по показателю поголовья крупного и мелкого скота в хозяйствах всех категорий в условных единицах, % к 1989 г.

При этом линия тренда снижения поголовья крупного и мелкого рогатого скота в Ленинградской области к 2023 г. максимально приблизилась к показателям по Российской Федерации.

Внутрирегиональная дифференциация.

Проверка гипотез о влиянии рентного механизма и центр-периферийных отношений на дифференциацию

Группировка районов областей Северо-Запада по темпам прироста посевных площадей показала, что наибольшее количество районов с самыми высокими темпами сокращения посевных площадей в 2007—2023 гг. (прирост — менее 50 %) приходилось на Новгородскую и Псковскую области (табл. 1).

Таблица 1

Группировка районов в регионах Северо-Запада по темпам прироста посевных площадей с 2007 по 2023 г.

Группа районов с приростом, %	Ленинградская область		Новгородская область		Псковская область*		Северо-Запад, всего	
	Число районов	Доля, %	Число районов	Доля, %	Число районов	Доля, %	Число районов	Доля, %
До + 20	2	11,8	3	14,3	5	8,0
Свыше + 20	1	5,9	4	19,0	1	4,2	6	9,7
До - 50	13	76,5	9	42,9	16	66,7	38	61,3
Ниже - 50	1	5,9	5	23,8	7	29,1	13	21,0
<i>Всего</i>	17	100,0	21	100,0	24	100,0	62	100,0

Расчитано на основе: База данных муниципальных образований, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 18.08.2024).

* Дифференциация посевных площадей в динамике в связи с отсутствием для Псковской области данных за 1989 г. и в целях обеспечения сопоставимости с другими регионами рассмотрена только за 2007 — 2023 гг.

На картосхеме (рис. 5) отчетливо выделяется ареал с положительным приростом посевных площадей, охватывающий цепочку районов площадью 15,6 тыс. км², включая Лужский (Ленинградская область), Батецкий, Шимский, Волотовский, Поддорский и Холмский (Новгородская область), протяженностью более чем на 200 км вдоль границы с Псковской областью.

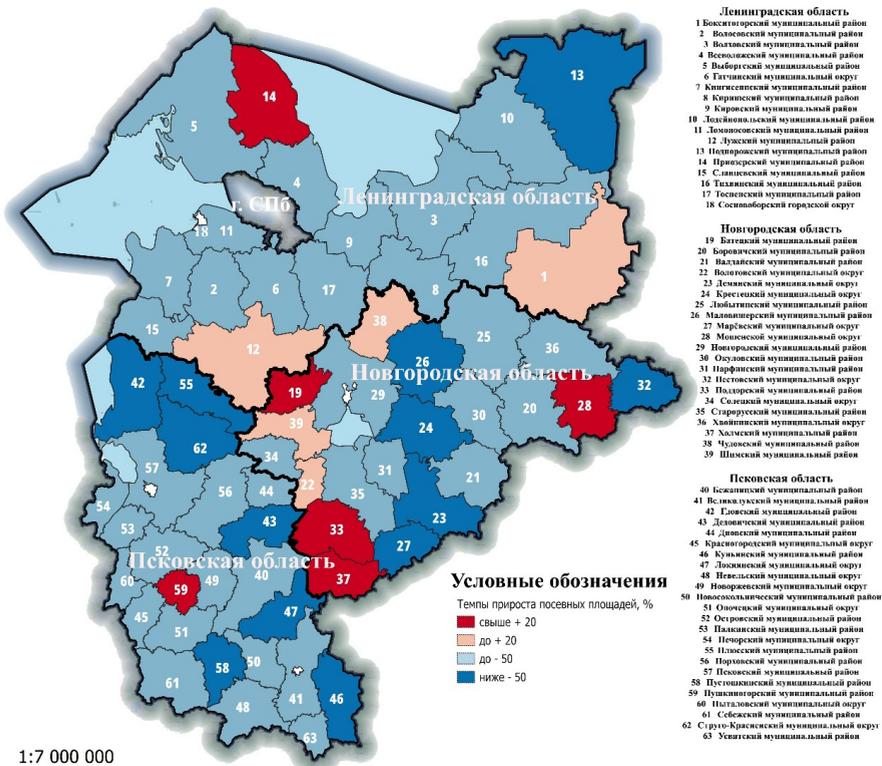

Рис. 5. Пространственная дифференциация темпов прироста посевных площадей в районах Северо-Запада в 2007 — 2023 гг.

Однако прирост посевных площадей в Поддорском и Холмском районах не имеет системного характера, а связан с низкой сравнительной базой 2007 г. — показателями, близкими к нулю.

Обращают на себя внимание фрагментарно расположенные Первомайский и Бокситогорский районы Ленинградской области, Мошенской район Новгородской области, Пушкиногорский район Псковской области с положительными показателями темпов прироста посевных площадей, что несколько нелогично с точки зрения их местоположения и требует дополнительной проверки факторов, определивших данную динамику.

Параллельно с обозначенным выше ареалом в центре Новгородской области с севера на юг сформировалась цепочка граничащих друг с другом районов с наибольшим сокращением посевных площадей (прирост ниже – 50%), включая Маловишерский, Крестецкий, Демянский и Маревский районы общей площадью 11,1 тыс. км². С такими же показателями сформировался ареал на севере Псковской области, включающий Гдовский, Плюсский и Струго-Красненский районы.

Проверка гипотез о влиянии на динамику посевных площадей рентного потенциала и местоположения районов с позиции «центр — периферия» показала, что эти гипотезы в основном подтвердились (табл. 2).

Таблица 2

Изменения структуры посевных площадей по группам районов в регионах Северо-Запада с различным рентным потенциалом и разной удаленностью от центров с 1989 по 2023 г.

Показатель	Ленинградская область			Новгородская область			Псковская область	
	1989	2007	2023	1989	2007	2023	2007	2023
<i>Группа районов по рентному потенциалу, %</i>								
Высокий	51,1	56,8	59,2	32,6	40,8	38,4	47,5	47,4
Средний	21,4	16,2	14,7	34,2	39,1	38,4	28,1	31,3
Низкий	27,5	27,0	26,0	33,2	20,1	23,2	24,4	21,3
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Группа районов по удаленности, км</i>								
До 100	46,0	45,5	50,4	49,5	56,4	60,7	32,7	34,8
101 — 200	40,7	41,0	43,4	28,3	25,8	23,6	44,5	45,0
Свыше 200	13,3	13,5	6,2	22,2	17,8	15,8	22,8	20,2
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано на основе: База данных муниципальных образований, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 18.08.2024).

При общем сокращении посевных площадей проявилась тенденция снижения доли площади посевов в группе районов с низким рентным потенциалом и повышения ее на территориях, земли которых позволяют получать более высокий дифференциальный доход. Данная закономерность идеально прослеживается в Ленинградской области и как тенденция в других регионах Северо-Запада, в особенности если брать во внимание крайние периоды.

Тенденции в изменении структуры посевных площадей районов этих регионов Северо-Запада с позиции «центр — периферия» проявились еще более четко. Во всех периферийных районах последовательное сокращались их доли, а в центральных районах отмечался рост. В Ленинградской и Псковской областях также повышался удельный вес промежуточных районов.

Окончание табл. 4

Рентный потенциал и удаленность районов от центров	Ленинградская область			Новгородская область			Псковская область		
	1989	2007	2023	1989	2007	2023	1989	2007	2023
<i>Группы районов по рентному потенциалу без учета свиней и птицы, %</i>									
Высокий	46,2	51,7	50,2	38,2	41,9	41,4	40,2	46,3	51,5
Средний	22,1	15,6	15,1	33,6	34,8	38,3	33,2	30,5	25,6
Низкий	31,7	32,7	34,7	28,3	23,2	20,3	26,6	23,2	22,9
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Группы районов по удаленности, км</i>									
До 100	64,1	69,8	71,9	40,0	68,1	82,8	37,2	41,2	16,3
101 – 200	28,9	28,2	27,1	49,0	20,6	14,3	42,8	34,4	5,4
Свыше 200	7,0	2,0	1,0	11,0	11,4	2,9	20,0	24,4	78,3
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано на основе: База данных муниципальных образований, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 18.08.2024).

Проверка влияния центр-периферийных отношений на динамику структурных изменений в распределении поголовья скота показала, что в Ленинградской и Новгородской областях гипотеза полностью подтвердилась: доля скота и птицы в центральных районах с 1989 по 2023 г. имела стойкую тенденцию роста, а на промежуточных и особенно на периферийных территориях — сокращения. В Псковской области в связи с фрагментацией пространства под влиянием агрохолдинга «Великолукский мясокомбинат», разместившего поголовье свиней в наиболее удаленных районах региона, сложилась ситуация, противоположная выдвинутой гипотезе.

Количественная оценка динамики процесса внутрирегиональной дифференциации аграрного производства

Существенные различия в темпах изменения посевных площадей и поголовья скота усилили внутрирегиональную дифференциацию аграрного производства. В наибольшей степени это относится к продукции сельского хозяйства Псковской области, где показатели индекса Джини и коэффициентов фондов в 2022 г. достигли максимального значения среди других регионов Северо-Запада (табл. 5).

Таблица 5

Показатели пространственной дифференциации и поляризации производства продукции сельского хозяйства, посевных площадей и поголовья скота и птицы в регионах Северо-Запада с 1989 по 2023 г.

Год	Ленинградская область	Новгородская область	Псковская область
<i>Показатель индекса Джини (K_G)</i>			
<i>Производство сельского хозяйства</i>			
1989	0,354	0,354	...
2007	0,412	0,393	0,368
2022	0,472	0,524	0,647
<i>Посевные площади</i>			
1989	0,243	0,234	...
2007	0,327	0,404	0,294
2023	0,377	0,392	0,326

Окончание табл. 5

Год	Ленинградская область	Новгородская область	Псковская область
<i>Поголовье скота и птицы</i>			
1989	0,389	0,403	0,219
2007	0,572	0,397	0,401
2023	0,630	0,609	0,687
<i>Показатель коэффициентов фондов (K_F)</i>			
<i>Продукция сельского хозяйства</i>			
1989	15,51	14,08	...
2007	22,28	19,05	10,97
2022	46,41	89,12	190,97
<i>Посевные площади</i>			
1989	6,37	4,84	...
2007	14,79	35,57	7,36
2023	33,60	79,42	29,37
<i>Поголовье скота и птицы</i>			
1989	16,65	19,50	5,47
2007	93,64	24,02	6,61
2023	332,70	277,69	14 351,24

Расчитано на основе: База данных муниципальных образований, Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 18.08.2024).

Данная ситуация сформировалась из-за животноводства, что прослеживается по показателям динамики поголовья скота и птицы.

В Новгородской области сложился повышенный уровень дифференциации и поляризации районов по производству продукции сельского хозяйства за счет изменений в растениеводстве, которые отражаются динамикой посевных площадей (показатели K_G и K_F в 2023 г. здесь были максимальными на Северо-Западе). Для Ленинградской области характерны показатели повышенной дифференциации и поляризации районов по поголовью скота.

Таким образом, очевидно, что дифференциация районов происходила на фоне межрегионального разрыва показателей динамики изменения посевных площадей и поголовья скота между Ленинградской областью, с одной стороны, и Новгородской и Псковской областями — с другой.

Пространственная дифференциация динамики численности сельского населения

Данные Всесоюзных переписей населения показывают, что во всех регионах Северо-Запада в период с 1939 по 1989 г. сформировались нисходящие тренды изменения численности сельского населения: в Ленинградской области с 904,2 до 564 тыс. чел. (на 37,4%), Новгородской — с 909,8 до 230,2 тыс. чел. (в 4 раза), Псковской области — с 1349,7 до 314,8 тыс. чел. (в 4,3 раза). Различия в темпах снижения численности сельского населения в Новгородской и Псковской областях от Ленинградской области год от года усиливались.

После 1989 г. этот разрыв еще более увеличился на фоне формирования в Ленинградской области восходящего тренда роста численности сельского населения (рис. 6).

В период между переписями 2002 и 2010 гг. межрегиональная дифференциация перешла в стадию поляризации, и к началу 2023 г. разрыв в темпах роста численности сельского населения между Ленинградской областью и Российской Федерацией, Новгородской и Псковской областями составил 24,1, 51 и 63,8 п. п. соответственно.

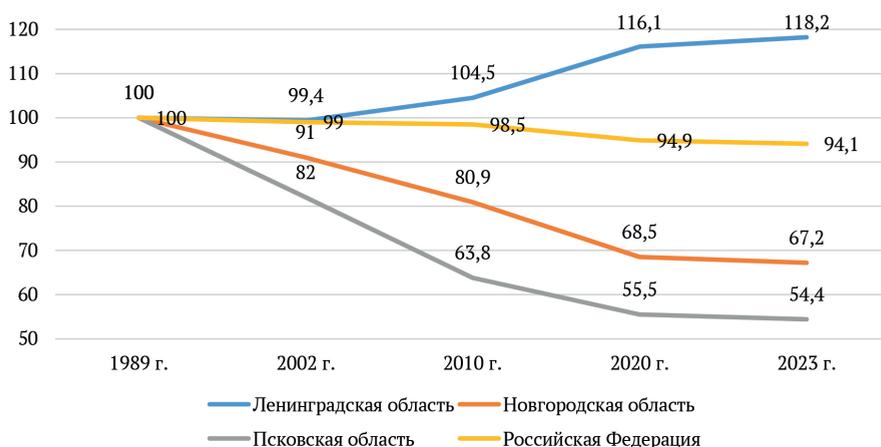

Рис. 6. Дифференциация регионов Северо-Запада по темпам изменения численности сельского населения по данным переписей 1989, 2002, 2010 и 2020 гг. и текущего учета Росстата на 1 января 2023 г., % к 1989 г.

Группировка районов в регионах Северо-Запада по темпам прироста численности сельского населения с 1989 по 2023 г. отражала положительный прирост в Ленинградской области в девяти районах (суммарно по двум группам около 53 %), а в Новгородской и Псковской областях — только по одному району, соответственно 4,8 и 4,2 % от численности их населения (рис. 7, 8).

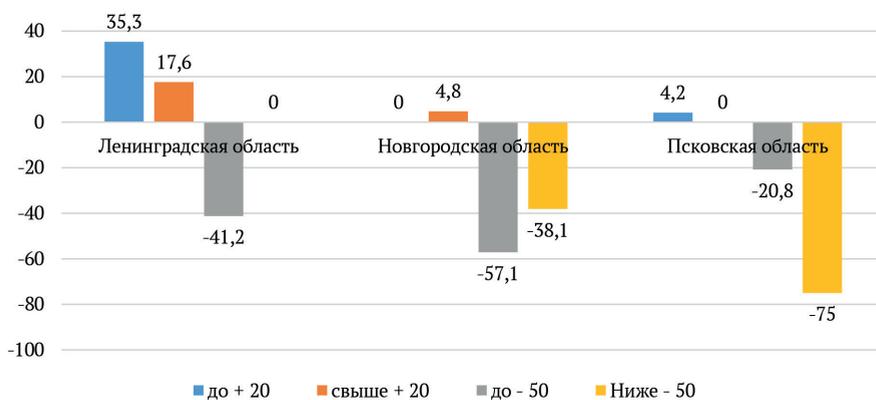

Рис. 7. Удельный вес групп районов в регионах Северо-Запада с различными темпами прироста сельского населения с 1989 по 2023 г., % к 1989 г.

Сформировался ареал с приростом сельского населения свыше 20 %, который объединил территории Всеволожского, Гатчинского и Тосненского районов Ленинградской области, расположенных компактно около Санкт-Петербурга, и территорию примыкающего к ним Новгородского района (рис. 8).

С данным ареалом в Ленинградской области соседствуют территории шести районов с темпами прироста сельского населения до 20 %. Остальные сельские территории имели отрицательный прирост (до - 50 %), кроме периферийного Подпорожского района с приростом ниже - 50 %. В Новгородской области к группе рай-

онов с приростом сельского населения ниже – 50 % относится также большинство периферийных районов (Маревский, Холмский, Поддорский, Пестовский и Любытинский).

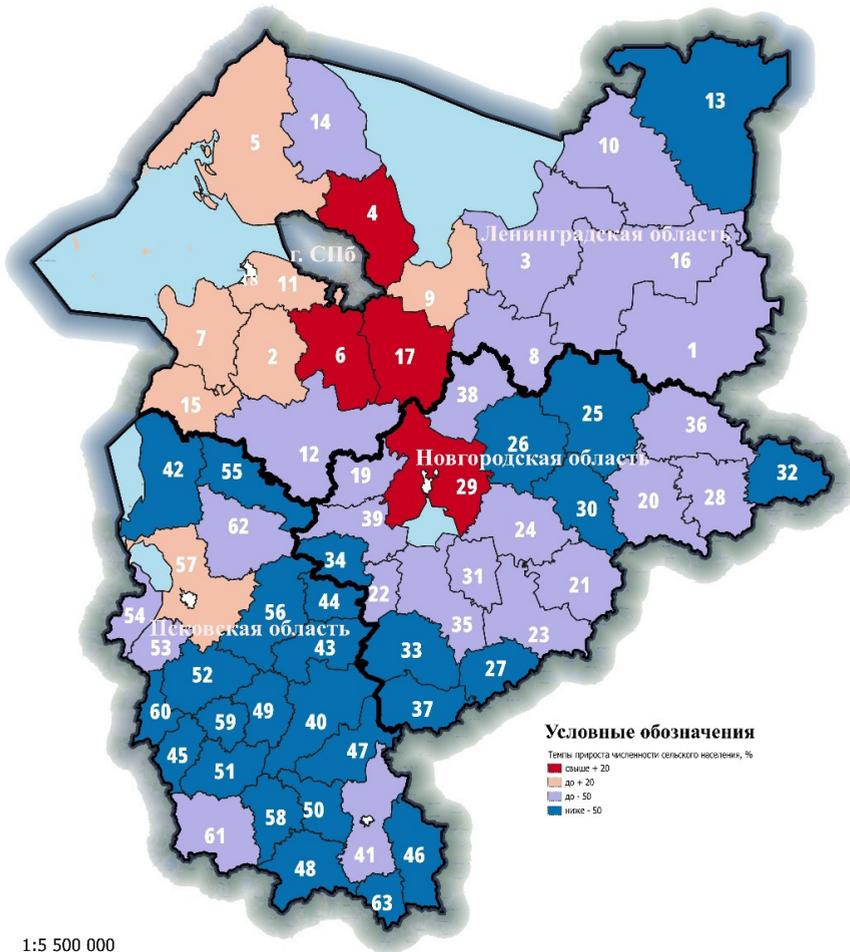

Рис. 8. Пространственная дифференциация темпов прироста сельского населения в районах регионов Северо-Запада с 1989 по 2023 г.

Положительные темпы прироста в Псковской области имел только центральный Псковский район с примыкающими Печорским, Палкинским и Струго-Красненским районами при сокращении численности сельского населения менее чем на 50 %. В эту группу еще входит Великолукский район, центром которого является второй по численности город области, а также Себежский район с его уникальной природой и национальным парком. Остальные 18 (75 %) районов вошли в группу с отрицательным приростом численности сельского населения ниже чем – 50 %.

Различия в темпах прироста численности сельского населения по районам и регионам Северо-Запада усилили дифференциацию сельского пространства. В особенности это относится к Ленинградской области, где четко проявляется процесс пространственной поляризации: в девяти районах сформировались восходящие, а в

остальных — нисходящие тренды изменения численности сельского населения. На это указывают более высокие, чем в других регионах, показатели K_G и K_F , величина которых последовательно возрастает (табл. 6).

Таблица 6

**Показатели пространственной дифференциации
и поляризации распределения численности сельского населения
по районам регионов Северо-Запада**

Показатель	Ленинградская область	Новгородская область	Псковская область
<i>Индекс Джини (K_G)</i>			
1989	0,335	0,228	0,244
2002	0,370	0,250	0,263
2010	0,415	0,277	0,290
2020	0,439	0,339	0,334
<i>Коэффициент фондов (K_F)</i>			
1989	8,84	5,30	6,45
2002	11,93	6,76	7,36
2010	18,97	8,92	9,26
2020	26,08	14,02	12,14

Рассчитано по данным Всероссийских переписей населения.

В Новгородской и Псковской областях размещение сельского населения по районам менее дифференцировано, чем в Ленинградской области. Показатели K_G в них в 2020 г. находились на уровне 1989 г. в Ленинградской области. Однако и здесь отмечается тенденция роста уровня пространственной дифференциации и показателей K_F . Данный процесс в основном происходит в связи с различными темпами снижения численности сельского населения.

Пространственная дифференциация динамики численности сельского населения в зависимости от удаленности районов относительно центров регионов Северо-Запада четко прослеживается только в Ленинградской области (рис. 9).

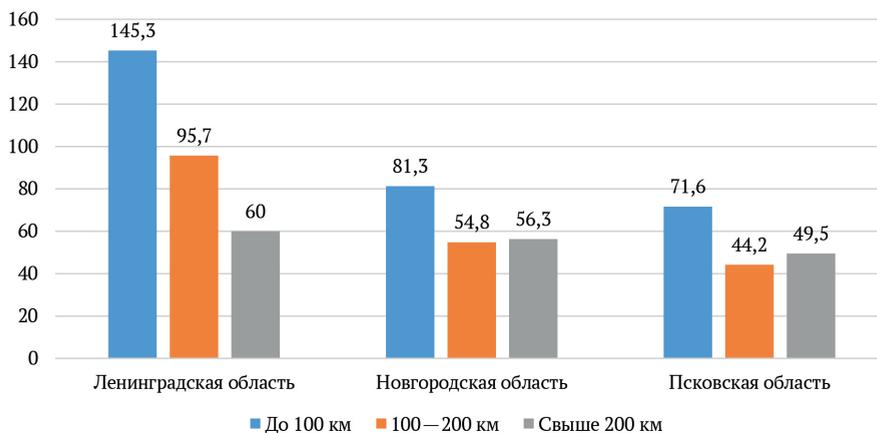

Рис. 9. Темпы роста численности сельского населения с 1989 по 2023 г. в группах районов с разной удаленностью от центров регионов Северо-Запада, %

В Новгородской и Псковской областях даже в центральных районах численность сельского населения снизилась, хотя и в меньшей степени, чем на более удаленных территориях. При этом в периферийных районах сокращение было меньше, чем в промежуточных районах.

Тем не менее тенденции в изменении структуры сельского населения районов областей Северо-Запада с позиций «центр — периферия» прослеживаются достаточно четко. Во всех регионах доля населения центральных районов устойчиво росла за счет его уменьшения на остальных территориях (табл. 7).

Таблица 7

**Изменение структуры численности сельского населения
регионов Северо-Запада по группам районов, выделенных
по их удаленности от центров, с 1989 по 2023 г., %**

Расстояние	1989	2002	2010	2020	2023	Структурный сдвиг 2023 г. / 1989 г., п. п.
<i>Ленинградская область</i>						
До 100 км	52,2	54,6	58,0	63,3	64,3	12,1
100—200	37,7	37,3	35,5	31,4	30,6	-7,1
Свыше 200	10,1	8,2	6,5	5,3	5,1	-5,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	0
<i>Новгородская область</i>						
До 100 км	47,9	49,4	53,4	57,0	57,5	9,6
100—200	34,6	33,0	30,9	28,2	28,0	-6,6
Свыше 200	17,5	17,6	15,7	14,8	14,5	-3,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	0
<i>Псковская область</i>						
До 100 км	34,0	35,1	38,1	43,6	44,4	10,4
100—200	41,4	42,4	37,6	34,0	33,4	-8,0
Свыше 200	24,6	22,5	24,3	22,4	22,2	-2,4
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	0

Рассчитано по данным Всесоюзной и Всероссийской переписей населения. Данные на 1 января 2023 г. взяты из текущей статистики Росстата.

Рост происходил в большей степени за счет промежуточных районов, структурные сдвиги у которых были более значительными, чем в периферийных районах с их меньшими темпами сокращения численности сельского населения.

Пространственная дифференциация сельского расселения

Анализ показал, что сельское расселение в пространственном отношении более стабильно, чем демографическая или, тем более, производственная сфера. Число сельских населенных пунктов (СНП) снижалось меньшими темпами, чем показатели аграрного производства и численности сельского населения: к 2020 г. относительно 1989 г. в Ленинградской области — на 4 %, в Новгородской — на 20 %, в Псковской области — на 31 %, в то время как посевные площади с 1989 по 2023 г. в Ленинградской области сократились в 2,4 раза, а поголовье скота — в 1,3 раза, при росте численность населения на 18 %. В Новгородской области площадь посевов уменьшилась в 3,8 раза, поголовье скота — в 3,6 раза, а численность населения — только в 1,5 раза. В результате отрыв в темпах сокращения числа СНП Новгородской и Псковской областей от Ленинградской области к 2020 г. достиг соответственно 16 и 27 п. п. (рис. 10).

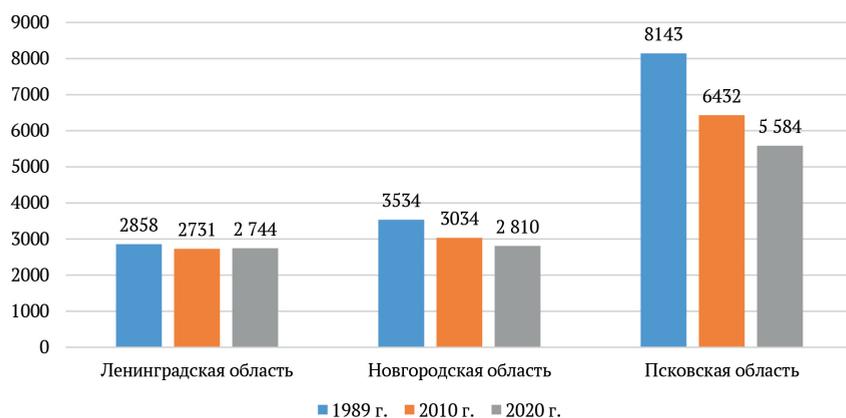

Рис. 10. Динамика численности СНП с населением, по данным переписей населения, ед.

Отмечается сильная поляризация в динамике показателя средней людности СНП, которая в Ленинградской области за этот период выросла на 21,3 %, что на 8 п. п. выше, чем по Российской Федерации в целом, на 35,2 п. п. — в Новгородской и на 41,8 п. п. — в Псковской области (табл. 8).

Таблица 8

Средняя людность сельских населенных пунктов в регионах Северо-Запада, по данным переписей населения, чел.

Территория	1989	2002	2010	2020	2020 г. к 1989 г., %
Российская Федерация	255	272	288	289	113,3
Ленинградская область	197	202	216	239	121,3
Новгородская область	65	63	61	56	86,1
Псковская область	39	35	31	31	79,5

В сельском расселении также просматривается внутрирегиональная пространственная дифференциация в контексте «центр — периферия». Наиболее четко ожидаемые закономерности видны в Ленинградской и Новгородской областях: по мере удаления районов от центров регионов увеличивается доля СНП без населения и снижается их людность (табл. 9).

Таблица 9

Основные показатели дифференциации сельского расселения в регионах Северо-Запада в контексте «центр — периферия», по материалам переписи населения 2020 г.

Удаленность от центров областей	Число СНП		Средняя людность, чел.	Доля населения в группах по удаленности от итога по региону, %	Удельный вес СНП в группах с разной людностью, %	
	Всего, ед.	Из них без населения, %			До 100 чел.	Более 100 чел.
<i>Ленинградская область</i>						
До 100 км	915	1,3	459	31,9	54,7	45,3
100—200 км	1 315	4,8	164	45,8	76,1	23,9
Свыше 200 км	642	8,3	59	22,4	82,6	17,4
<i>Всего</i>	<i>2872</i>	<i>4,5</i>	<i>239</i>	<i>100,0</i>	<i>70,8</i>	<i>29,2</i>

Окончание табл. 9

Удаленность от центров областей	Число СНП		Средняя людность, чел.	Доля населения в группах по удаленности от итога по региону, %	Удельный вес СНП в группах с разной людностью, %	
	Всего, ед.	Из них без населения, %			До 100 чел.	Более 100 чел.
<i>Новгородская область</i>						
До 100 км	1 391	16,0	65	37,7	88,5	11,5
100—200 км	1 474	27,7	30	39,8	94,2	5,8
Свыше 200 км	834	30,8	28	22,5	94,0	6,0
<i>Всего</i>	3 699	24,0	56	100,0	89,5	10,5
<i>Псковская область</i>						
До 100 км	2577	32,6	44	32,9	93,3	6,7
100—200 км	3673	34,2	25	46,9	93,7	6,3
Свыше 200 км	1582	28,4	34	20,2	92,0	8,0
<i>Всего</i>	7832	32,5	31	100,0	93,5	6,5

В Псковской области эти закономерности четко не просматриваются, так как среди удаленных районов вновь фрагментарно выделяется Великолукский район со средней людностью 56 чел., с долей 23 % СНП без населения и повышенным удельным весом (13,2 %) более крупных СНП.

Более глубокое исследование дифференциации структуры СНП регионов Северо-Запада выявило пространственные различия не только между центральными, промежуточными и периферийными районами в каждой из областей, но и то, что по мере удаленности районов Новгородской и Псковской областей от Санкт-Петербурга растет удельный вес населенных пунктов без населения и с малой людностью (до 11 чел.) — при сокращении всех остальных групп, в особенности с людностью 51 чел. и выше (рис. 11).

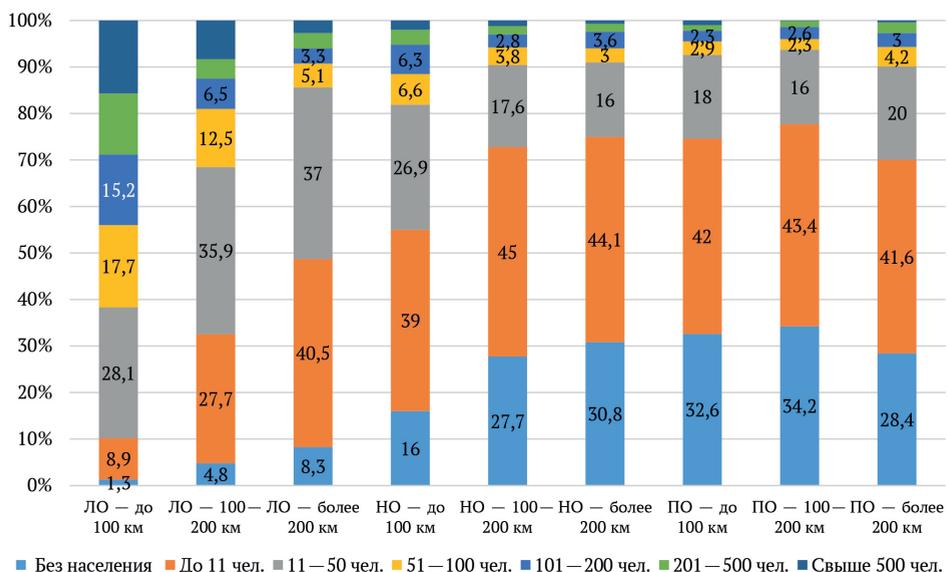

Рис. 11. Структура сельских населенных пунктов регионов Северо-Запада в группах с разной удаленностью районов от областных центров, по данным переписи населения 2020 г., %

Исключение опять же составляет группа районов Псковской области, удаленных от ее центра на расстояние более 200 км, в связи с отмеченной выше особенностью сельского расселения в Великолукском районе.

В распределении численности сельского населения по группам средней плотности СНП в зависимости от удаленности районов от центров регионов отмечается почти противоположная закономерность. В центральных районах всех трех областей проживает максимальная численность сельского населения: от 49,3 % в Псковской до 81,2 % Ленинградской области (рис. 12).

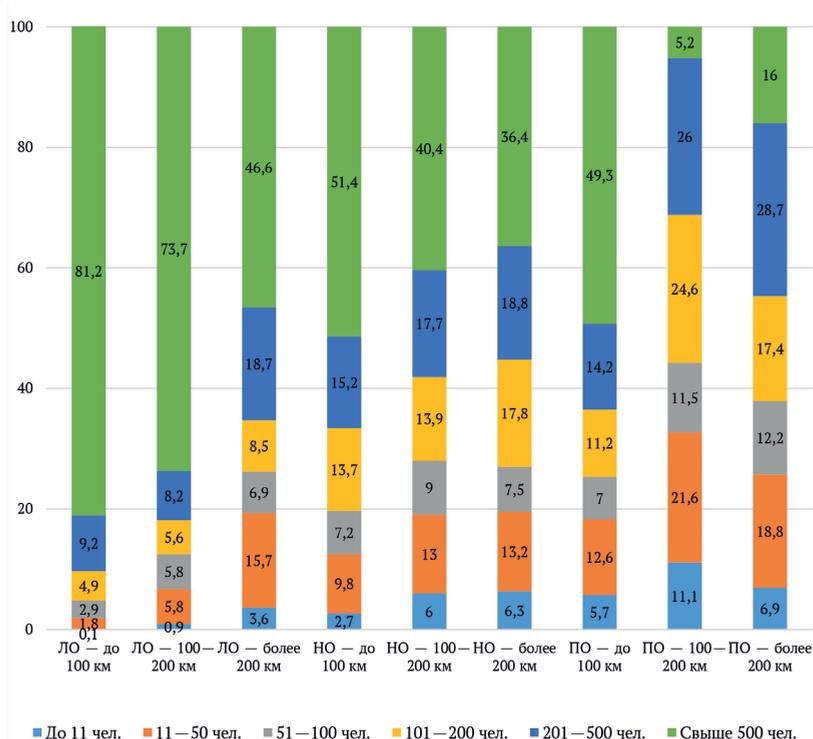

Рис. 12. Структура численности сельского населения регионов Северо-Запада в группах СНП с разной удаленностью районов от областных центров, по данным переписи населения 2020 г., %

Пространственная дифференциация районов регионов Северо-Запада по плотности СНП (рис. 13) в значительной степени аналогична их дифференциации по темпам прироста сельского населения в период с 1989 по 2023 г. Ареал районов с плотностью СНП свыше 100 чел. охватывает те из них, темпы прироста в которых за указанный период были положительными, с несколько расширением его границ на юге Ленинградской области.

Ареал территорий районов Псковской и Новгородской областей с плотностью СНП до 20 чел. включает в себя те, где темпы снижения численности сельского населения в 1989–2022 гг. были самыми высокими на Северо-Западе. Это относится также к Гдовскому (Псковская область), Солецкому, Холмскому, Любытинскому районам (Новгородская область), которые не вошли в данный ареал. Имеются совпадения и по другим районам, что позволяет сделать вывод о взаимозависимости темпов долгосрочной динамики численности сельского населения и плотности СНП.

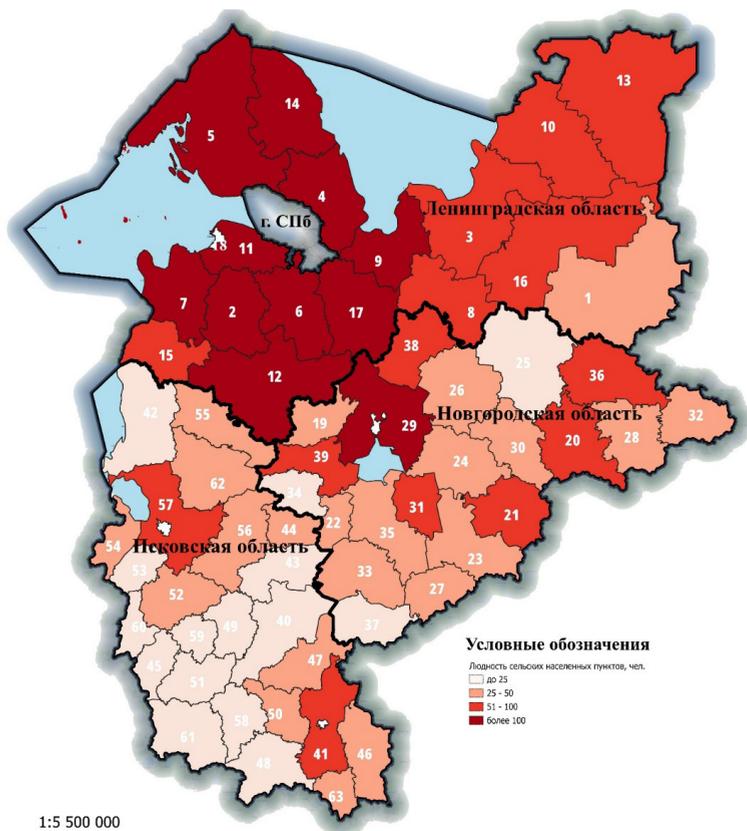

Рис. 13. Пространственная дифференциация людности СНП в районах Северо-Запада, по данным переписи населения 2020 г.

Данный вывод позволяет предположить, что в районах с людностью СНП до 50 чел. темпы снижения численности населения будут ускоряться, так как доля в них лиц старше трудоспособного возраста доходит до 45 %, а моложе трудоспособного возраста едва достигает 10 % (Солецкий район Новгородской области).

Заключение

В результате исследования подтвердились гипотезы о влиянии на дифференциацию сельского пространства различий в рентном потенциале территорий районов и месте этих районов в системе отношений «центр — периферия» как на межрегиональном, так и внутрирегиональном уровнях.

Ленинградская область, соседствуя с крупнейшим экономическим и научным центром страны — Санкт-Петербургом и имея один из самых высоких в России рентных потенциалов сельскохозяйственных земель (3-е место), предопределила предпосылки поляризованного социально-экономического развития сельских территорий в пределах Северо-Запада.

Новгородская и, особенно, Псковская области без динамики роста численности населения даже в региональных центрах, с малой людностью и сокращающимся числом жителей в остальных городах, при низком рентном потенциале земли

(Псковская область — 43-е, Новгородская — 45-е место из 53 регионов Европейской части России) объективно занимают подчиненное место в системе дифференциации сельского пространства на межрегиональном уровне.

Дальнейшее инерционное развитие сельского пространства Новгородской и Псковской областей, как показывают сложившиеся тренды, еще более усилит отток жителей села и приведет к его социально-демографическому «опустыниванию». Необходимо принятие специальных организационно-экономических мер, основанных на активизации привлечения масштабных инвестиций в данные регионы.

Осуществляемые в настоящее время программные и организационные мероприятия не могут даже замедлить движение по нисходящим трендам, не то чтобы изменить сложившиеся негативные тенденции на позитивные. Реализуемая с 2020 г. Государственная программа комплексного развития сельских территорий предполагает софинансирование из средств региональных и муниципальных бюджетов, которые в Новгородской и Псковской областях крайне ограничены.

Формальные действия по принятию правовых актов о преобразовании муниципальных районов в муниципальные округа, создании сельских агломераций и опорных населенных пунктов без реализации системы комплексных мероприятий, подкрепленных финансовыми и другими ресурсами, не дадут никаких положительных результатов.

Совокупность социально-экономических проблем развития сельских территорий Новгородской и Псковской областей, не решаемых обычными методами, требует принятия для каждой из них отдельных государственных программ, реализуемых на основе государственно-частного партнерства, преимущественно с финансированием из федерального бюджета и привлечением к их выполнению федеральных министерств и ведомств. Программы должны предусматривать вторичное заселение сельских территорий населением из других регионов, в том числе по Программе добровольного переселения соотечественников из-за рубежа, и реализацию крупных инвестиционных проектов с введением особых режимов налогообложения и кредитования для предпринимателей. Вложение инвестиций следует ориентировать «на мобилизацию местного ресурсного, человеческого, социального и предпринимательского потенциала в целях преодоления депрессивного состояния в аграрном производстве и развитии сельских территорий этих регионов» [13, с. 165].

Большинство территорий районов Новгородской и Псковской областей должны стать объектами, на которые будут направлены конкретные программные мероприятия. При этом следует учитывать складывающуюся ситуацию с дифференциацией сельского пространства, в том числе его фрагментацию, тенденции к сужению и социальному «опустыниванию», выявленные в ходе данного исследования.

Исследование выполнено в рамках государственного задания по бюджетной теме № FFZF-2022-18.

Список литературы

1. Нефедова, Т. Г. 2021, Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах центра России, *Крестьяноведение*, т. 6, № 1, с. 126—153, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153>
2. Нефёдова, Т. Г., Трейвиш, А. И. 2020, Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения, *Демографическое обозрение*, т. 7, № 2, с. 31—53, <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>

3. Ускова, Т. В., Патракова, С. С. 2021, Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 14, № 5, с. 34—52, <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.2>
4. Костяев, А. И. 2016, Дифференциация сельских территорий: общие положения и роль инвестиций, *Экономика и управление*, № 11 (133), с. 4—10. EDN: ХКРСДV
5. Манаков, А. Г. 2016, Депопуляционные процессы в Псковской области на фоне поляризации населения Северо-Западной России, *Вопросы географии*, № 141, с. 313—337.
6. Романова, Е. А., Виноградова, О. Л., Фризина, И. В. 2015, Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях Приграничья (на примере СЗФО), *Балтийский регион*, № 3 (25), с. 38—61, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-3-3>
7. Соболев, А. В. 2015, Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района, *Балтийский регион*, № 1 (23), с. 143—158, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-1-9>
8. Дементьев, В. С. 2020, Типология районов Северо-Запада России по уровню развития системы расселения в начале XXI века, *Псковский регионологический журнал*, № 1 (41), с. 38—50, <https://doi.org/10.37490/S221979310008533-9>
9. Краснов, А. И., Бизюков, А. Д. 2021, Динамика численности населения Псковской области в постсоветский период в разрезе сельских населенных пунктов, *Известия Русского географического общества*, т. 153, № 5, с. 21—33, <https://doi.org/10.31857/S0869607121050050>
10. Федоров, Г. М. 2023, О пространственной дифференциации сельской местности Калининградской области и территориальных различиях социально-экономической политики на селе, *Балтийский регион*, т. 15, № 3, с. 117—139, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-7>
11. Ткаченко, А. А. 2023, Сельская местность: понятие и подходы к типологии, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, т. 78, № 2, с. 3—9, <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.1>
12. Алексеев, А. И., Сафронов, С. Г., Савоскул, М. С., Кузнецова, Г. Ю. 2019, Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI вв., *ЭКО*, № 4 (538), с. 26—49. EDN: FVBUBX
13. Костяев, А. И., Никонова, Г. Н. 2021, Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 14, № 4, с. 150—168, <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.9>
14. Иоффе, Г. В., Нефедова, Т. Г. 2003, Фрагментация сельского пространства России, *Вестник Евразии*, № 4, с. 69—92. EDN: HYPHCH
15. Pělucha, M. 2019. Smart Villages and Investments to Public Services and ICT Infrastructure: case of the Czech rural development program 2007—2013, *European Countryside*, vol. 11, № 4, p. 584—598, <https://doi.org/10.2478/euco-2019-0032>
16. Löfving, L., Kamuf, V., Heleniak, T., Weck, S., Norlén, G. 2022, Can digitalization be a tool to overcome spatial injustice in sparsely populated regions? The cases of Digital Västerbotten (Sweden) and Smart Country Side (Germany), *Euro-pean Planning Studies*, vol. 30, № 5, p. 917—934, <https://doi.org/10.1080/09654313.2021.1928053>
17. Naldi, L., Nilsson, P., Westlund, H., Wixe, S. 2015, What is smart rural development?, *Journal of Rural Studies*, vol. 40, № 8, p. 90—101, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.06.006>
18. Slee, B. 2019, Delivering on the Concept of Smart Villages — in Search of an Enabling Theory, *European Countryside*, vol. 11, iss. 4, p. 634—650, <https://doi.org/10.2478/euco-2019-0035>
19. Bock, B. 2016, Rural Marginalizations and the Role of Social Innovation; A Turn Towards Nexogenous Development and Rural Reconnection, *Sociologia Ruralis*, vol. 56, № 4, p. 552—573, <https://doi.org/10.1111/soru.12119>
20. Нефёдова, Т. Г., Стрелецкий, В. Н., Трейвиш, А. И. 2022, Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия, *Вестник Российской академии наук*, № 6 (92), с. 551—563, <https://doi.org/10.31857/S0869587322060093>

21. Калугина, З.И., Фадеева, О.П., Братющенко, С.В. 2015, Социально-экономическая поляризация сельского пространства России, *Регион: Экономика и Социология*, №3 (87), с. 123—145, <https://doi.org/10.15372/REG20150905>
22. Бондаренко, Л.В. 2020, Город и деревня: дистанция и пути ее преодоления, *АПК: экономика, управление*, №12, с. 103—118, <https://doi.org/10.33305/2012-103>
23. Haefner, L., Sternberg, R. 2020, Spatial implications of digitization: State of the field and research agenda, *Geography Compass*, vol. 14, №12, p. 1—16, <https://doi.org/10.1111/gec3.12544>
24. Salemin, K., Strijker, D., Bosworth, G. 2017, Rural development in the digital age: A systematic literature review on unequal ICT availability, adoption, and use in rural areas, *Journal of Rural Studies*, vol. 54, p. 360—371, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.09.001>
25. Stojanova, S., Lentini, G., Niederer, P., Egger, T., Cvar, N., Kos, A., Stojmenova Duh, E. 2021, Smart Villages policies: Past, present and future, *Sustainability*, vol. 13, №4, p. 1663, <https://doi.org/10.3390/SU13041663>
26. Wiesinger, G. 2007, The importance of social capital in rural development, network-ing and decision-making in rural areas, *Journal of Alpine Research*, vol. 95, №4, p. 43—56, <https://doi.org/10.4000/rga.354>
27. Chatzichristos, G., Nagopoulos, N., Poulimas, M. 2021, Neo-Endogenous Rural Development: A Path Toward Reviving Rural Europe, *Sociologia Ruralis*, vol. 86, №4, p. 911—937, <https://doi.org/10.1111/ruso.12380>
28. Basile, G., Cavallo, A. 2020, Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas, *Sustainability*, vol. 12, №3, p. 1272, <https://doi.org/10.3390/su12031272>
29. Нефедова, Т.Г. 2022, Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, т. 86, №1, с. 69—81, <https://doi.org/10.31857/S2587556622010101>
30. Петриков, А.В. 2018, Экономический рост в сельском хозяйстве России: факторы и проблемы, *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 214, №6, с. 450—469. EDN: ИКХХДК
31. Harvey, D. 1989, *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, BLACKWELL, Cambridge MA &- Oxford UK.
32. Федоров, Г.М. 2021, Об усилении территориальной дифференциации сельского населения и аграрного сектора экономики Российской Федерации, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, №2, с. 5—22. EDN: UUCZNP
33. Костяев, А.И. 2023, Дифференциация сельского пространства: закономерности и движущие силы, *АПК: экономика, управление*, №8, с. 123—134, <https://doi.org/10.33305/238-123>

Об авторах

Александр Иванович Костяев, доктор географических наук, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр РАН, Россия.

E-mail: galekos@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4041-6935>

Галина Николаевна Никонова, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр РАН, Россия.

E-mail: galekos@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7605-0237>

DYNAMICS OF DIFFERENTIATION OF RURAL NORTH-WEST OF RUSSIA: MAIN TRENDS AND FEATURES

A. I. Kostyaev

G. N. Nikonova

Saint Petersburg Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
14th Line, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 39, 199178, Russia

Received 03 August 2024
Accepted 04 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-4
© Kostyaev, A. I., Nikonova, G. N., 2024

Excessive differentiation and polarisation in rural development lead to spatial compression, fragmentation, and social desertification, increasingly evident across many regions. This study aims to identify the trends, features and patterns of rural population differentiation in Russia's North-West at interregional and intraregional levels. Methodologically, it adopted an approach that views rural space differentiation as a product of the combined influence of the agro-industrial complex system and the 'urban-rural' system. The changes of interest were studied from the industrial, demographic and settlement perspectives, with a focus on indicators such as changes in acreage and livestock between 1989, 2007 and 2023, and the size of the rural population and the number of residents per rural settlement between 2002, 2010 and 2020. The trends are investigated at the levels of regions — Leningrad, Novgorod and Pskov — and their municipalities. Hypotheses regarding the impact of the rental mechanism and core-periphery relations on the development differentiation of district territories were tested and largely confirmed. In the study regions, areas with varying rates of increase and decrease in acreage and livestock, including zones of compression and fragmentation, were identified, along with areas where the rural population grew or declined. Spatial differentiation in terms of resident per settlement ratio is shown to largely coincide with areas experiencing the most dynamic rural population change. The study concludes that, under the baseline scenario, the development of rural spaces in the Novgorod and Pskov regions will likely intensify their polarisation with the Leningrad region and lead to socio-demographic desertification of non-urbanised areas. The findings highlight the need for significant organisational and economic measures, engaging both public and private investments from outside these regions.

Keywords:

regions of Russia's North-West, municipalities, areas of dynamics, rental potential, core-periphery relations, rural settlement, population of settlements

References

1. Nefedova, T. G. 2021, Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia, *Russian Peasant Studies*, vol. 6, № 1, p. 126—153, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153> (in Russ.).
2. Nefedova, T., Treyvish, A. 2020, Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions, *Demographic Review*, vol. 7, № 2, p. 31—53, <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138> (in Russ.).

3. Uskova, T. V., Patrakova, S. S. 2021, Rural development in the context of spatial compression of a northern region, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, № 5, p. 34—52, <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.2>
4. Kostyaev, A. I. 2016, Differentiation of rural areas: background and the role of investment, *Economics and Management*, № 11 (133), p. 4—10. EDN: XKPCDV (in Russ.).
5. Manakov, A. G. 2016, Depopulation processes in the Pskov Oblast against the background of population polarisation in North-Western Russia, *Voprosy geografii*, № 141, p. 313—337 (in Russ.).
6. Romanova, E., Vinogradova, O., Frizina, I. 2015, Social and economic space compression in border areas: the case of the Northwestern Federal District, *Baltic Region*, № 3, p. 38—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-3>
7. Sobolev, A. V. 2015, Structural and functional characteristics of the spatial development of rural and urban areas in the Northwestern economic district, *Baltic Region*, № 1, p. 143—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-9>
8. Dementiev, V. 2020, Typology of regions of the North-West of Russia by the level of development of the settlement system at the beginning of the 21st century, *Pskov Journal of Regional Studies*, № 1 (41), p. 38—50, <https://doi.org/10.37490/S221979310008533-9> (in Russ.).
9. Krasnov, A. I., Bizyukov, D. 2021, Population dynamics of the pskov region in the post-soviet period according to rural settlement points, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 153, № 5, p. 21—33, <https://doi.org/10.31857/S0869607121050050> (in Russ.).
10. Fedorov, G. M. 2023, Spatial differentiation of rural territories in the Kaliningrad region: implications for socio-economic policies, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 117—139, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-7>
11. Tkachenko, A. A. 2023, Rural areas: a concept and approaches to typology, *Lomonosov Geography Journal*, vol. 78, № 2, p. 3—9, <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.1> (in Russ.).
12. Alekseev, A. I., Safronov, S. G., Savockul, M. S., Kuznetsova, G. Yu. 2019, The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the XX — early XXI centuries, *ECO*, № 4 (538), p. 26—49. EDN: FYBUBX (in Russ.).
13. Kostyaev, A. I., Nikonova, G. N. 2021, Developing territorial differentiation processes of agricultural production in the Non-Black Earth Region and their current trends, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, № 4, p. 150—168, <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.9> (in Russ.).
14. Ioffe, G. V., Nefedova, T. G. 2003, Fragmentation of rural space of Russia, *Vestnik Evrazii*, № 4, p. 69—92. EDN: HYRHCH (in Russ.).
15. Pělucha, M. 2019. Smart Villages and Investments to Public Services and ICT Infrastructure: case of the Czech rural development program 2007—2013, *European Countryside*, vol. 11, № 4, p. 584—598, <https://doi.org/10.2478/euco-2019-0032>
16. Löfving, L., Kamuf, V., Heleniak, T., Weck, S., Norlén, G. 2022, Can digitalization be a tool to overcome spatial injustice in sparsely populated regions? The cases of Digital Västerbotten (Sweden) and Smart Country Side (Germany), *European Planning Studies*, vol. 30, № 5, p. 917—934, <https://doi.org/10.1080/09654313.2021.1928053>
17. Naldi, L., Nilsson, P., Westlund, H., Wixe, S. 2015, What is smart rural development?, *Journal of Rural Studies*, vol. 40, № 8, p. 90—101, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.06.006>
18. Slee, B. 2019, Delivering on the Concept of Smart Villages — in Search of an Enabling Theory, *European Countryside*, vol. 11, iss. 4, p. 634—650, <https://doi.org/10.2478/euco-2019-0035>
19. Bock, B. 2016, Rural Marginalizations and the Role of Social Innovation; A Turn Towards Nexogenous Development and Rural Reconnection, *Sociologia Ruralis*, vol. 56, № 4, p. 552—573, <https://doi.org/10.1111/soru.12119>
20. Nefedova, T. G., Streletsky, V. N., Treyvish, A. I. 2022, Polarization of the socio-economic space of modern Russia: causes, directions and consequences, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, № 6 (92), p. 551 — 563. EDN: CDTMTR
21. Kalugina, Z. I., Fadeeva, O. P., Bratyushchenko, S. V., 2015, Socio-economic polarization of rural areas in Russia, *Region: Economics and Sociology*, № 3 (87), p. 123—145, <https://doi.org/10.15372/REG20150905> (in Russ.).

22. Bondarenko, L. V. 2020, City and village: distance and ways to overcome it, *AIC: economics, management*, № 12, p. 103—118, <https://doi.org/10.33305/2012-103> (in Russ.).
23. Haefner, L., Sternberg, R. 2020, Spatial implications of digitization: State of the field and research agenda, *Geography Compass*, vol. 14, № 12, p. 1—16, <https://doi.org/10.1111/gec3.12544>
24. Salemin, K., Strijker, D., Bosworth, G. 2017, Rural development in the digital age: A systematic literature review on unequal ICT availability, adoption, and use in rural areas, *Journal of Rural Studies*, vol. 54, p. 360—371, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.09.001>
25. Stojanova, S., Lentini, G., Niederer, P., Egger, T., Cvar, N., Kos, A., Stojmenova Duh, E. 2021, Smart Villages policies: Past, present and future, *Sustainability*, vol. 13, № 4, p. 1663, <https://doi.org/10.3390/SU13041663>
26. Wiesinger, G. 2007, The importance of social capital in rural development, networking and decision-making in rural areas, *Journal of Alpine Research*, vol. 95, № 4, p. 43—56, <https://doi.org/10.4000/rga.354>
27. Chatzichristos, G., Nagopoulos, N., Poulimas, M. 2021, Neo-Endogenous Rural Development: A Path Toward Reviving Rural Europe, *Sociologia Ruralis*, vol. 86, № 4, p. 911—937, <https://doi.org/10.1111/ruso.12380>
28. Basile, G., Cavallo, A. 2020, Rural Identity, Authenticity, and Sustainability in Italian Inner Areas, *Sustainability*, vol. 12, № 3, p. 1272, <https://doi.org/10.3390/su12031272>
29. Nefedova, T.G., Treivish, A.I., Sheludkov, A.V. 2022, Spatially uneven development in Russia, *Regional research of Russia*, vol. 12, № 1, p. 4—19, <https://doi.org/10.31857/S2587556622010101>
30. Petrikov, A. V. 2018, Economic growth in Russian agriculture: factors and problems, *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 214, № 6, p. 450—469. EDN: IIKXDK (in Russ.).
31. Harvey, D. 1989, *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, BLACKWELL, Cambridge MA & Oxford UK.
32. Fedorov, G.M. 2021, On strengthening the territorial differentiation of the rural population and the agrarian sector of the economy in the Russian Federation, *Vestnik of IKBFU. Series: Natural and Medical Sciences*, № 2, p. 5—22. EDN: UUCZNP (in Russ.).
33. Kostyaev, A.I. 2023, Rural space differentiation: regularities and driving forces, *AIC: economics, management*, № 8, p. 123—134, <https://doi.org/10.33305/238-123> (in Russ.).

The authors

Prof Alexander I. Kostyaev, Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Institute of Agrarian Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: galekos@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4041-6935>

Prof Galina N. Nikonova, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Institute of Agrarian Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: galekos@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7605-0237>

КОМПЛЕКСНАЯ ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

И. С. Гуменюк

Л. Г. Гуменюк

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
2360411, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 20.07.2024 г.

Принята к публикации 09.10.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-5

© Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г., 2024

Система сельского расселения Калининградской области, насчитывающий 1075 поселений, характеризуется компактностью и высоким уровнем хозяйственной освоенности. Для нее свойственно преобладание небольших по людности сельских населенных пунктов. За период с 2010 по 2024 г. численность сельского населения региона выросла с 210 до 235 тыс. чел. Вместе с тем фиксируется рост количества крупных сельских населенных пунктов в западной части региона при сохранении устойчивой тенденции к демографической убыли малых сельских населенных пунктов восточной части. Используя данные статистики, а также количественные данные, собранные по результатам предыдущих исследований из открытых источников, и материалы полевых исследований, авторы создали комплексную типологию сельских населенных пунктов Калининградской области. Типология базируется на учете демографических факторов, пространственного положения, обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, туризма и рекреации, предприятиями сельского хозяйства разного типа. Методы исследования включают в себя как инструменты получения первичной информации, так и инструменты ее обработки и анализа, в том числе статистический, картографический и сравнительно-географический. В результате определены 18 типов сельских поселений Калининградской области. Для каждого из типов характерна своя траектория социально-экономического и демографического развития, требующая учета при разработке и реализации программ и проектов пространственного развития локального или регионального уровня. Результаты исследования отражены в том числе в картографическом и табличном форматах.

Ключевые слова:

сельские населенные пункты, Калининградская область, типология, сельская система расселения, агломерация, периферия

Введение

Сельская местность является крайне многогранной и неотъемлемой частью любой территориальной социально-экономической системы (ТСЭС). Наряду с городами и крупными агломерациями сельские населенные пункты формируют систему расселения, выступающую опорным каркасом для функционирования и развития всех социальных и экономических процессов. Каждый сельский населенный пункт в силу собственного географического положения и ресурсного (в том числе чело-

Для цитирования: Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. Комплексная типология сельских населенных пунктов Калининградской области // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 100–120. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-5

веческого) потенциала обладает своей функцией. При этом функция сельского населенного пункта может со временем усиливаться или утихать, развиваться или трансформироваться в зависимости от модели социально-экономического развития на региональном, национальном или глобальном уровнях.

В России с изменением модели социально-экономического развития, произошедшей в начале 1990-х гг., начали происходить и существенные изменения сельской системы расселения, выраженные не только в депопуляции сельского населения, но и в функциональной трансформации многих сельских поселений. Эти изменения подробно рассматривались авторитетными отечественными экономико-географами Т. Г. Нефедовой [1], А. И. Алексеевым [2], С. Г. Сафоновым [3], Н. В. Зубаревич [4] и др.

Система сельских населенных пунктов Калининградской области как важная составная часть эксклавного региона России в последние годы активно изучается с позиций происходящих в ней трансформаций под влиянием как внутренних, так и внешних социальных, экономических, политических, экологических, технологических и других факторов. Сельскую местность и ее социально-экономические процессы изучали Г. М. Федоров [5], А. В. Левченков [6], И. С. Гуменюк [7], Д. В. Хвалей [8], А. Г. Плотникова [9] и др. В 2022 и 2023 гг. коллективом авторов под руководством Г. М. Федорова были опубликованы две монографии, посвященные сельской местности Калининградской области, как часть проекта «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах» в рамках программы «ERA.Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ [10; 11].

Трансформация сельской местности Калининградской области сопровождается в том числе и функциональными изменениями роли сельских населенных пунктов. Многие из них, утратив традиционные сельскохозяйственные функции, обрели новые (рекреационные, селитебные и пр.) или находятся в стадии формирования иного функционального профиля. Это делает актуальной целью проведение комплексной типологии сельских населенных пунктов Калининградской области, в том числе для принятия управленческих решений по дальнейшему инфраструктурному и социально-экономическому развитию внегородских территорий региона.

Для достижения цели исследования были решены следующие задачи:

- проанализирована динамика численности населения в сельских поселениях региона в период с 2010 по 2024 г.;
- дана оценка географического положения сельских поселений в региональной системе расселения, в том числе их транспортно-географического положения;
- проанализирована обеспеченность сельских поселений объектами социальной инфраструктуры, туризма и рекреации.

Объектом наблюдения стали сельские населенные пункты эксклавного региона России, объектом исследования — процессы и результаты трансформации сельских населенных пунктов Калининградской области в период с 2010 по 2024 г. Предмет исследования — функциональные типы сельских поселений.

Теоретическая база исследования

В силу того что любая система сельского расселения состоит из большого числа населенных пунктов, создание типологии является весьма традиционным методом для экономико-географических исследований. В 1960-х гг. С. А. Ковалев разработал функциональную типологию сельских населенных пунктов, в основе которой лежит критерий «структуры “поселкообразующей” группы самостоятельного насе-

ления — соотношения числа трудящихся, занятых в различных отраслях народного хозяйства» [12, с. 129]. В результате были предложены функциональные типы поселений: сельскохозяйственные, аграрно-индустриальные, несельскохозяйственные поселения с развитыми функциями местных центров. Последние, в свою очередь, подразделяются на подтипы:

- 1) поселки промышленных предприятий;
- 2) поселки на путях сообщений;
- 3) поселки строителей при новостройках;
- 4) лесопромышленные и лесоохранные поселки;
- 5) рыболовные и охотничье-промысловые поселки;
- 6) поселки научных станций;
- 7) поселки учреждений здравоохранения и просвещения;
- 8) дачные поселки;
- 9) загородные жилые поселки рабочих и служащих [12, с. 134—136].

В более поздних исследованиях наряду с функциональной типологией многие ученые разрабатывали типологии на основе людности сельских поселений или их пространственного расположения внутри территориальной социально-экономической системы. Интересным примером типологии, основанной на показателях людности сельских населенных пунктов, является работа М. Н. Куницы [13]. Автор на базе анализа сельских населенных пунктов центральной России обосновал выделение 11 типов сельских поселений (от «пустующих деревень» до «коттеджных поселков»). Интересным примером пространственной типологии сельских населенных пунктов является работа Н. В. Ворошилова [14]. Применяя центр-периферийную концепцию, автор выделяет сельские населенные пункты ближней периферии (подразделяя на три подтипа), средней периферии (три подтипа) и дальней периферии.

Несколько функциональных типологий сельской местности было предложено А. И. Алексеевым с соавторами. В первой из них [15] типологическим критерием выступали наличие или отсутствие постоянного населения; соотношение постоянного и временного населения; наличие среди постоянных жителей трудоспособных; наличие рабочих мест. По итогу были выделены 8 типов сельских поселений. В более поздней публикации А. И. Алексеев вместе с коллегами [16] предложил типологию сельских населенных пунктов (на примере Тамбовской области), в основе которой лежит сочетание двух факторов — ландшафтного и траектории постсоветского развития. В итоге сложились следующие типы сельских поселений:

- развивающиеся поселения долинных комплексов;
- стагнирующие поселения долинных комплексов;
- деградирующие поселения долинных комплексов;
- развивающиеся поселения плакорных комплексов;
- стагнирующие поселения плакорных комплексов;
- деградирующие поселения плакорных комплексов.

Функциональная типология сельских поселений активно разрабатывается и в зарубежных исследованиях. При этом, как верно отмечает в своей работе Ф. Скендери [17], наряду с функциональной возможно применение генетической, демографической, морфологической и пространственной типологий. Однако именно функциональная типология за последние годы использовалась при изучении сельских населенных пунктов Сербии [18], Болгарии [19], Северного Китая [20], Западной Герцеговины [21] и других стран и регионов. Это объясняется возможностью при-

менения при функциональной типологии широкого спектра количественных и качественных критериев, определяемых методическими и методологическими подходами, используемыми в каждом из исследований.

Применительно к Калининградской области в 2001 г. Г. М. Федоров [22] предложил функциональную типологию, включающую в себя 10 типов (табл. 1).

Таблица 1

**Функциональные типы сельских населенных пунктов
Калининградской области**

Функциональный тип	Количество населенных пунктов
Центры сельских администраций с сельскохозяйственными, несельскохозяйственными, организационно-хозяйственными и культурно-бытовыми функциями	18
Центры сельских администраций с сельскохозяйственными, организационно-хозяйственными и культурно-бытовыми функциями	68
Центры сельских администраций с сельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	5
Центры сельских администраций с несельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	4
Поселения с несельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	31
Поселения с несельскохозяйственными функциями	24
Поселения с организационно-хозяйственными, сельскохозяйственными, несельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	105
Поселения с сельскохозяйственными и культурно-бытовыми функциями	169
Поселения с сельскохозяйственными функциями	152
Поселения-спальни без хозяйственных объектов и объектов социальной инфраструктуры	503

Расчеты: Н. А. Клименко, А. В. Левченкова.

Источник: [22].

В предыдущих работах авторами данной статьи также были предложены различные типологии сельских населенных пунктов Калининградской области. Одна из них базировалась на сочетании транспортно-географического положения и динамики изменения численности сельского населения [10], что позволило обосновать 16 типов сельских поселений. На основании транспортно-географического положения поселения были разделены на 4 группы:

- расположенные вдоль федеральных и/или международных автомобильных дорог;
- расположенные на региональных транзитных путях;
- расположенные вне региональных транспортных путей;
- транспортные тупики.

Анализ динамики численности сельского населения позволил выделить следующие демографические группы поселений:

- растущие поселки;
- устойчивые поселки;

- стагнирующие поселки;
- убывающие поселки.

Другой пример разработанной авторами типологии сельских населенных пунктов базировался на балльной оценке обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, а именно объектами дошкольного и школьного образования, здравоохранения, культуры, спорта и рекреации [23]. В результате были выделены 12 типов сельских поселений Калининградской области по уровню обеспеченности объектами социальной инфраструктуры.

Интересной функциональной типологией является работа А. А. Ткаченко [24]. Автор разработал ее применительно к сельской местности (под которой предлагал понимать «внегородское пространство с постоянным населением» [24, с. 4]), но, по нашему мнению, она вполне применима и к отдельным сельским населенным пунктам. В исследовании обоснованы следующие функциональные типы сельской местности.

1. Пригородная (с различными сочетаниями функций).
2. Аграрная (с развитым товарным сельским хозяйством). Возможно выделение нескольких вариантов в зависимости от преобладающего типа предприятий.
3. Агрорекреационная, то есть «дачная», с преобладанием хозяйств горожан.
4. «Постаграрная», или аграрно-депрессивная (с натуральным хозяйством и тенденцией к люмпенизации населения, в некоторых случаях — отходническая).
5. Лесопромышленная.
6. Промысловая. Основу хозяйства населения составляет эксплуатация природных ресурсов.
7. Рекреационная.

Разработанная авторами типология опирается на опыт предыдущих исследований, при этом исходными данными для ее создания являются разнообразные количественные и качественные параметры современного состояния и временной динамики трансформационных процессов сельских населенных пунктов Калининградской области.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования выступают статистические данные о численности населения сельских населенных пунктов Калининградской области¹, количественные данные, собранные по результатам предыдущих исследований из открытых источников (баз данных региональных министерств о наличии объектов социальной инфраструктуры; объектов рекреации и туризма; действующих сельскохозяйственных производителей региона). В рамках исследования также использовались показатели транспортной доступности сельских поселений региона, рассчитанные через критерий временного интервала, описывающий общее время в пути, необходимое для доступа из населенного пункта в город по дорогам общего пользования, с учетом соблюдения всех нормативных требования скоростного движения. Время в пути рассчитывалось без учета загруженности автомобильных дорог, являющейся переменным значением. Использование критерия время в пути в противовес параметру расстояния объясняется тем, что показатель расстояния — преимущественно количественный параметр транспортной доступности, а время — качественный, учитывающий в том числе и нормативное состояние дорожной инфраструктуры.

¹ Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области, Статистический сборник, *Калининградстат*, Калининград, 2024.

Материалы исследования базируются и на многочисленных полевых исследованиях, проведенных авторами статьи в рамках различных проектов и программ за последние несколько лет.

Информационная база исследования охватывает все сельские населенные пункты Калининградской области. На 1 января 2024 г. в регионе насчитывается 1075 сельских населенных пунктов. В статье использовались данные о динамике численности населения в период с 2010 г. по 1 января 2024 г. Несмотря на несовершенство такого показателя, как людность поселения по данным статистики (ввиду фиксации населения, имеющего регистрацию по месту жительства в поселке и необязательно фактически проживающего в нем), авторы вынуждены оперировать именно им ввиду его доступности и охвата. Более информативными для таких исследований могли бы стать данные сотовых операторов [25], а также результаты социологических опросов. Но эти данные (распределение населения) отсутствуют в открытом доступе или требуют больших временных затрат для сбора, анализа и интерпретации (проведение масштабных социологических исследований).

Методами исследования стали инструменты получения первичной информации, ее обработки и анализа, в том числе статистический, картографический и сравнительно-географический.

Методология исследования подразумевала первоначальную дифференциацию сельских поселений региона по показателю людности, в результате чего были определены 6 групп поселений (табл. 2).

Таблица 2

Типы сельских населенных пунктов по людности

Тип	Людность, чел.	Число поселений	Численность населения, всего
Сельские поселения «без населения» (пустующие)	0	30	0
Сельские микропоселения (переходные к пустующим)	1–10	136	665
Малые сельские поселения	11–100	500	21 480
Небольшие сельские поселения	101–500	309	75 030
Средние сельские поселения	501–2000	87	79 600
Крупные поселения-спутники в границах городской агломерации	Свыше 2000	17	58 640
	<i>Всего</i>	1075	235 415

В Калининградской области на 1 января 2024 г. насчитывается 30 сельских поселений «без населения» (2,7 % от общего числа). За период с 2020 по 2024 г. их количество в регионе не изменилось, но с 2010 по 2020 г. возросло практически в два раза (с 18 до 30). Причинами появления пустующих сельских поселений чаще всего являются «выпадение» из текущей социально-экономической системы в связи с кризисом в аграрном секторе, экстремально высокие показатели естественной убыли и/или миграционного оттока населения, плановое или стихийное сселение людей в более крупные (удобные для жизни) поселения. О феномене сельских поселений «без населения», причинах их возникновения и способах ревитализации на примере Тверской области подробно написано в работе И. Н. Румянцева и коллег [26].

Отдельную группу образуют сельские поселения, находящиеся в процессе перехода в стадию пустующих. Речь идет о населенных пунктах с официальной численностью населения от 1 до 10 чел. Для них характерны такие же негативные тенденции, как и для пустующих поселений, с той лишь разницей, что процесс еще не завершён до конца. На начало 2024 г. в регионе насчитывалось 136 сельских поселений подобного типа (12,6% от общего числа поселений). При этом видна тенденция к их росту, в 2010 г. таких поселений было 104, а в 2020 г. — уже 120.

Малые сельские поселения численностью от 11 до 100 чел. в силу ограниченности в первую очередь человеческих ресурсов не могут обеспечивать разнонаправленное развитие (полифункциональность) и чаще всего сосредоточены на выполнении одной функции. Для таких сельских поселений характерны полное отсутствие или наличие не более одного объекта социальной инфраструктуры, представленного домом культуры или зданием сельской библиотеки. В Калининградской области на начало 2024 г. насчитывалось 500 малых сельских поселений (чуть меньше половины от общего числа сельских поселений региона). Это объясняется историческими особенностями формирования системы расселения региона, его небольшой площадью при высоком уровне хозяйственной и инфраструктурной освоенности.

Следующая группа — небольшие по численности (население от 101 до 500 чел.) сельские поселения. В Калининградской области такие поселения характеризуются относительной устойчивостью демографических процессов, но с тенденцией к снижению численности. На начало 2024 г. в регионе насчитывается 309 поселений данной группы. В них проживают около 75 тыс. чел., в то время как по итогам переписи населения 2010 г. совокупная численность населения составляла 79,9 тыс. чел. (снижение на 6%). В таких поселениях имеются разнообразные объекты социальной инфраструктуры (учреждения дошкольного образования, начальные школы, объекты культуры и библиотеки, первичные звенья системы здравоохранения в виде фельдшерско-акушерских пунктов).

Группу средних сельских поселений образуют населенные пункты с численностью от 501 до 2000 чел. В регионе таких поселений менее 10% от общего числа, всего 87 населенных пунктов. Как и в случае с предыдущими группами поселений, число средних сельских населенных пунктов имеет тенденцию к сокращению. В 2010 г. на территории региона средних населенных пунктов было 105 (с совокупной численностью 85,2 тыс. чел.), в 2020 г. — 90 (84,9 тыс. чел.), а к началу 2024 г. в 87 средних сельских населенных пунктах проживало уже около 79,6 тыс. чел. Поселения данной группы выступают важными компонентами регионального каркаса системы расселения. Они не только выполняют функции местных организационных социально-бытовых и аграрно-промышленных центров. Некоторые из них активно развиваются в качестве промышленных центров, а также центров предоставления разнообразных туристско-рекреационных услуг. Такие поселения, обладая значительным социально-экономическим потенциалом, служат ядрами формирования местных типов расселения (межпоселенческие центры). В Калининградской области многие из них до проведения реформы местного самоуправления были центрами сельских поселений.

Крупные сельские населенные пункты с численностью выше 2000 чел. стали самой быстрорастущей группой. В 2010 г. таких поселений на территории региона было 9 с совокупной численностью населения 25,6 тыс. чел. По итогам переписи 2020 г. таких поселений стало уже 13, и в них проживали 48,2 тыс. чел. На 1 января 2024 г. крупными поселениями считаются уже 17, в которых проживают 58,6 тыс. чел.

Следующим шагом проведения комплексной типологии сельских населенных пунктов стало определение функционального типа поселения, которое базирова-

лось на анализе разнообразных статистических данных и качественных критериев, отражающих современное состояние и характер трансформационных процессов, проходивших за последние годы в сельских поселениях. В результате были выделены 7 функциональных типов сельских поселений (табл. 3).

Таблица 3

Функциональные типы сельских населенных пунктов

Тип	Критерии выделения и характеристика	Количество	Численность населения, чел.
Пригородные	Поселения, расположенные вблизи города и обладающие с ним тесными связями	362	119 400
Дачные (агрорекреационные) и приморские	Поселения, расположенные в приморских муниципалитетах и в границах Калининградской городской агломерации (характерна сезонная маятниковая миграция горожан и туристов)	120	15 740
Аграрные, аграрно-промышленные и аграрно-индустриальные	Поселения, сохранившие традиционную сельскохозяйственную функцию	252	44 010
«Постаграрные», или аграрно-депрессивные	Поселения, характеризующиеся неблагоприятным транспортно-географическим положением и/или удаленностью от городов	75	6 176
Рекреационные	Поселения, на территории которых имеются действующие объекты туризма или которые обладают рекреационным потенциалом	47	5 412
Межпоселенческие центры	Поселения с развитой социальной инфраструктурой, центры предоставления несельскохозяйственных и культурно-бытовых услуг	53	44 012
Поселения без функций	Поселения, людность которых не позволяет им выполнять какую-либо функцию	166	665
<i>Всего</i>		1075	235 415

Необходимо отметить, что итоговое определение функционального типа подчеркивает главенствующую, по мнению авторов статьи, функцию, которую в настоящее время выполняет сельский населенный пункт (при этом он может иметь и другие функции, которые являются дополнительными к главенствующей).

Результаты исследования

Комплексная типология сельских населенных пунктов Калининградской области как основной результат исследования представлена на рисунке 1 и в таблице 4. Тип сельского поселения определяется его людностью и главной функцией, которую в настоящее время осуществляет населенный пункт в системе расселения (вытекающей из географического положения, наличия разнообразных материальных и нематериальных ресурсов, человеческого потенциала).

Таблица 4

Комплексная типология сельских населенных пунктов Калининградской области

Тип	Характеристика	Количество
<i>Пригородные</i>		
Малые сельские поселения	Поселения-спальни, расположенные не далее 15-минутного временного интервала от города	187
Небольшие сельские поселения	Поселения, расположенные не далее 15-минутного временного интервала от города	130
Средние сельские поселения	Поселения, расположенные не далее 15-минутного временного интервала от города. Поселения, расположенные рядом с административным центром, имеют тенденцию к трансформации в поселения коттеджного типа	34
Крупные поселения-спутники в границах городской агломерации	Поселения, расположенные вблизи административного центра — города Калининграда (не далее 30-минутного временного интервала)	11
<i>Всего</i>		362
<i>Дачные (агрорекреационные) и приморские</i>		
Малые сельские поселения	Поселения, расположенные в приморских муниципалитетах и в границах Калининградской городской агломерации (характерна сезонная маятниковая миграция горожан и туристов)	70
Небольшие сельские поселения	Поселения, расположенные в приморских муниципалитетах и в границах Калининградской городской агломерации (в границах 60-минутного временного интервала от административного центра)	50
<i>Всего</i>		120
<i>Аграрные, аграрно-промышленные и аграрно-индустриальные</i>		
Малые сельские поселения	Поселения, сохранившие традиционную сельскохозяйственную функцию	154
Небольшие сельские поселения	Поселения, сохранившие традиционную сельскохозяйственную функцию, в которых действуют сельхозпредприятия разной организационной формы, а население преимущественно занято в сельском хозяйстве	72
Средние сельские поселения	Поселения, в которых функционируют крупные предприятия, связанные с глубокой переработкой сельскохозяйственной продукции и производством продуктов питания	26
<i>Всего</i>		252
<i>«Постаграрные», или аграрно-депрессивные</i>		
Малые сельские поселения	Поселения, характеризующиеся неблагоприятным транспортно-географическим положением и/или удаленностью от города. Более низкая людность, чем в других поселениях данной группы	57
Небольшие сельские поселения	Поселения, характеризующиеся неблагоприятным транспортно-географическим положением и/или удаленностью от города. Более низкая людность, чем в других поселениях данной группы	18
<i>Всего</i>		75
<i>Рекреационные</i>		
Малые сельские поселения	Поселения, на территории которых имеются действующие объекты туризма или которые обладают рекреационным потенциалом ввиду наличия уникальных историко-культурных или природных объектов	30

Окончание табл. 4

Тип	Характеристика	Количество
Небольшие сельские поселения	Поселения, на территории которых имеются действующие объекты туризма или которые обладают рекреационным потенциалом ввиду наличия уникальных историко-культурных или природных объектов	17
<i>Всего</i>		47
<i>Межпоселенческие центры</i>		
Небольшие сельские поселения (локальные)	Поселения с развитой социальной инфраструктурой, центры предоставления несельскохозяйственных и культурно-бытовых услуг для близлежащих малых поселений	20
Средние сельские поселения	Поселения с развитой социальной инфраструктурой, характеризуются благоприятным транспортно-географическим положением. Бывшие центры сельских администраций с сохранившимися сельскохозяйственными, организационно-хозяйственными и культурно-бытовыми функциями	27
Крупные сельские (несельскохозяйственные) поселения	Поселения, в которых население преимущественно не связано с сельским хозяйством и соответствующим образом жизни. Являются районными центрами управления сельской местностью	6
<i>Всего</i>		53
<i>Поселения без функций</i>		
Пустующие поселения	Населенные пункты, не имеющие населения (по данным официальной статистики)	30
Переходные к пустующим	Поселения, численность которых составляет менее 10 чел. (по данным официальной статистики)	136
<i>Всего</i>		166

Сельские поселения пригородного типа характеризуются близостью к городам региона, расположены не далее 15-минутного временного интервала от городов — районных центров и не далее 20-минутного (30-минутного для поселений численностью более 2 тыс. чел.) временного интервала от административного центра — города Калининграда. Совместно с малыми городами такие сельские населенные пункты формируют сельско-городские континуумы [27], что в современной отечественной управленческой практике с недавних пор принято называть «сельскими агломерациями» [28]. Население таких поселений полностью интегрировано в социально-бытовое и хозяйственное пространство города, что выражается в том числе в маятниковой миграции населения в город на ежедневной основе. Крупные населенные пункты в границах Калининградской городской агломерации [29] являются поселениями — спутниками областного центра.

Из 500 малых сельских поселений к числу пригородных относятся 187. Совокупная численность проживающих в них людей на начало 2024 г. составила 8 тыс. чел. (средняя людность — 42,7 чел.). При этом в период с 2010 по 2024 г. совокупная численность снизилась почти на 1 тыс. чел. (с 8,7 до 8 тыс.). Это «поселения спальные без хозяйственных объектов и объектов социальной инфраструктуры» [22, с. 109]. В последние годы нередко наиболее близко расположенные к городам сельские поселения теряют статус самостоятельного населенного пункта и включаются в состав города (из примеров последних лет — пос. Новая Деревня, который вошел в состав г. Черняховска, пос. Мечниково и Павлово в составе г. Балтийска). Число небольших сельских поселений пригородного типа в регионе составляет 13 при средней людности 241,3 чел.

Пригородные средние сельские поселения, близкие к административному центру, за последние несколько лет все активнее трансформируются в поселения коттеджного типа. Эти поселения привлекательны как место жительства для трудоспособного населения с уровнем дохода выше среднего. Жители города предпочитают переезжать в них, сохраняя при этом тесную связь с городом. Таким образом, формируются поселения, для которых характерны высокое качество жизнедеятельности населения, формирование культурных антропогенных комплексов при доминировании природно-антропогенных и сохранении природных очагов. Отличительной статистической особенностью таких коттеджных поселений является рост официальной численности населения (в два и более раза) за последние десятилетия при сохранении среднего типологического размера самого поселения. Например, пос. Орловка в 10,5 км от Калининграда с 2010 по 2024 г. увеличил официальную численность населения с 619 до 1414 чел. Численность сельского поселения Родники (расположен в 16,6 км от Калининграда) выросла за 14 лет с 757 до 1764 чел. К данному функциональному типу относятся 34 сельских поселения региона.

Крупными поселениями-спутниками в границах городской агломерации являются 11 населенных пунктов. В 8 из них численность населения по итогам переписи 2010 г. была менее 2 тыс. чел., но выросла в два и более раза к 2024 г. Еще 3 поселения (Малое и Большое Исаково, Васильково) имели численность выше 2 тыс. чел. в 2010 г. и продолжили активно расти в дальнейшем. Рост числа таких поселений связан с активным процессом агломерирования Калининграда, при котором население, стягиваясь к административному центру, в силу разных причин селится в рядом расположенных крупных населенных пунктах. Например, пос. Голубево, находящийся в 16 км от Калининграда, стал местом активной массовой застройки жилья, в результате чего с 2010 по 2024 г. его официальная численность выросла с 350 до 4376 чел.

Поселения дачного (агрорекреационного) или приморского типа расположены в границах Калининградской городской агломерации или в приморских муниципалитетах региона. Эти поселения активно используются горожанами в качестве мест сезонного (в летнее время) или краткосрочного проживания. Отдельно стоит отметить, что к этой же группе относятся сельские поселения, расположенные вдоль морского побережья, которые также привлекательны в качестве мест для сезонного проживания. Примером поселения данного типа можно считать пос. Морское на Куршской косе. Официальная численность поселка на 1 января 2024 г. составляет 80 чел., при этом с 2010 по 2024 г. количество населения сократилось на треть (с 126 до 80 чел.), но в летний период Морское, как и вся Куршская коса, пользуется популярностью среди жителей региона и туристов в качестве места отдыха.

По мнению авторов статьи, к малым дачным сельским поселениям относятся 70 населенных пунктов Калининградской области. Интересно, что официальная совокупная численность таких поселений за период с 2010 по 2024 г. практически не изменилась, сохраняясь на отметке 3,2 тыс. чел. К числу небольших дачных сельских поселений можно отнести 50 населенных пунктов.

К малым сельским поселениям аграрного типа относятся те, у которых сохранилась традиционная сельскохозяйственная функция, выраженная в том числе в соответствующем образе жизни местного населения. В поселениях функционируют предприятия, напрямую связанные с сельским хозяйством (чаще всего территориальные филиалы крупных агрохолдингов — молочные фермы, зернотоки и зернохранилища, базы ремонта или хранения сельскохозяйственной техники и пр.). С другой стороны, все чаще в таких поселениях появляются разнообразные малые формы хозяйствования (крестьянско-фермерские хозяйства, личные подсобные хо-

зяйства, индивидуальные предприниматели, самозанятые), направленные в первую очередь на удовлетворение спроса на отдельные виды сельскохозяйственной продукции на локальном уровне. Также малые формы хозяйствования могут ориентироваться на создание «неспецифичного» (например, компании, специализирующиеся на выращивании спаржи, голубики, грецких орехов и пр.) или «уникального» для региона сельхозпродукта (отличающегося от продукта массового потребления). Многие из них, рекламируя свою продукцию, указывают на ее уникальность, эксклюзивность («экологически чистый продукт», «уникальная / старинная технология производства», «оригинальная упаковка») [8].

Примером малого сельского поселения аграрного типа является небольшой пос. Ливенское с официальной численностью населения 74 чел. В этом поселке функционирует плантация, специализирующаяся на выращивании нетипичной для региона ягоды — голубики. На территории региона можно выделить 154 малых поселения такого типа.

Небольшие поселения аграрного типа специализируются преимущественно на обеспечении сельскохозяйственных функций, что находит свое отражение в функционировании в них сразу нескольких предприятий сельскохозяйственной специализации. Стоит отметить, что для Калининградской области проблема продовольственной самообеспеченности — одна из наиболее актуальных [30]. Одним из направлений в решении этой проблемы является развитие предприятий сельского хозяйства в регионе, чему способствует активная государственная поддержка. В период с 2012 по 2020 г. государственную поддержку на общую сумму 972 млн руб. получили 223 начинающих фермера, 20 семейных ферм, 38 хозяйств, реализующих приоритетные направления аграрного производства, 13 проектов потребительских сельхозкооперативов, 22 хозяйства, воплощающих проекты по направлению «Агростартап» [31]. В 2019 г. в регионе на базе фонда «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» был создан Центр компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров, который ежегодно оказывает грантовую поддержку около 25 действующим и начинающим сельскохозяйственным предприятиям. Такая поддержка со стороны государства, а также благоприятные внешние условия привели к активному развитию не только крупных агрохолдингов, но и малых форм хозяйствования. К числу аграрных небольших сельских поселений относятся 72 населенных пункта региона.

Средние сельские поселения агропромышленного или аграрно-индустриального типа представляют собой населенные пункты, в которых функционируют крупные предприятия, связанные с глубокой переработкой сельскохозяйственной продукции и производством продуктов питания. Примером поселения такого типа можно назвать пос. Залесье с численностью населения 1006 чел., в котором работает головной завод компании «Залесский фермер», являющейся одним из ключевых региональных производителей разнообразной молочной продукции. Другой пример — пос. Кубановка (численность населения — 711 чел.), в котором функционирует свиноводческий комплекс на 10 тыс. голов со среднесписочной численностью работников около 200 чел. К средним сельским поселениям агропромышленного типа относятся 26 населенных пунктов.

«Постаграрный», или аграрно-депрессивный, тип малых населенных пунктов характерен для поселений, расположенных на периферии (территориально удаленных от городов на расстояние более 30-минутного временного интервала) или имеющих плохое транспортно-географическое положение (расположены вне региональных транспортных путей или являются транспортными тупиками). В условиях эксклавной Калининградской области чаще всего такие поселения находятся в приграничной зоне, вдалеке от пунктов пропуска. В них преобладает население

старших возрастных групп с тенденцией к люмпенизации, ведущее натуральное хозяйство. Эти поселения по траектории своего функционирования в краткосрочной или среднесрочной перспективах перейдут в категорию пустующих (с численностью населения менее 10 чел.). На это обстоятельство указывает тот факт, что средняя людность поселений данного типа составляет всего 37,7 чел. при средней людности малых поселений региона 43 чел. К аграрно-депрессивным поселениям относятся 57 сельских населенных пунктов.

Аграрно-депрессивные небольшие сельские поселения сохраняют сельскохозяйственную специализацию, но характеризуются тенденцией к снижению численности населения в силу демографической и миграционной убыли населения. Число поселений такого типа в регионе — 18. Средняя людность — 223 чел. Примером является пос. Мысовка Славского района, в котором на 1 января 2024 г. проживают 240 чел. За период с 2010 по 2024 г. официальная численность населения поселка сократилась примерно на треть (с 329 до 240 чел.). Его неблагоприятное транспортно-географическое положение выражается в том, что до районного центра — г. Славска — по дорогам общего пользования время в пути составляет более 45 мин, а до Калининграда — более 2,5 ч.

К рекреационному типу относятся поселения, в которых уже есть объекты сельского или экологического туризма или имеются уникальные природные или историко-культурные объекты, эксплуатация которых может обеспечить развитие в них рекреационных функций. Специализация на рекреационной деятельности является одним из способов ревитализации сельских поселений, неспособных выполнять предыдущие (преимущественно сельскохозяйственные) функции. В большинстве таких поселений чаще всего создаются гостевой дом или сельская усадьба, предоставляющие одновременно услуги по проживанию, питанию и досугу. В последние несколько лет во многих малых поселениях, обладающих рекреационным потенциалом, стали разворачиваться глэмпинги (например, в пос. Ушаково, расположенном на побережье Куршского залива, с официальной численностью населения — 16 чел. в 2022 г. открылся глэмпинг с единовременной вместимостью до 30 чел.).

Небольшие сельские поселения рекреационного типа представляют туристические услуги в сфере сельского и экологического туризма, при этом чаще всего в населенных пунктах представлено сразу несколько туристических предприятий. В таких поселениях действуют не только туристические организации, в туристическую деятельность вовлекается местное население, в том числе через инструменты социальных инноваций. Это повышает ценность сельской местности и развивает компетенций сельского населения, что создает условия для социально-экономического развития сельского населения не только в рекреационном направлении, но и в других сферах. Примером такого поселения является пос. Краснолесье, расположенный в Нестеровском районе в Роминтенской пуще. В этом небольшом поселении с численностью 298 чел. одновременно функционируют гостевой дом, глэмпинг, эколого-исторический музей, шоколадная лавка. По мнению авторов статьи, в регионе есть 17 небольших сельских поселений рекреационного типа.

Малые сельские поселения, выступающие локальными межпоселенческими центрами, характеризуются наличием развитой социальной инфраструктуры и выступают центрами предоставления несельскохозяйственных и культурно-бытовых услуг для малых поселений, расположенных рядом. Межпоселенческая функция вполне может совмещаться с аграрной, дачной или рекреационной. Зачастую такие сельские поселения отличаются выгодным транспортно-географическим положением, располагаясь на пути региональных транспортных коридоров (соединяющих муниципальные центры с административным центром или друг с другом). Межпоселенческие центры также имеют более высокий показатель средней люд-

ности — 353 чел., при средней людности малых поселений в 242 чел. К сельским населенным пунктам данного типа относятся 22 поселения. Примером выступает пос. Чистые Пруды в Нестеровской районе, через который проходят три дороги, соединяющие поселок с 12 небольшими поселениями, расположенными вблизи населенного пункта.

Средние сельские населенные пункты, выполняющие функции межпоселенческих центров, характеризует наличие разнообразной социальной инфраструктуры, представленной всеми базовыми элементами. Многие такие поселения имеют хорошее транспортно-географическое положение, некоторые из них являются важными для региона транспортными узлами. Высокий уровень межпоселенческих связей с рядом расположенными сельскими поселениями меньшего таксономического ранга сохранился со времен функционирования в большинстве муниципалитетов Калининградской области первого уровня местного самоуправления (при котором выделялись сельские и городские поселения). Наряду с межпоселенческими функциями поселения имеют рекреационные, агропромышленные, индустриально-аграрные и транспортно-логистические (в том числе приграничными) функции. Всего выделяются 27 средних поселений данного типа.

Крупные многофункциональные внегородские населенные пункты представляют собой поселения, в которых население преимущественно не связано с сельским хозяйством и соответствующим образом жизни. Эти поселения являются крупными транспортными узлами, имеют богатую историю, выраженную в наличии разнообразных объектов историко-культурного наследия, что делает их привлекательными для развития рекреационных функций. Многие из них выступают районными центрами управления сельской местностью. Характерная особенность этих поселений — демографическая устойчивость. За период с 2010 по 2024 г. совокупная численность 6 поселений данного подтипа незначительно возросла — с 14,4 до 14,7 тыс. чел.

Заключение

Система сельских населенных пунктов Калининградской области в целом характеризуется высокой плотностью (что объясняется компактностью и высоким уровнем хозяйственной освоенности региона) с преобладанием небольших (численностью до 100 чел.) сельских населенных пунктов. Вместе с тем последние десятилетия характеризуются тенденцией к стягиванию населения региона к Калининграду, что выражается в росте численности населения не только самого города, но и ближайших к нему сельских населенных пунктов [32]. Внеагломерационные малые и небольшие сельские населенные пункты характеризуются демографической убылью при относительной устойчивости средних и росте крупных сельских населенных пунктов.

Представленная авторами функциональная типология сельских населенных пунктов Калининградской области является результатом длительных теоретических и практических (в том числе экспедиционных) исследований внеурбанизированных территорий региона. Авторы статьи предлагают выделять 18 функциональных типов сельских поселений Калининградской области. Для каждого из типов характерна своя траектория социально-экономического и демографического развития, требующая учета при разработке и реализации программ и проектов пространственного развития районов региона.

Практическая значимость представленной типологии связана с возможностью выработки грамотных управленческих решений по развитию населенных пунктов разного типа. Например, пригородные сельские поселения необходимо развивать в

контексте усиления их связности (транспортной, экономической, технологической и пр.) с близлежащими городами. В сельских поселениях, играющих важную роль в сельском хозяйстве региона, в том числе в тех, где уже функционируют малые формы хозяйствования, необходимо активно реализовывать программы по выявлению, обучению, консультированию и финансовой поддержке населения, заинтересованного в начале своей деятельности, связанной с сельским хозяйством. Аналогично следует поступать в поселениях, обладающих рекреационным потенциалом. В поселениях с межпоселенческой функцией следует активно модернизировать и строить объекты социальной инфраструктуры, в том числе нового функционального типа. Например, многофункциональные центры, способные оказывать образовательные, культурно-досуговые и консультационные услуги, а также брать на себя задачи по патриотическому воспитанию, что крайне актуально в контексте современных условий функционирования эксклавного региона России — Калининградской области.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-27-00085 «Роль социально-культурных центров сельской местности в территориальном преобразовании и повышении качества жизни населения» <https://rscf.ru/project/24-27-00085>

Список литературы

1. Нефедова, Т.Г. 2018, Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России, *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*, № 7, с. 1—12. EDN: OTZFPV
2. Алексеев, А.И., Сафронов, С.Г. 2015, Изменения сельского расселения в России в конце XX — начале XXI в., *Вестник Московского университета. Сер. 5. География*, № 2, с. 66—76. EDN: UCGNLR
3. Алексеев, А.И., Сафронов, С.Г., Савоскул, М.С., Кузнецова, Г.Ю. 2019, Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX — начале XXI в., *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, № 4 (538), с. 26—49. EDN: FYBUBX
4. Зубаревич, Н.В. 2013, Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 3, с. 26—38, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-3-26-38>
5. Федоров, Г.М. 2023, О пространственной дифференциации сельской местности Калининградской области и территориальных различиях социально-экономической политики на селе, Балтийский регион, т. 15, № 3, с. 117—139, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-7>
6. Левченков, А.В., Давыденко, А.В. 2021, Сельская местность как периферийная зона: приговор или потенциал, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 5—15. EDN: VFWNDD
7. Гуменюк, И.С., Юстратова, В.О. 2021, Трансформация системы расселения в Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 31—41. EDN: JPDFQE
8. Хвалей, Д.В. 2023, Малые села Калининградской области: современное состояние и перспективы развития. В сборнике: *Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества*, Материалы VII междунар. науч.-практ. конф., с. 199—206. EDN: BUOWJS
9. Плотникова, А.П. 2023, Система расселения Калининградской области: дазиметрический анализ, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 38—49, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2023-4-3>
10. Федоров, Г.М., Анохин, А.Ю., Гуменюк, И.С., Гуменюк, Л.Г., Давыденко, А.В., Кузнецова, Т.Ю., Кропинова, Е.Г., Левченков, А.В., Михайлова, А.А., Пекер, И.Ю., Хвалей, Д.В. 2023, *Повышение ценности сельской местности в России: опыт и пути внедрения социальных инноваций в Калининградской области*, Калининград, 253 с. EDN: BVFGCQ

11. Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Гуменюк, И. С., Гуменюк, Л. Г., Давыденко, А. В., Кузнецова, Т. Ю., Кропинова, Е. Г., Левченков, А. В., Лялина, А. В., Михайлов, А. С., Михайлова, А. А., Пекер, И. Ю., Хвалей, Д. В., Фидря, Е. С. 2022, *Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации*, Калининград, 215 с. EDN: XZXPWR
12. Ковалев, С. А. 2003, *Избранные труды*, Смоленск, 438 с. EDN: QQBWHN
13. Куница, М. Н. 2011, Типология сельских населенных пунктов центральной России: демо-экологический аспект, *Региональные исследования*, №3 (33), с. 111—117. EDN: OHLLDN
14. Ворошилов, Н. В. 2018, Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий, *Проблемы развития территории*, №4 (96), с. 42—58, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.3>
15. Алексеев, А. И., Сафронов, С. Г. 2017, Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, №6, с. 55—61. EDN: ZXOJRX
16. Прусихин, О. Е., Крутов, О. Д., Воробьев, М. И., Локтионов, К. С., Веприцкий, А. А., Алексеев, А. И. 2023, Полимасштабная типология сельской местности в условиях постсоветских трансформаций (на примере Тамбовской области), *Крестьяноведение*, т. 8, №2, с. 64—103, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-2-64-103>
17. Skenderi, F. 2019, The typology of rural settlements, *Knowledge — International Journal*, p. 637—641.
18. Drobnyakovic, M. 2019, Methodology of typological classification in the study of rural settlements in Serbia. *Journal of the Geographical Institute Jovan Cvijic, SASA*, vol. 69, №2, p. 157—173, <https://doi.org/10.2298/IJGI1902157D>
19. Petrov, K., Borisov, P. 2024, Opportunities to improve the typology and regional development of rural settlements in Bulgaria, *Bulgarian Journal of Agricultural Economics and Management*, vol. 69, №1, p. 72—88, <https://doi.org/10.61308/WHYY2614>
20. Zou, Y., Yi, C., Rao, Y., Luo, F., Lv, C., Wu, P. 2023, Identify Optimization Type of Rural Settlements Based on “Production—Living—Ecological” Functions and Vitality: A Case Study of a Town in Northern China, *Land*, vol. 12, №10, p. 1905. <https://doi.org/10.3390/land12101905>
21. Putica Džajić, J. 2022, Typology of rural settlements in the West Herzegovina canton, *Geografski preglad*, №46, p. 41—56.
22. Пустовгаров, В. И., Жданов, В. П., Федоров, Г. М. 2001, *Экономика и расселение Калининградской области. Экономические предпосылки обоснования территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей*, Калининград, КГУ.
23. Гуменюк, И. С. 2024, Типология сельских населенных пунктов Калининградской области по степени обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, *Экономика сельского хозяйства России*, №6, с. 91—99, <https://doi.org/10.32651/246-91>
24. Ткаченко, А. А. 2023, Сельская местность: понятие и подходы к типологии, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, т. 78, №2 с. 3—9, <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.1>
25. Махрова, А. Г., Бабкин, Р. А. 2019, Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов, *Региональные исследования*, №2, с. 48—57. EDN: GIGLUP
26. Румянцев, И. Н., Смирнова, А. А., Ткаченко, А. А. 2019, Сельские населенные пункты «без населения» как географический статистический феномен, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, №1, с. 29—37. EDN: YZKNWT
27. Трейвиш, А. 2016, Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения, *Демографическое обозрение*, т. 3, №1, с. 52—70, <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1763>
28. Семенова, Е. И., Семенов, А. В. 2021, О формировании сельских агломераций, *Экономика сельского хозяйства России*, №1, с. 96—102, <https://doi.org/10.32651/211-96>
29. Гуменюк, И. С., Гуменюк, Л. Г. 2021, Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 13, №4, с. 147—160, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-9>

30. Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Новикова, А. А., Лыжина, Е. А., Калиновский, Л. В. 2022, Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 67, № 3, с. 409—430, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>

31. Гуменюк, И. С., Рихтер, А. Д. 2023, Об экономическом самочувствии и актуальных мерах поддержки малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 2, с. 46—59, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2023-2-4>

32. Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю. 2022, О динамике численности и размещения сельского населения Калининградской области в 1991—2021 гг., *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 67, № 4, с. 733—748, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.410>

Об авторах

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8477-5342>

Лидия Геннадьевна Гуменюк, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6186-350X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

COMPREHENSIVE TYPOLOGY OF RURAL SETTLEMENTS IN THE KALININGRAD REGION

I. S. Gumenyuk

L. G. Gumenyuk

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 20 July 2024

Accepted 09 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-5

© Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., 2024

The rural settlement system of the Kaliningrad region, comprising 1,075 localities, is characterised by compactness, high economic development and a predominance of small rural settlements. From 2010 to 2024, the region's rural population increased from 210 to 235 thousand people. Simultaneously, the number of large rural settlements is growing in the western part of the region, while a stable trend of demographic decline persists among small rural settle-

To cite this article: Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G. 2024, Comprehensive typology of rural settlements in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 100—120. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-5

ments in the eastern part. Using statistical data, along with quantitative data from previous studies, open sources and field research materials, the authors developed a comprehensive typology of Kaliningrad region's rural settlements. The typology classifies settlements according to demographic factors, spatial location, availability of social infrastructure, tourism and recreation facilities and agricultural enterprises of various types. The research methods encompassed tools for gathering, processing and analysing primary data, including statistical, cartographic and comparative-geographical techniques. As a result, 18 types of rural settlements were identified in the Kaliningrad region, each characterised by a unique trajectory of socio-economic and demographic development. These distinctions should be considered when designing and implementing spatial development programmes and projects at local or regional levels. The research results are presented in cartographic and tabular formats.

Keywords:

rural settlements, Kaliningrad region, typology, rural settlement system, agglomeration, periphery

References

1. Nefedova, T. G. 2018, Factors and trends of the structure of rural settlements in Russia, *Social and economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists*, № 7, p. 1—12. EDN: OTZFPV
2. Alexeev, A. I., Safronov, S. G. 2015, Changes in rural settlement patterns in Russia during the late 20th — early 21st centuries, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, № 2, p. 66—76 EDN: UCGNLR
3. Alekseev, A. I., Safronov, S. G., Savockul, M. S., Kuznetsova, G. Yu. 2019, The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the XX — early XXI centuries, *ECO*, № 4, p. 26—49. EDN: FYBUBX
4. Zubarevich, N. V. 2013, Transformation of rural settlement pattern and service network in rural areas, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 3, p. 26—38, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-3-26-38>
5. Fedorov, G. M. 2023, Spatial differentiation of rural territories in the Kaliningrad Region: implications for socio-economic policies, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 117—139, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-7>
6. Levchenkov, A. V., Davydenko, A. V. 2021, Rural areas as a peripheral zone: a verdict or potential, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 4, p. 5—15. EDN: VFWNDD
7. Gumenyuk, I. S., Yustratova, V. O 2021, Transformation of the settlement system in the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 31—41. EDN: JPDFQE
8. Khvalei, D. V. 2023, Small villages of the Kaliningrad region: current state and development prospects. In: *Borderland problems. New trajectories of international cooperation*. Proceedings of the VII international scientific and practical conference, p. 199—206. EDN: BUOWJS
9. Plotnikova, A. P. 2023, Settlement system of the Kaliningrad region: dasymetric analysis, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 4, p. 38—49. EDN: ROQXPF, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2023-4-3>
10. Fedorov, G. M., Anokhin, A. Yu., Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., Davydenko, A. V., Kuznetsova, T. Yu., Kropinova, E. G., Levchenkov, A. V., Mikhailova, A. A., Peker, I. Yu., Khvalei, D. V. 2023, *Increasing the value of rural areas in Russia: experience and ways of implementing social innovations in the Kaliningrad region*, Kaliningrad, 253 p. EDN: BVFGCQ
11. Fedorov, G. M., Voloshchenko, K. Yu., Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., Davydenko, A. V., Kuznetsova, T. Yu., Kropinova, E. G., Levchenkov, A. V., Lyalina, A. V., Mikhailov, A. S., Mikhailova, A. A., Peker, I. Yu., Khvalei, D. V., Fidrya, E. S. 2022, *Kaliningrad village at the beginning of the 21st century: production, resettlement, social innovations*, Kaliningrad. EDN: ZXXPWR
12. Kovalev, S. A. 2003, *Selected Works*, Smolensk. EDN: QQBWHH
13. Kunitsa, M. N. 2011, Typology of the rural settlements of central Russia: demo-ecological aspect, *Regional studies*, № 3 (33), p. 111—117. EDN: OHLLDN

14. Voroshilov, N. V. 2018, Classification, problems and prospects for rural territory development, *Problems of Territory's Development*, №4 (96), p. 42—58, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.3>
15. Alekseev, A. I., Safronov, S. G. 2017, Typology of rural settlements in the European part of Russia under recent demographic and socio-economic situation, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, №6, p. 55—61. EDN: ZXOJ PX
16. Prusikhin, O. E., Krutov, O. D., Vorobyov, M. I., Loktionov, K. S., Vepritsky, A. A., Alekseev, A. I. 2023, Multi-scale typology of rural areas in the context of post-Soviet transformations (on the example of the Tambov region), *Russian Peasant Studies*, vol. 8, №2, p. 64—103, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-2-64-103>
17. Skenderi, F. 2019, The typology of rural settlements, *Knowledge — International Journal*, p. 637—641.
18. Drobnyakovic, M. 2019, Methodology of typological classification in the study of rural settlements in Serbia. *Journal of the Geographical Institute Jovan Cvijic, SASA*, vol. 69, №2, p. 157—173, <https://doi.org/10.2298/IJGI1902157D>
19. Petrov, K., Borisov, P. 2024, Opportunities to improve the typology and regional development of rural settlements in Bulgaria, *Bulgarian Journal of Agricultural Economics and Management*, vol. 69, №1, p. 72—88, <https://doi.org/10.61308/WHYY2614>
20. Zou, Y., Yi, C., Rao, Y., Luo, F., Lv, C., Wu, P. 2023, Identify Optimization Type of Rural Settlements Based on “Production—Living—Ecological” Functions and Vitality: A Case Study of a Town in Northern China, *Land*, vol. 12, №10, p. 1905. <https://doi.org/10.3390/land12101905>
21. Putica Džajić, J. 2022, Typology of rural settlements in the West Herzegovina canton, *Geografski pregled*, №46, p. 41—56.
22. Pustovgarov, V. I., Zhdanov, V. P., Fedorov, G. M. 2001, Economy and settlement of the Kaliningrad region. Economic prerequisites for substantiating the territorial integrated scheme of urban planning for the development of the territory of the Kaliningrad region and its parts, Kaliningrad, KSU.
23. Gumenyuk, I. S. 2024, Typology of rural settlements in the Kaliningrad region according to the degree of provision with social infrastructure facilities, *Economics of Agriculture of Russia*, №6, p. 91—99, <https://doi.org/10.32651/246-91>
24. Tkachenko, A. A. 2023, Rural areas: a concept and approaches to typology, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, vol. 78, №2, p. 3—9, <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.1>
25. Makhrova, A. G., Babkin, R. A. 2019, Methodological approaches for Moscow urban agglomeration delimitation based on mobile network operators data, *Regional Studies*, №2, p. 48—57. EDN: GIGLUP
26. Rumjancev, I. N., Smirnova, A. A., Tkachenko, A. A. 2019, Rural settlements “without population” as a geographical and statistical phenomenon, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, №1, p. 29—37. EDN: YZ NKWT
27. Treivish, A. 2016, The rural-urban continuum: the destiny of the notion and its link to the spatial mobility of the population, *Demographic Review*, vol. 3, №1, p. 52—70, <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1763>
28. Semenova, E. I., Semenov, A. V. 2021, On the formation of rural agglomerations, *Economics of Agriculture of Russia*, №1, p. 96—102, <https://doi.org/10.32651/211-96>
29. Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G. 2021, Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: the case of rural areas in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, vol. 13, №4, p. 147—160, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
30. Voloshenko, K. Yu., Morachevskaya, K. A., Novikova, A. A., Lyzhina, E. A., Kalinovskiy, L. V. 2022, Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad Oblast in the face of external challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, №3, p. 409—430. EDN: DBBVYK, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
31. Gumenyuk, I. S., Richter, A. D. 2023, On economic well-being and current measures to support small businesses in agriculture in the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, №2, p. 46—59. EDN: JYXQYY, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2023-2-4>

32. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Yu. 2022, Rural population change and settlement patterns in the Kaliningrad region in 1991—2021, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, № 4, p. 733—748. EDN: EGKJEC, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.410>

The authors

Dr. Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8477-5342>

Dr. Lidia G. Gumenyuk, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

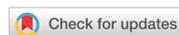
E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6186-350X>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

АДАПТАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРИФЕРИЙНОГО РЕГИОНА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГРОХОЛДИНГОВ

К. А. Морачевская^{1, 2}

Е. А. Лыжина¹

А. Б. Себенцов¹

М. С. Карпенко¹

¹ Институт географии Российской академии наук,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4

² Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Принята к публикации 07.11.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

© Морачевская К. А., Лыжина Е. А.,
Себенцов А. Б., Карпенко М. С., 2024

Агрохолдинги нередко называют главными бенефициарами, с одной стороны, организационно-структурных изменений в сельском хозяйстве России в постсоветский период, а с другой — преобразований государственной политики в ответ на современные геополитические вызовы. В статье оценивается адаптация территориальной и отраслевой структуры сельского хозяйства периферийного в социально-экономическом отношении региона к распространению деятельности агрохолдингов. Работа основана на официальных статистических сведениях, базе данных компаний СПАРК, ресурсах Федеральной государственной информационной системы ВетИС, Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения, а также на многолетних полевых исследованиях авторов. Исследование показало, что деятельность агрохолдингов способна полностью преобразовать сельскохозяйственный профиль депопулирующего нечерноземного региона в отношении специализации и организационной структуры отрасли и привести к ее восстановительному росту. На примере Псковской области показано, как распространение активов агрохолдинга стремительно охватывает периферийные районы с легким доступом к свободной земле и наиболее низкой плотностью сельского населения. Проведенные интервью доказали, что животноводческие (прежде всего свиноводческие) агрохолдинги выступают бенефициарами социального опустынивания сельской местности. Экспансия агрохолдингов сопровождается еще большим ослаблением экономики сельских сообществ из-за полного исчезновения скота и птицы в крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйствах граждан. Новая свиноводческая специализация Псковской области ожидается и приводит к другим изменениям в сельском хозяйстве — наращиванию зернового хозяйства, где наблюдается рост объемов производства, но в территориальном отношении нет ярко выраженных центров.

Ключевые слова:

сельское хозяйство, адаптация, Псковская область, продовольственное эмбарго, санкции, пространственное сжатие

Для цитирования: Морачевская К. А., Лыжина Е. А., Себенцов А. Б., Карпенко М. С. Адаптация территориальной организации сельского хозяйства периферийного региона к деятельности агрохолдингов // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 121–144. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

Введение и постановка проблемы

Государственная политика в сфере развития агропромышленного комплекса в странах мира нередко выражается в применении стимулирующих мер общего характера. В территориальном отношении они, как правило, эффективны для территорий с благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства или близко расположенных к крупным городским агломерациям. В организационном же отношении стимулирующие меры вносят наибольший положительный вклад в развитие крупных игроков продовольственного рынка. Ареалы распространения последних, в свою очередь, выходят за границы наиболее привлекательных для агропромышленного комплекса регионов, часто становятся фактором существенных преобразований периферийных территорий [1].

Оживление сельскохозяйственного производства в России в 2000-е гг. сопровождалось постепенным его сдвигом на юг, в то время как во многих районах Нечерноземья спад не останавливался и сопровождался масштабными демографическими потерями [2]. Во многом это было связано с агрохолдингами, которые, по мнению С. Ю. Барсуковой [3], стали «неожиданным результатом» российской аграрной реформы 1990-х гг. Они же выступили главными бенефициарами изменений, происходящих на внешнем и внутреннем треках развития страны. Скачкообразная девальвация рубля, наблюдавшаяся после кризиса 1998 г. и повторявшаяся в последующие годы (2008, 2014—2016, 2022—2024) сделала выгодными инвестиции в производства, ориентированные как на экспорт, так и на внутренний рынок (для замещения дорожающего импорта). Тесные контакты агрохолдингов с региональными и даже федеральными властями позволили им аккумулировать значительную часть государственной поддержки сельхозпроизводства.

Вступление в 2012 г. России в ВТО по ряду оценок предполагало масштабное сокращение государственной поддержки сельскохозяйственного производства. Это было связано со снижением тарифов и тарифных квот, уменьшением возможностей по манипулированию фитосанитарными ограничениями, сокращением прямой финансовой поддержки производителей и экспортеров и др.¹. Ожидалось, что с наибольшими сложностями должно было столкнуться животноводство, поэтому именно его отрасли стали приоритетным направлением поддержки со стороны государства [4].

Геополитический кризис 2014 г., западные санкции и российский ответ на них создали условия для обхода норм и правил ВТО. Был ограничен ввоз сельскохозяйственной продукции из стран ЕС и ряда других стран, а также возросли объемы финансовой и организационной поддержки собственного сельского хозяйства. Агрохолдинги внесли значимый вклад в быстрое импортозамещение и наращивание экспортного потенциала, однако их деятельность создавала риски для фермеров и личных подсобных хозяйств граждан, а по некоторым оценкам, и в целом для сельских сообществ [2].

В дополнение к данному контексту стоит отметить, что задачи развития различных отраслей экономики приграничных регионов всегда рассматривались в контексте функций приграничья. Оно не только форпост, но и зона контакта и транзита, место формирования экспортных потоков и «витрина», демонстрирующая успешность государства [5]. Однако в таких приграничных регионах, как Псковская область, многие негативные тенденции в сельском хозяйстве и динамике сельского населения проявлялись еще сильнее, чем в других регионах Нечерноземья. Ска-

¹ Нормы и правила ВТО в области сельского хозяйства и развитие российского АПК, Центр по изучению вопросов таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, ФАО, 2013, 24 с.

звалась периферийность, высокая конкуренция с соседями, сельское хозяйство которых активно дотировалось национальными, а в случае Прибалтийских стран и наднациональными властями, стремительная депопуляция в сельской местности.

Со второй половины 2000-х гг. и особенно после 2014 г. агрохолдинги во многих приграничных регионах стали играть все более значимую роль. Они способствовали появлению новых отраслей специализации, развитию новых межрегиональных связей, появлению новых, в том числе экспортоориентированных предприятий пищевой промышленности. Предыдущие исследования в других регионах приграничья показали, насколько разнообразным было их влияние на устойчивость местных сообществ, решение задач продовольственной безопасности [6] и трансграничные практики местного населения [7].

Цель данной работы состоит в том, чтобы оценить, во-первых, как менялось сельскохозяйственное производство Псковской области в условиях санкций и рестрикций, а во-вторых, как распространение агрохолдингов (территориальное расширение активов) в последнее десятилетие связано с трендами в динамике структуры сельского хозяйства региона.

Обзор опыта предшествующих исследований

Агрохолдинги представляют собой совокупность сельскохозяйственных организаций, контрольные пакеты акций которых принадлежат холдинговой (управляющей) компании [8]. При этом управляющая компания контролирует несколько сельскохозяйственных, перерабатывающих и иных предприятий, каждое из которых является отдельным юридическим лицом с различной правовой формой. Агрохолдинги — специфические образования, распространенные лишь в ограниченном числе регионов мира. Такая форма организации агробизнеса наиболее широко представлена в странах Восточной Европы, Латинской Америки (Бразилия, Аргентина), Австралии, Китае, а также на территории постсоветского пространства (особенно велика их значимость в России, Украине и Казахстане) [9; 10].

В научной литературе существует несколько подходов к трактовке понятия «агрохолдинг». Стоит отметить, что в юридическом поле понятий «агрохолдинг» или схожих с ним не закреплено.

Многие ученые-экономисты рассматривают «агрохолдинг» как определенную форму организации бизнеса [11; 12]. Такой бизнес строится по холдинговому типу, представляя собой совокупность управляющей организации и дочерних компаний. Также одной из основных черт является концентрация прав на землю. Исследователи не достигли консенсуса в отношении минимальных размеров агрохолдингов. Некоторые ученые руководствуются относительными параметрами [13], часть авторов выдвигает конкретные критерии. Так, в работе Ф. Херманса и соавторов типичные размеры агрохолдингов — 500 тыс. га [9]. П. Грулье утверждает, что чаще всего размер агрохолдинга превышает 27 тыс. га [14]. Н. И. Шагайда и В. Я. Узун определяют размер агрохолдинга исходя не из площади подконтрольных земель, а основываясь на показателях выручки предприятий [15—17]. Руководствуясь нормативно-правовыми актами в отношении малого и среднего бизнеса, авторы выдвигают нижнюю границу совокупной выручки агрохолдинга — 2 млрд руб. Ученые-экономисты не всегда говорят об агрохолдингах как о вертикально интегрированных образованиях. Часть авторов единственным критерием при выделении агрохолдинговых компаний обозначает наличие активов в сельском хозяйстве [16; 18]. В зарубежной литературе агрохолдингами считаются компании как горизонтально, так и вертикально интегрированные [9; 13; 19]. Также стоит отметить, что практически все авторы указывают на невозможность контрактных отношений при такой форме организации.

Некоторые ученые-географы придерживаются понятия, приводимого экономистами, и рассматривают агрохолдинги как форму организации бизнеса [20—22], но такой подход достаточно редок. Чаще первостепенно важными оказываются вертикальная интеграция и охват нескольких сфер экономики — сельского хозяйства, переработки и торговли [23—25].

В целом можно выделить два подхода к определению агрохолдинга. Первый — экономический, при котором агрохолдинг представляет собой «зонтичную систему», где выделяется компания-интегратор и дочерние организации. При таком подходе важными являются структура и размер предприятия (при определении ориентируются на совокупную выручку групп компаний, принадлежащую компании площадь), а не профиль деятельности компании (агрохолдинг может как заниматься только сельскохозяйственной деятельностью, так и интегрировать всю цепочку производства продукции). Второй подход — экономико-географический. Агрохолдинги выделяются непосредственно по составу активов (компания должна охватывать всю цепочку производства: от поля до прилавка).

Учитывая важность оказываемого такими видами компаний влияния на территориальную организацию производства сельскохозяйственной продукции, под агрохолдингом в данной статье мы будем понимать не только организации холдингового типа, имеющие активы в сельском хозяйстве, но и все крупные, корпоративные, вертикально интегрированные структуры, имеющие полную цепочку производства пищевой продукции.

Развитие агрохолдингов и усиление их роли в производстве сельскохозяйственной продукции приводят к значимой трансформации территориальной организации сельскохозяйственного производства. Исследования по выявлению основных территориальных сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции лишь частично рассматривают роль агрохолдингов в этих трансформациях. В основном они представляются в виде рассмотрения отдельных кейсов наиболее крупных компаний на страновом или региональном уровнях. Как правило, сельскохозяйственные активы агрохолдингов, вне зависимости от типа компании-интегратора, располагаются рядом с крупными рынками сбыта, территориями, обеспеченными трудовыми и природными ресурсами [24; 26; 27]. Помимо этого достаточно часто сельское хозяйство агрохолдингов развивается на месте наиболее жизнеспособных хозяйств на юге страны [28]. На региональном уровне значимым условием для распространения агрохолдингов стала развитая инфраструктура [27]. Вследствие того что лишь для небольшого числа территорий характерны перечисленные условия, концентрация сельскохозяйственной деятельности агрохолдингов происходит в ограниченном числе регионов. Особо значимы процессы для производства высокомаржинальной продукции (свинины, птицы, продуктов растениеводства) [29]. Также агрохолдинги «разрывают» процесс производства: производство животноводческой продукции концентрируется вблизи крупных рынков сбыта, а заготовка кормов осуществляется в районах с наиболее благоприятными агроклиматическими условиями [26; 27].

Отмечается, что деятельность агрохолдингов на региональном уровне кардинальным образом не изменяет, но значимо трансформирует территориальную организацию сельскохозяйственного производства, ускоряя процессы поляризации [27]. Помимо этого значимо влияние агрохолдингов на организационную структуру производства и отраслевую специализацию. Так, с приходом агрохолдингов в регион все большая часть производства сельскохозяйственной продукции концентрируется в сельскохозяйственных организациях [23]. При этом происходит «схлопывание» малых форм хозяйствования [30], а оставшиеся часто расширяют профиль своей деятельности, стараясь охватить как можно больше отраслей [27]. Деятельность крупных агрохолдингов приводит к вытеснению традиционных отраслей специализаций как отдельных районов, так и регионов в целом [30].

Изучение агрохолдингов за рубежом сконцентрировано преимущественно на рассмотрении эффективности производства сельскохозяйственной продукции в таких формированиях [31; 32]. Отдельный пласт работ затрагивает агрохолдинги в контексте конфликтов землепользования и обеспечения продовольственной безопасности [33].

Вопрос связи политики санкций, тенденций в агропроизводстве и экспансии агрохолдингов изучен недостаточно хорошо: сказывается относительная закрытость крупных игроков агрорынка. Однако некоторые исследования свидетельствуют о том, что после 2014 г. поддержка агрохолдингов стала фактическим приоритетом властей, а их зависимость от этой поддержки чрезвычайно высока [13]. В некоторых работах агрохолдинги характеризуют прежде всего как бенефициаров санкционной политики, которые смогли занять освободившиеся ниши, значительно расширить производство и даже наладить экспорт своей продукции в другие страны [3]. Другие исследования, особенно вышедшие после 2022 г., фокусируют внимание на потенциальных проблемах агрохолдингов и всего отечественного АПК в целом — зависимость от поставок западной техники, селекции и генетики, средств защиты растений и др. Подчеркивается, что именно агрохолдинги особенно зависимы от международной кооперации, поэтому регионы их присутствия будут особенно чувствительны к санкционному воздействию. С другой стороны, отмечается большой адаптивный потенциал этой формы хозяйствования, подпитываемый льготными кредитами и различными программами государственной поддержки [34].

Изучению изменений в территориальной организации производства сельскохозяйственной продукции конкретно в Псковской области посвящено незначительное число исследований. С. П. Клейменов изучил историю постсоветской трансформации АПК региона и выявил, что из-за сокращения доходов населения в 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг. и, как следствие, потребления продуктов из молока и мяса пищевые производства переориентировались на более крупные рынки Москвы и Санкт-Петербурга. В этот же период произошел переход на импортное сырье (сухое молоко и замороженное мясо). В 2010-х гг. рост доходов населения, увеличение спроса на молочные и мясные продукты у жителей Псковской области, а также сокращение внутреннего собственного производства сырого молока и мяса привели к необходимости формирования собственной сырьевой базы крупными комбинатами — Великолукским молочным комбинатом, Великолукским мясным комбинатом и Псковским мясным комбинатом [35].

Нередко деятельность агрохолдингов для периферийных районов связана с достижением их продовольственной самообеспеченности [36]. Однако более часто в качестве инструмента развития периферии рассматривается поддержка локального фермерства, особенно в европейских странах [37; 38]. Так или иначе, исследование периферийных территорий как арены деятельности разных игроков агропродовольственного бизнеса представляет особый интерес.

Материалы и методы исследования

Работа опирается на анализ официальных данных Федеральной службы государственной статистики и ее территориального подразделения по Псковской области, сведения Северо-Западного таможенного управления, а также отчеты компании «Агроэкспорт» по экспорту сельскохозяйственной продукции. Кроме того, поскольку в России не ведется статистический учет по агрохолдинговым формированиям, нами была разработана собственная схема сбора данных о территориальном размещении активов агрохолдингов, апробированная на материалах Псковской области. На первом этапе формировался перечень агрохолдингов на основании базы данных компаний СПАРК. Далее по каждой компании с помощью данных ФГИС ВетИС

определялся перечень сельскохозяйственных активов, устанавливались их месторасположение и профиль деятельности. После этого на основании данных с других ресурсов (Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения, Google Earth и пр.) собиралась информация о датах постройки сельскохозяйственных активов, необходимая для анализа территориальной экспансии холдинга.

Интерпретации данных помогли многолетние экспедиционные исследования авторов на территории Псковской области, в частности экспертные интервью с представителями органов власти, производителями сельскохозяйственной продукции и ее переработчиками, проведенные в 2016—2017, 2021 и 2024 гг. в Пскове, Великих Луках, Порхове, Печорах, Невеле, Себеже, Гдове, Пушкинских Горах и окружающих их районах.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика развития сельского хозяйства

Кризис сельскохозяйственного производства, наблюдавшийся в Псковской области после 1991 г., был глубоким даже на фоне других регионов Нечерноземья. В конце советского времени регион специализировался на молочно-мясном животноводстве и льноводстве. Зернобобовые культуры, картофель, кормовые культуры (люцерна, клевер и др.) предшествовали льну в севооборотах для насыщения почвы азотом и одновременно были ценным лактогенным кормом для молочного стада. В 1990-е гг. молочное скотоводство и льноводство оказались в трудном финансовом положении, не выдержали конкуренции с аналогичными отраслями в соседней Беларуси, где сельскохозяйственные предприятия, пищевая и легкая промышленность активно дотировались государством. Уже в 1995 г. объемы производства продукции сельского хозяйства сократились почти в два раза к уровню 1991 г. В 2000 г. объем сельскохозяйственного производства не превышал 42 % от уровня 1991 г. Спад замедлился, но не прекратился.

Первые признаки стабилизации ситуации в отрасли появились в 2007—2009 гг., но общее снижение объемов сельхозпроизводства все еще наблюдалось (рис. 1). Период 2010-х гг. ознаменовался, наконец, сменой тренда на восходящий. Отметим, что общий объем сельскохозяйственного производства в 2022 г. практически удвоился по сравнению с 2014 г., однако все еще составлял 65 % от уровня 1991 г.

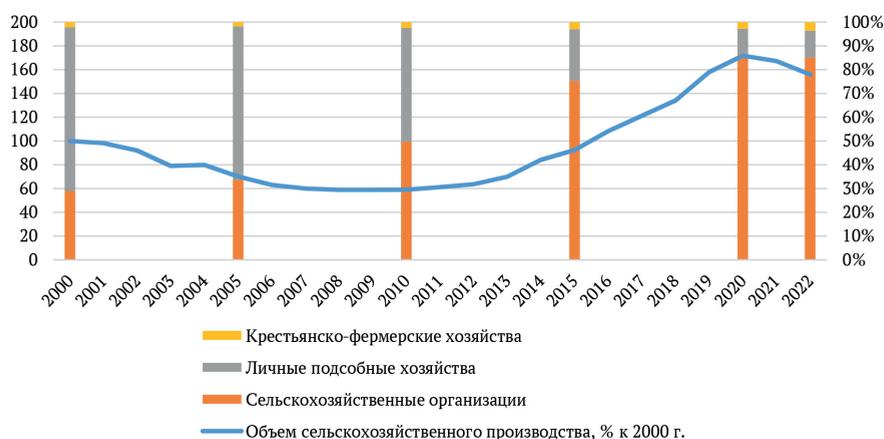

Рис. 1. Динамика общего объема и организационной структуры производства продукции сельского хозяйства в Псковской области с 2000 по 2022 г., %

Изменения были связаны с коренной перестройкой организационной структуры отрасли. В 1995 г. сельскохозяйственные организации снизили производство на 65 %, хозяйства населения — на 35 %. Только зарождающиеся крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ) увеличили производство в три раза — источником их роста была деградирующая колхозная система. В 2000-е гг. личные подсобные хозяйства (ЛПХ) граждан производили 69 % продукции, в то время как на сельскохозяйственные организации приходилось не более 30 %.

Неблагоприятная демографическая ситуация в регионе способствовала значительной деградации сельского расселения, что привело к быстрому сокращению производства в ЛПХ — на 8–10 % ежегодно. В 2010 г. на долю КФХ приходилось около 3 % продукции, а остальное примерно поровну производили сельскохозяйственные организации и ЛПХ.

После 2010 г. рост производства практически полностью обеспечивался сельскохозяйственными организациями: в 2010–2013 гг. его средние темпы составляли около 4,5 %, в то время как в 2014–2020 гг. — чуть менее 14 %. Уже в 2016 г. сельскохозяйственные организации превзошли объемы производства 1991 г., а в 2020 г. удвоили свои показатели. За постсоветский период КФХ нарастили объемы производства в 6,7 раза, сельскохозяйственные организации — в 1,9 раза, хозяйства населения снизили производство более чем в 10 раз. В результате в 2022 г. 85 % продукции производили сельскохозяйственные организации, 11,3 % — ЛПХ и только 3,6 % приходилось на КФХ.

Масштабные изменения структуры производства по категориям хозяйств сопровождалось и значимыми сдвигами в соотношении и объемах производства в ведущих отраслях сельского хозяйства.

В 2000-е гг. главным драйвером роста стало свиноводство — с 2000 г. поголовье свиней выросло в 14,7 раза, при этом основной рост пришелся на период после 2011 г. (рис. 2). С 2000 г. производство скота и птицы на убой выросло в 8,7 раза, а темпы роста заметно увеличились после 2014 г.

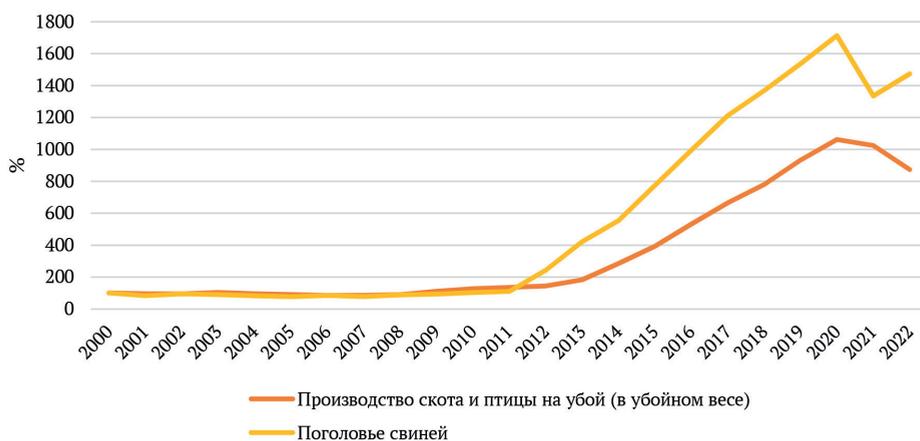

Рис. 2. Динамика поголовья свиней и производства скота и птицы на убой, % к 2000 г.

Поголовье крупного рогатого скота (КРС), наоборот, стремительно сокращалось (рис. 3). С 2000 г. число голов КРС упало более чем в 3 раза, в том числе на 27 % к уровню 2014 г. Аналогичные процессы происходили и с молочным стадом. Однако влияние бизнеса соседних Санкт-Петербурга и Ленинградской области в структуре АПК в сочетании с благоприятной конъюнктурой в молочной отрасли в связи с

продовольственным эмбарго 2014 г. выразилось в открытии новых молочных ферм. Они, в свою очередь, обеспечили заметный рост эффективности на фоне кратного с 2000 г. роста надоев (в 4,4 раза). Общее производство молока на 8 % превысило уровень 2014 г. (65 % от уровня 2000 г.).

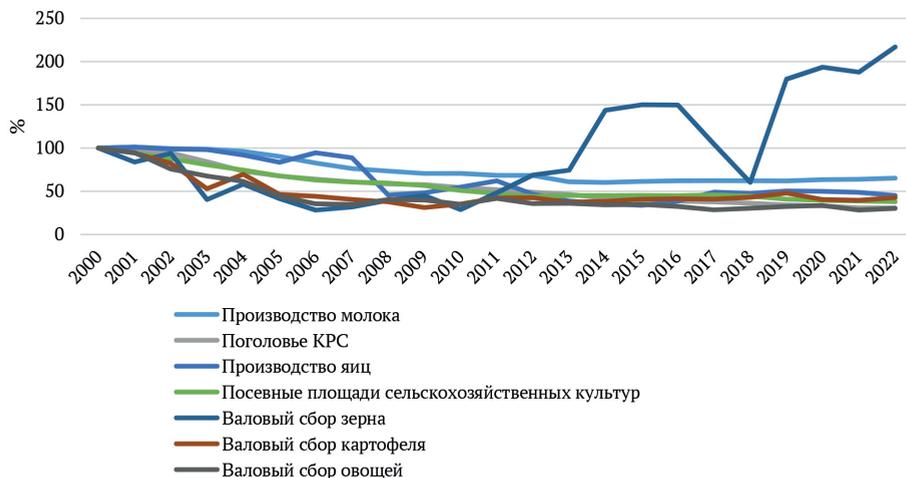

Рис. 3. Динамика основных показателей сельскохозяйственного производства, % к 2000 г.

Производство яиц в регионе сокращалось. Период незначительного роста после 2017 г. был связан прежде всего с производством инкубационного яйца в племрепродукторе «Назия» (рис. 3).

Непростая ситуация наблюдалась в растениеводстве: размер посевных площадей с 1990 г. сократился в 4,3 раза, в том числе в период с 2014 г. на 16 %. При этом их структура мало изменилась с начала 1990-х гг. Как и прежде, ведущую роль в посевах играют кормовые (65 % в 2020 г.) и зерновые культуры (23 %, в основном пшеница). Около 10 % площадей занято картофелем. Технические культуры, как и раньше, занимают 7 %, однако вместо льна теперь выращивают рапс.

Заметные позитивные изменения происходили после 2010 г. в зерновом хозяйстве. Принципиально выросли объемы производства. Одновременно значительно повысилась урожайность (в 2,6 раза с 2010 г. и в 3,7 раза с 2000 г.).

В одной из исторически значимых отраслей в регионе — картофелеводстве, где доля личных подсобных хозяйств была всегда высока (93 % в 2000 г.), объемы производства в 2000—2022 гг. снизились в 2,3 раза, но после 2014 г. наблюдались и периоды роста. В 2022 г. доля хозяйств населения едва превышала 50 %. Урожайность культуры увеличилась в 1,4 раза с 2014 г. (в 1,9 раза с 2000 г.).

Валовой сбор овощей практически не изменился, однако если в 2000 г. доля населения в их производстве составляла свыше 90 %, то в 2022 г. — 56 %. При этом доля сельхозорганизаций выросла с 9 до 30 %, что никак не повлияло на урожайность.

Изменения в секторе АПК заметно сказались на структуре внешней торговли региона. Псковская область исторически обладала достаточно низким экспортным потенциалом, а за период с 2005 по 2021 г. ее доля в общем объеме российского экспорта снизилась с 0,16 до 0,05 %. Однако с 2010 г. внутри региона произошли заметные изменения как в объемах, так и в структуре экспорта. Анализ экспортных поставок из Псковской области показал стоимостной рост продовольствен-

ных групп товаров и сельхозсырья, древесины и изделий из нее с 2010 по 2021 г. Особенно стремительно увеличивался экспорт продовольствия (в 6,8 раз). Соотношение ключевых экспортных товаров в 2010 и 2021 гг. существенным образом изменилось. Доля деревообработки в экспорте региона с 2010 г. выросла в 1,5 раза (с 18,3 % в 2010 г. до 27,3 % в 2021 г.), продовольствия и сельхозсырья — в 1,6 раза (с 12,9 % в 2010 г. до 21,2 % в 2021 г.), машин и оборудования — сократилась в 4,2 раза (с 51,3 % в 2010 г. до 12,2 % в 2021 г.). Таким образом, экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья из Псковской области показал наилучшую динамику по сравнению с другими группами товаров, отправляемых на экспорт.

В 2010—2014 гг. в структуре экспорта заметную долю занимало молочное направление. С 2012 по 2018 г. существенная доля продукции в экспорте Псковской области приходилась на рыбную продукцию (филе свежей рыбы и рыбная консервация) — в среднем за этот период около 50 %. С 2016 г. доля мясного направления (свинина свежая, охлажденная, замороженная, колбасы) в экспорте ежегодно растет, а с 2019 года она становится преобладающей (43 %, или 18,7 млн долл.). Рыбная продукция теряет позиции в структуре экспорта не только в относительных, но в абсолютных значениях. По данным на 2021 г., доля мясного направления (производство охлажденной, замороженной и свежей свинины) достигает 55 % (31 млн долл.) в общей структуре экспорта Псковской области.

Такие изменения стали причиной переориентации в зарубежных поставках сельхозпродукции с ближних связей на дальние. Так, если в 2010—2013 г. доля стран Европы (прежде всего Прибалтийских стран) превышала в продовольственном экспорте 80 %, то в 2019—2022 гг. в среднем она была меньше 20 %. В последние годы ключевыми странами для зарубежного экспорта продовольственной продукции стали Вьетнам, Китай и Казахстан.

Изменение структуры экспорта также наглядно демонстрирует смену сельскохозяйственного профиля региона. Производство экспортного продовольствия (продукты переработки свинины) базируется на местном сырье и усиленном росте этой сырьевой базы (поголовья свиней).

Таким образом, масштабная депопуляция, изменение внешней и внутренней конъюнктуры рынка, трансформация объемов и принципов государственной поддержки АПК, факторы спроса, в том числе со стороны Санкт-Петербурга, стали ключевыми факторами преобразования сельскохозяйственного профиля Псковской области с 2010-х гг.: к настоящему времени это регион с ярко выраженной свиноводческой специализацией с сопутствующим умеренным ростом валового сбора зерновых культур.

Ареалы распространения агрохолдингов в Псковской области

Кардинальная перестройка организационной структуры сельскохозяйственного производства в 2000—2010-е гг. в пользу доминирования сельскохозяйственных организаций была связана прежде всего с деятельностью агрохолдингов. Опрошенные нами эксперты отмечали, что успех агрохолдингов во многом связан с тем, что эти организации с учетом их масштаба лучше ориентируются в видах и способах получения государственной поддержки и, исходя из этого, грамотно выстраивают собственные планы развития (например, поддержка производства мяса свинины, говядины, птицы менялась в 2010—2020-е гг. с учетом ситуаций с обеспеченностью этими видами мяса).

По данным на 2024 г., на территории Псковской области ведут деятельность девять агрохолдингов (табл. 1). Они представляют собой преимущественно вертикально интегрированные структуры. Лишь два холдинга придерживаются принци-

па горизонтальной интеграции активов: это группа компаний «Нортагра» (растениеводство) и группа компаний «Идаванг Агро» (свиноводство). Среди агрохолдингов представлены как региональные, активы которых сосредоточены только в Псковской области (группа компаний «Великолукский мясокомбинат», группа компаний «Кабош», группа компаний «ПсковАгроИнвест»), так и межрегиональные, некоторые из которых охватывают своей деятельностью различные регионы Европейской части России.

Таблица 1

**Перечень агрохолдингов, ведущих деятельность
на территории Псковской области**

Агрохолдинг	Место расположение активов
Великолукский мясокомбинат	Псковская область
Назия	Ленинградская, Псковская области
Кабош	Псковская область
ПсковАгроИнвест	Псковская область
Идаванг	Псковская, Ленинградская области
А-1 первая генетическая компания	Вологодская область, Краснодарский край, Рязанская, Псковская области
Терра Нова	Санкт-Петербург, Ленинградская, Самарская, Псковская области
Нортагра	Калининградская, Псковская области
Лактика	Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская области

Специализации агрохолдингов разнятся. Большая часть работает в молочной отрасли, три холдинговых структуры занимаются свиноводством, по одному работают в сфере птицеводства и растениеводства. Большинство агрохолдингов имеют собственные земельные активы, преимущественно для выращивания кормовых культур.

Ареалами распространения агрохолдингов являются 18 из 24 районов Псковской области (табл. 2). Наибольший территориальный охват имеют два региональных агрохолдинга: Великолукский мясокомбинат (представлен в восьми муниципальных образованиях Псковской области) и группа компаний «Кабош» (охватывает шесть муниципальных образований). Их сельскохозяйственные активы располагаются достаточно компактно: на юге области (вблизи г. Великие Луки), на западе (Великолукский мясокомбинат) и на востоке (Кабош).

Таблица 2

Расположение и тип актива агрохолдингов на территории Псковской области

Район	Группа компаний	Тип актива
Бежаницкий район	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы, элеватор
Великолукский район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Гдовский район	А-1 Первая генетическая компания	Земельные участки, молочно-товарная ферма
Дедовичский район	Терра Нова	Земельные участки, молочно-товарная ферма

Окончание табл. 2

Район	Группа компаний	Тип актива
Красногородский район	Великолукский мясокомбинат	Земельные участки, свинокомплексы
Куньинский район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Локнянский район	Кабош	Земельные участки
Невельский район	Великолукский мясокомбинат	Земельные участки, свинокомплексы, комбикормовый завод
Новосокольнический район	Великолукский мясокомбинат	Земельные участки
	Кабош	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Опочецкий район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
	Идаванг	Земельные участки
Островский район	Идаванг	Земельные участки, свинокомплексы
	Нортагра	Земельные участки
	Лактика	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Палкинский район	Идаванг	Земельные участки, свинокомплексы
	ПсковАгроИнвест	Молочный завод
	Терра Нова	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Порховский район	Лактика	Земельные участки, молочно-товарные фермы
	ПсковАгроИнвест	Свинокомплексы, мясокомбинат, элеватор
Псковский район	Идаванг	Земельные участки
	Назия	Земельные участки, птицефабрика
	ПсковАгроИнвест	Земельные участки, молочно-товарные фермы, свинокомплексы, мясокомбинат
Пыталовский район	ПсковАгроИнвест	Земельные участки, молочно-товарные фермы
Усвятский район	Великолукский мясокомбинат	Свинокомплексы
г. Великие Луки	Великолукский мясокомбинат	Мясокомбинат
	Кабош	Земельные участки, молококомбинат
г. Псков	Назия	Земельные участки
	ПсковАгроИнвест	Элеватор

Активы группы компаний «ПсковАгроИнвест» расположены в четырех муниципальных образованиях, причем сельскохозяйственные активы охватывают всего три района вблизи Пскова (Псковский, Порховский, Пыталовский районы).

И агрохолдинги, предприятия которых расположены в Северо-Западном федеральном округе, и федеральные агрохолдинги стараются концентрировать свои активы в пределах одного муниципального образования Псковской области.

Таким образом, пространственная организация деятельности агрохолдингов отличается высокой концентрацией. Все «пришлые» агрохолдинги, за исключением

Идаванг, как правило, располагают свои активы в пределах одного муниципального образования. Особенности их размещения таковы, что в своей деятельности агрохолдинги практически не пересекаются в пространстве.

Самым крупным агрохолдингом Псковской области как по объему выручки, так и по количеству активов является Великолукский мясокомбинат (табл. 3). Объем его выручки в 13 раз превосходит ближайшего конкурента.

Таблица 3

Объем выручки агрохолдингов в 2023 г.

Агрохолдинг	Общая выручка, тыс. руб.	Выручка компаний, имеющих активы в Псковской области, тыс. руб.
Великолукский мясокомбинат	89 647 847	89 647 847
Кабош	6 802 318	6 802 318
Назия	3 550 639	3 550 639
ПсковАгроИнвест	2 376 059	2 376 059
Идаванг	4 717 384	1 443 709
Терра Нова	2 469 384	549 057
А-1 Первая генетическая компания	1 791 227	412 366
Лактика	6 525 972	121 500
Нортагра	387 380	32 695

Анализ открытых данных Минсельхоза России о предоставлении субсидий земщикам, претендующим на получение льготных кредитов за ряд лет показывает, что субсидии по данной мере поддержки в Псковской области на 30 % и более распределяются также между юридическими лицами, входящими в Великолукский мясокомбинат. Далее мы обратимся к более подробному анализу размещения активов данного холдинга и его влияния на территориально-отраслевую структуру сельскохозяйственного производства.

Влияние размещения активов группы компаний «Великолукский мясокомбинат» на территориально-отраслевую организацию сельскохозяйственного производства

Группа компаний «Великолукский мясокомбинат» была основана в 2000-х гг., но основное развитие произошло в 2010-е гг. Деятельность группы компаний сосредоточена на свиноводстве, но помимо этого профиль работы охватывает выращивание зерновых культур, производство комбикормов. В состав холдинга также входят собственная торговая сеть и транспортно-логистический комплекс. Организационная структура представлена двумя основными компаниями: ОАО «Великолукский мясокомбинат» и взаимосвязанными предприятиями ООО «ВСГЦ» и ООО «Великолукский свиноводческий комплекс», которые занимаются сельскохозяйственной деятельностью и производством комбикормов.

Активы компании включают 56 свинокомплексов в шести районах Псковской области (в Великолукском, Красногородском, Куньинском, Невельском, Опочецком и Усвятском). Строительство агрохолдингов началось в 2012 г. в Невельском районе, затем в середине 2010-х гг. переместилось в Усвятский и Великолукский районы, продвигаясь постепенно в юго-восточном направлении. В 2019 г. агрохолдинг пришел на запад области, разместив свои активы в Красногородском и Опочецком районах. При этом агрохолдинг продолжает развивать деятельность и на юге области (рис. 4).

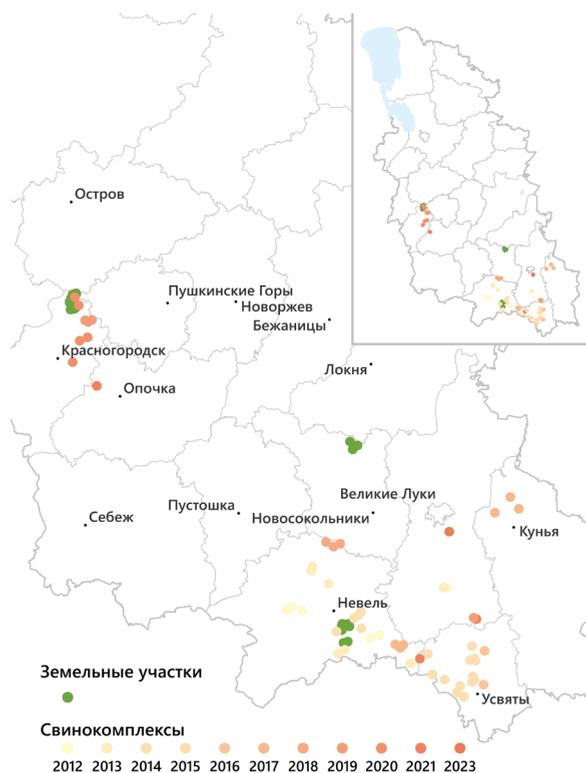

Рис. 4. Динамика распространения активов группы компаний «Великолукский мясокомбинат»

Кроме того, в составе холдинга находится 31 земельный участок, предназначенный для выращивания зерновых культур общей площадью более 3,5 тыс. га. Это позволяет предположить, что компания помимо собственного производства кормов закупает либо готовые корма у других производителей, либо зерно для производства собственных комбикормов. Посевные площади компании компактно расположены в трех районах Псковской области в небольшом удалении от свинокомплексов: в Красногородском (вблизи д. Дятлово и Котяги), Новоскольническом (вблизи д. Горожане) и Невельском районах (вблизи д. Дубище и Тычкино). Общая посевная площадь в каждом районе приблизительно равна и составляет более 1 тыс. га.

Проводимые нами экспертные интервью неоднократно подтверждали, что одной из ключевых проблем сельского хозяйства в периферийных районах является отсутствие кадров, а в имеющихся небольших сельскохозяйственных организациях — низкая, неконкурентоспособная заработная плата (в сравнении с торговлей, например). «Вымирание традиционного хозяйства» — так ряд экспертов характеризует ситуацию в сельском хозяйстве в районах, куда стремятся агрохолдинги. Работа на фермах, входящих в состав холдинга, чаще всего обеспечивает достойный уровень заработной платы.

Определенную роль играет транспортное положение относительно центров расселения, так как агрохолдинги чаще всего используют подвоз кадров для работы из недалеко расположенных городских центров. Причиной этому является стремительная депопуляция сельской местности и зачастую полное отсутствие кадров, которые могут и стремятся работать. Сопоставление карты размещения активов

группы компаний «Великолукский мясокомбинат» с транспортным каркасом территории также позволяет предположить, что компания ориентируется на удобную логистику. Так, в Невельском районе значительную часть работников свинокмплексов ежедневно привозят в том числе из-за пределов района, например из Великих Лук. По данным опрошенных экспертов, квалифицированные кадры и часть рядового персонала привлекают также из Беларуси.

Псковская область — регион значимых внутрирегиональных различий в уровне развития сельского хозяйства. Разрыв в объемах производства между районом-лидером и аутсайдером составляет более 100 раз. Процесс территориального сжатия сельскохозяйственного производства в Псковской области сопровождался формированием двух изолированных полюсов роста отрасли — вокруг Пскова и Великих Лук, что полностью совпадает с концентрацией активов крупнейших игроков рынка, главным из которых является Великолукский мясокомбинат.

Основной территориальный сдвиг в сельскохозяйственном производстве Псковщины явно коррелирует с описанным выше пополнением активов Великолукского мясокомбината (рис. 4, 5). Одни из наиболее отстающих районов в 2010 г. — Невельский и Усвятский — к концу десятилетия стали лидерами по объему производства сельскохозяйственной продукции в области. Также значительно увеличили объемы производства сельскохозяйственной продукции Красногородский, Куньинский и Великолукский районы. Соответственно, основные изменения территориальной структуры обусловлены изменениями в животноводческом секторе.

Рис. 5. Динамика производства сельскохозяйственной продукции в 2010—2021 гг.

Рост производства наблюдается и в Псковском районе, однако его удельный вес в общем объеме сельскохозяйственного производства области заметно сокращается. Расположенный здесь агрохолдинг ПсковАгроИнвест не сопоставим по масштабам и темпам развития с Великолукским мясокомбинатом.

В растениеводстве наблюдается несколько иная ситуация (рис. 6). Наибольшие темпы роста показывают Островский, Палкинский и Пыталовский районы. На них приходится почти 15 % всей растениеводческой продукции области. В районах, где располагаются посевные площади зерновых и кормовых культур Великолукского мясокомбината, существенных изменений не отмечается, так как площадь посевов компании не столь велика.

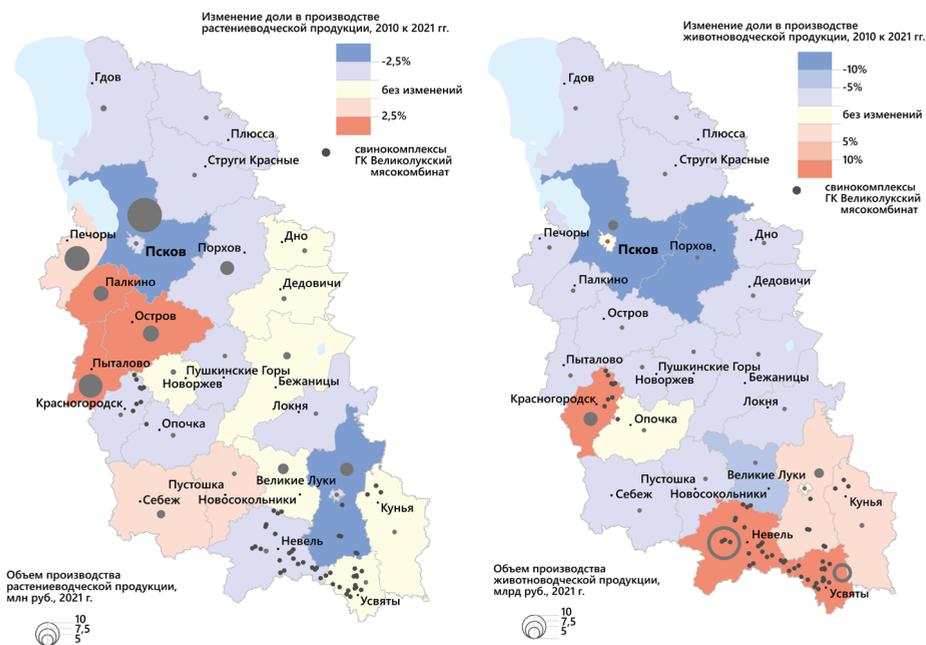

Рис. 6. Динамика производства продукции растениеводства и животноводства в 2010—2021 гг.

Значительные изменения коснулись производства скота и птицы на убой (рис. 7), особенно в Красногородском, Опочецком, Невельском, Великолукском, Куньинском и Усвятском районах — местах концентрации свиноводческих площадок Великолукского мясокомбината. Присутствие такого агрогиганта привело к коренным изменениям в организационной структуре сельского хозяйства — полному вытеснению производства скота и птицы в крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйствах граждан. Сокращение доли производства в личных подсобных хозяйствах также отмечается в районах, близко расположенных к активам агрохолдинга, — Новоскольническом, Островском и Новоржевском.

Размеры посевных площадей зерновых и зернобобовых культур также существенно изменились (рис. 8). Наиболее сильно посевная площадь зерновых и зернобобовых культур сократилась на севере области — в Струго-Красненском и Дедовичском районах — сокращение составило более 50 %. В районах, расположенных около Пскова и Псковского района, наблюдается обратная динамика — посевная площадь зерновых и зернобобовых значительно увеличивается. То же самое наблюдается и вблизи г. Великие Луки. Деятельность Великолукского мясокомбината мало сказалась на территориальной организации производства зерновых и зернобобовых культур. Лишь в Невельском районе отмечается существенное увеличение посевных площадей, и это было достигнуто за счет эффекта низкой базы.

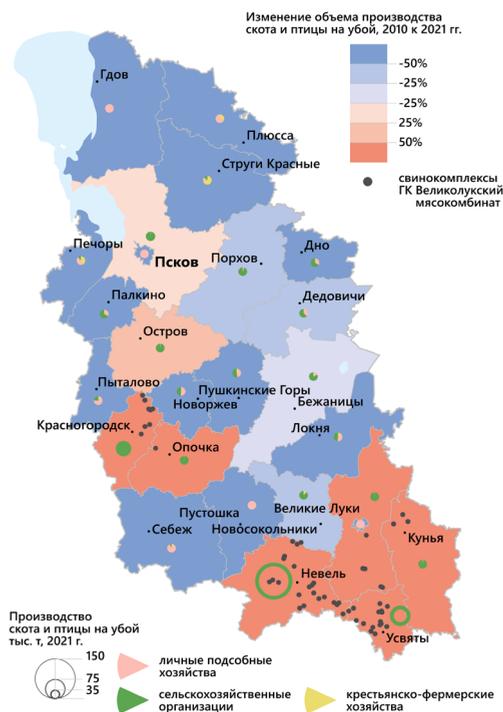

Рис. 7. Динамика объемов производства скота и птицы на убой в 2010—2021 гг.

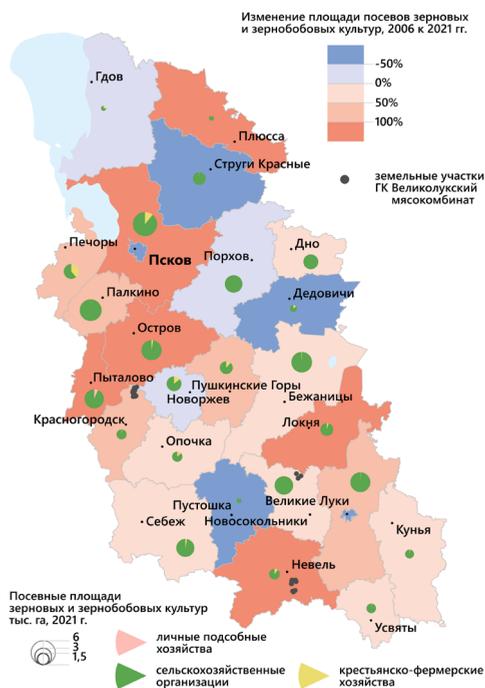

Рис. 8. Динамика площади посевов зерновых и зернобобовых культур в 2006—2021 гг.

Наше исследование на материалах Псковской области показывает, что крупные агрохолдинги являются главным фактором территориальных, отраслевых и организационных изменений в сельском хозяйстве. Развитие агрохолдингов идет параллельно с процессом кардинальной перестройки организационной структуры производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции, становясь, с одной стороны, причиной упадка малых форм хозяйствования, а с другой — его следствием. Распространение агрохолдингов привело к восстановительному росту сельского хозяйства и коренным образом изменило сельскохозяйственный профиль области. После 2010 г. она превратилась в регион с выраженной свиноводческой специализацией, при этом в большинстве отраслей, за исключением зерноводства, обеспечивающего кормовой базой свиней, так и не были достигнуты даже показатели 2000 г., не говоря уже о показателях 1991 г.

Выводы

Кризисные явления в сельском хозяйстве Псковской области в 1990-е гг. происходили во многом тяжелее, чем в других частях страны, в силу глубины процессов депопуляции, особенностей специализации и географического положения региона. Соседство с Беларусью, где сельское хозяйство получало существенную поддержку от государства, сделало прежние региональные отрасли специализации (льноводство, молочно-мясное скотоводство) неконкурентоспособными. Сельское население вследствие кризиса экономики ускоренными темпами стягивалось в ближайшие агломерации Санкт-Петербурга и Москвы. В результате личные подсобные и фермерские хозяйства на фоне деградировавшей колхозной системы лишь в первое постсоветское десятилетие были опорой сельхозпроизводства, а уже в 2000-е гг. и особенно после 2010 г. ведущую роль в большинстве отраслей начали играть агрохолдинги. Подобные тенденции представляются весьма типичными для периферийных приграничных регионов с выраженным оттоком населения, с наличием ярких институциональных градиентов в развитии экономики по сравнению с сопредельной страной и при этом с логистически удобным доступом к рынкам сбыта.

Влияние агрохолдингов приводит к последовательному переходу от первоначального пространственного сжатия сельского хозяйства и агломерирования в прицентральных районах к экспансии в периферийные районы с легким доступом к свободной земле и низкой плотностью сельского населения. Последнее особенно актуально для развития свиноводческого направления. Это хорошо иллюстрируется на примере Псковской области.

Приграничное положение по-разному влияет на крупные холдинги и на малые и средние формы хозяйствования. Конкуренция с производителями из сопредельной страны (можно ее не выдержать и прекратить деятельность), а также протекционистские меры внешних рынков играют значимую роль для небольших сельскохозяйственных организаций. В то же время для крупных холдингов приоритетное значение имеют скорее емкость рынка окружающей территории и платежеспособность населения. Так, рынок стран ЕС до введения санкционных ограничений был одним из важных факторов развития агрохолдингов в Псковской области. Адаптационная способность крупных холдингов очень велика. Рост государственной поддержки агропромышленного комплекса в новых условиях использовался агрохолдингами для успешного освоения внутреннего рынка, а зарубежный экспорт переориентировался на дальние связи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

Сопоставительный анализ динамики производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции и распространения активов агрохолдинга в пределах региона позволил выделить ряд значимых тенденций. Пример смещения активности

Великолукского мясокомбината на юго-запад Псковской области иллюстрирует типичные последствия для сельских сообществ в периферийных регионах. Так, на юго-западе области наблюдается почти полное исчезновение скота и птицы в крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйствах, что «подрывает» экономику сельских сообществ и усиливает депопуляцию. Несмотря на то что предприятия агрохолдинга предлагают конкурентоспособную заработную плату, они имеют достаточно высокую производительность труда и не нуждаются в большом числе наемных работников. Некоторые предприятия практикуют подвоз работников из близлежащих городских центров и даже соседней Беларуси. Кроме того, депопуляция сельской местности снижает вероятность конфликтов при расширении ферм и соответствующих санитарно-защитных зон. На основании проведенных интервью с экспертами можно утверждать, что животноводческие агрохолдинги в целом и Великолукский мясокомбинат в частности нередко являются бенефициарами социального опустынивания сельской местности. Особо значимых территориально-отраслевых изменений в растениеводстве в связи с деятельностью агрохолдингов не происходит. Ареалы возделывания разных культур довольно стабильны в последние годы, а корреляция с деятельностью свиноводческих комплексов ожидаемо наблюдается в зерновом хозяйстве (особенно в отношении объемов производства зерна).

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 24-27-00400 «Адаптация функций и территориальных структур приграничных регионов России в условиях рестрикций».

Список литературы

1. Loizou, E., Karelakis, C., Galanopoulos, K., Mattas, K. 2019, The role of agriculture as a development tool for a regional economy, *Agricultural Systems*, vol. 173, p. 482—490, <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2019.04.002>
2. Нефедова, Т. Г. 2022, Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 86 (1), с. 69—81, <https://doi.org/10.31857/S2587556622010101>
3. Барсукова, С. Ю. 2016, Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 63—74. EDN: WMNVAV
4. Erokhin, V. 2014, WTO Agreement on agriculture and its implication on rural development policies in Russia EU agrarian law, vol. 3, № 1, p. 31—36, <https://doi.org/10.2478/eual-2014-0005>
5. Бредникова, О. Е. 2007, Интерпретируя приграничье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины», *Российский научный журнал*, № 1, с. 32—37. EDN: JWQRQJ
6. Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Лыжина, Е. А., Новикова, А. А., Калиновский, Л. В. 2022, Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Наука о Земле*, т. 67, № 3, с. 409—430, <https://doi.org/10.21658/spbu07.2022.302>
7. Морачевская, К. А., Лялина, А. В. 2023, Влияние продовольственного эмбарго на потребительские предпочтения и трансграничные практики населения Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
8. Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. 2012, Oligarchs, megafarms and land reserves: understanding land grabbing in Russia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, № 3-4, p. 899—931, <https://doi.org/10.1080/03066150.2012.675574>
9. Hermans, F. L. P., Chaddad, F. R., Gagalyuk, T., Senesi, S., Balmann, A. 2017, The emergence and proliferation of agroholdings and mega farms in a global context, *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 20, № 2, p. 175—186, <https://doi.org/10.22434/IF-AMR2016.0173>

10. Matyukha, A., Voigt, P., Wolz, A. 2017, Agro-holdings in Russia, Ukraine and Kazakhstan: temporary phenomenon or permanent business form? Farm-level evidence from Moscow and Belgorod regions, *Post-Communist Economies*, vol. 27, iss. 3, p. 370—394, <https://doi.org/10.1080/14631377.2015.1055976>

11. Узун, В. 2012, Агрохолдинги России: идентификация, классификация, роль, концентрация землепользования, в: *Земельная аккумуляция в начале XXI в.: глобальные инвесторы и локальные сообщества*, М., Дело, с. 126—142. EDN: UBCMVD

12. Kuns, B., Visser, O. 2016, Towards an agroholding typology: differentiating large farm companies in Russia and Ukraine, *Agricultural Economic Society Annual Conference*, University of Warwick.

13. Davydova, I., Franks, J. 2015, The rise and rise of large farms: why agroholdings dominate Russia's agricultural sector, *Mir Rossii*, vol. 24, № 3, p. 133—159.

14. Grouiez, P. 2018, Understanding Agro-Holdings in Russia: A Commonsian Analysis, *Journal of Economic Issues*, vol. 52, № 4, p. 1010—1035, <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1527583>

15. Узун, В. Я., Шагайда, Н. И., Сарайкин, В. А. 2012, Агрохолдинги России и их роль в производстве зерна, Будапешт. EDN: TFLNNX

16. Шагайда, Н. И. 2020, Подходы к оценке размеров агрохолдингов, *Вопросы экономики*, № 10, с. 105—116, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-105-116>

17. Uzun, V. Y., Lerman, Z., Shagaida, N. I. 2021, Russian agroholdings and their role in agriculture, *Post-Communist Economies*, vol. 33, № 8, p. 1035—1055, <https://doi.org/10.1080/14631377.2021.1886787>

18. Эпштейн, Д. Б. 2008, Агрохолдинги — форма вертикальной интеграции, *Экономика сельского хозяйства России*, № 9, с. 60—66. EDN: KPSPUB

19. Wandel, J. 2011, Business groups and competition in post-Soviet transition economies: The case of Russian “agroholdings”, *The Review of Austrian Economics*, vol. 24, p. 403—450, <https://doi.org/10.1007/s11138-011-0152-6>

20. Гусаков, Т. Ю. 2020, Сельский Крым и его агрохолдинги, *Крестьяноведение*, т. 5, № 2, с. 106—129, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-2-106-129>

21. Носонов, А. М. 2019, Агрохолдинги как форма организационно-управленческих инноваций в агропромышленном комплексе, *Вестник Рязанского государственного университета*, № 4, с. 108—121. EDN: ЕКРСАН

22. Носонов, А. М. 2020, ГИС-технологии исследования территориальной дифференциации и эффективности агрохолдингов в России, *Интеркарто. Интергис*, № 3, с. 132—146, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-3-26-132-146>

23. Лихневская, Н. В., Чугунова, Н. В., Полякова, Т. А., Комкова, А. И. 2017, Агрохолдинги в Белгородской области: значение в экономике и жизнедеятельности населения сельских территорий, *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика*, № 2, с. 5—14. EDN: YIZQDX

24. Нефедова, Т. Г. 2014, Агропромышленная концентрация в российских регионах, *ЭКО*, № 4, с. 64—82. EDN: QESOMS

25. Нефедова, Т. Г. 2017, Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 7—18, <https://doi.org/10.7868/S0373244417050012>

26. Нефедова, Т. Г. 2019, Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России, *Пространственная экономика*, № 4, с. 36—56, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>

27. Шелудков, А. В. 2017, Постсоветская трансформация территориальной структуры сельского хозяйства юга Тюменской области, *Региональные исследования*, № 4, с. 93—103. EDN: YQUELQ

28. Нефедова, Т. Г. 2012, Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 3, с. 5—21. EDN: PAGJLN

29. Нефедова, Т. Г. 2013, Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность, *Мир России: социология, этнология*, № 1, с. 29—61. EDN: PVKGBV

30. Морачевская, К. А., Лыжина, Е. А. 2020, Институциональные градиенты в российско-белорусском приграничье (на примере условий развития агропромышленного комплекса), *Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019. Материалы III международной научно-практической конференции*. EDN: REFWFF
31. Hahlbrock, K., Hockmann, H., Schmitz, A., Meyers, W. 2015, Does agroholding membership increase productivity and efficiency in Russian agriculture? Evidence from agroholdings in the Belgorod Oblast, in: Schmitz, A., Meyers, W.H. (eds.), *Transition to Agricultural Market Economies: The Future of Kazakhstan, Russia and Ukraine*, p. 122—132, <https://doi.org/10.1079/9781780645353.012>
32. Ostapchuk, I., Gagalyuk, T., Curtiss, J. 2021, Post-acquisition integration and growth of farms: the case of Ukrainian agroholdings, *The International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, №4, p. 615—636, <https://doi.org/10.22434/IFAMR2020.0188>
33. Cramb, R., Manivong, V., Newby, J.C., Sothorn, K., Sibat, P.S. 2017, Alternatives to land grabbing: exploring conditions for smallholder inclusion in agricultural commodity chains in Southeast Asia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 44, №4, p. 813—841, <https://doi.org/10.1080/03066150.2016.1242482>
34. Нефедова, Т.Г. 2022, Геоэкономические изменения агрокомплекса России в новых геополитических условиях, *Региональные исследования*, №2, с. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-1>
35. Клейменов, С.П. 2012, Территориальная организация хозяйства и населения Псковской области: история и современность, в: Катровский, А.П., Ковалев, Ю.П. (ред.), *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен*, Смоленск, Универсум, с. 128—165.
36. Zhen, L., Deng, X., Wei, Y. et al. 2014, Future land use and food security scenarios for the Guyuan district of remote western China, *iForest: Biogeosciences and Forestry*, vol. 7, №6, p. 372—384, <https://doi.org/10.3832/ifor1170-007>
37. Kuhmonen, I., Siltaoja, M. 2022, Farming on the margins: Just transition and the resilience of peripheral farms, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 43, p. 343—357, <https://doi.org/10.1016/j.eist.2022.04.011>
38. Salvatore, R., Chiodo, E. 2024, Farmers' permanence in peripheral rural areas. Place-based values as drivers of resistance beyond the decline, *Qual Quant*, vol. 58, p. 249—274, <https://doi.org/10.1007/s11135-023-01642-7>

Об авторах

Кира Алексеевна Морачевская, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1269-1059>

Елена Александровна Лыжина, аспирантка, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: helen.lyzhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3114-909X>

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: kms@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ADAPTATION OF THE TERRITORIAL ORGANISATION OF AGRICULTURE IN A PERIPHERAL REGION TO THE OPERATIONS OF AGRICULTURAL HOLDINGS

K. A. Morachevskaya^{1, 2}

E. A. Lyzhina¹

A. B. Sebentsov¹

M. S. Karpenko¹

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
29 Staromonentny Pereulok, Moscow, 119017, Russia

² Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 30 August 2024

Accepted 07 November 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

© Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A.,
Sebentsov, A. B., Karpenko, M. S., 2024

Agricultural holdings are often cited as the main beneficiaries, on the one hand, of organisational and structural changes in Russian agriculture during the post-Soviet period, and on the other, of the transformation of state policy in response to contemporary geopolitical challenges. This paper examines the adaptation of the territorial and sectoral structure of agriculture in a socioeconomically peripheral region in response to the expansion of agricultural holdings. This study draws on official statistical data, the SPARK database, resources from the VetIS Federal State Information System, the Unified Federal Information System on Agricultural Land, and the authors' extensive field research. The study demonstrated that the operations of agricultural holdings can completely transform the agricultural profile of a non-Chernozem region with a declining population in terms of specialisation and organisational structure, leading to economic recovery in agriculture. The example of the Pskov region illustrates how the expansion of agroholding assets is swiftly extending into peripheral areas with abundant land and low rural population density. The interviews confirmed that livestock agricultural holdings, primarily those specialising in pork production, benefit from the social desertification of rural areas. This is accompanied by a further weakening of rural community economies, as livestock and poultry have completely disappeared from private and subsistence farms. The new pork production specialisation in the Pskov region has, as expected, led to other changes in agriculture, including an increase in grain farming. While production volumes have risen, new territorial centres have not emerged.

Keywords:

agriculture, adaptation, Pskov region, food embargo, sanctions, spatial compression

To cite this article: Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A., Sebentsov, A. B., Karpenko, M. S. 2024, Adaptation of the territorial organisation of agriculture in a peripheral region to the operations of agricultural holdings, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 121–144. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-6

References

1. Loizou, E., Karelakis, C., Galanopoulos, K., Mattas, K. 2019, The role of agriculture as a development tool for a regional economy, *Agricultural Systems*, vol. 173, p. 482—490, <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2019.04.002>
2. Nefedova, T.G., Treivish, A.I., Sheludkov, A.V. 2022, Spatially Uneven Development in Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 1, p. 4—19, <https://doi.org/10.1134/S2079970522020071>
3. Barsukova, S. 2016, The dilemma of the «farmers vs agricultural holdings» in the context of import substitution, *Social Sciences and Contemporary World*, № 5, p. 63—74. EDN: WMNVAV
4. Erokhin, V. 2014, WTO Agreement on agriculture and its implication on rural development policies in Russia EU agrarian law, vol. 3, № 1, p. 31—36, <https://doi.org/10.2478/eual-2014-0005>
5. Brednikova, O.E. 2007, Interpreting the borderland: metaphors of “window”, “mirror” and “showcase”, *Russian scientific journal*, № 1, p. 32—37. EDN: JWQRQJ
6. Voloshenko, K., Morachevskaya, K., Novikova, A., Lyzhina, E., Kalinovskiy, L. 2022, Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad Oblast in the face of external challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, № 3, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
7. Morachevskaya, K. A., Lialina, A. V. 2023. The impact of the food embargo on consumer preferences and cross-border practices in the Kaliningrad region, *Baltic Region*, vol. 15, № 2, p. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
8. Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. 2012, Oligarchs, megafarms and land reserves: understanding land grabbing in Russia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, № 3-4, p. 899—931, <https://doi.org/10.1080/03066150.2012.675574>
9. Hermans, F.L.P., Chaddad, F.R., Gagalyuk, T., Senesi, S., Balmann, A. 2017, The emergence and proliferation of agroholdings and mega farms in a global context, *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 20, № 2, p. 175—186, <https://doi.org/10.22434/IF-AMR2016.0173>
10. Matyukha, A., Voigt, P., Wolz, A. 2017, Agro-holdings in Russia, Ukraine and Kazakhstan: temporary phenomenon or permanent business form? Farm-level evidence from Moscow and Belgorod regions, *Post-Communist Economies*, vol. 27, iss. 3, p. 370—394, <https://doi.org/10.1080/14631377.2015.1055976>
11. Uzun, V. 2012, Agricultural holdings of Russia: identification, classification, role, concentration of land use, in: Nikulin, A. M. (ed.), *Land accumulation at the beginning of the 21st century: global investors and local communities*, M., Delo, p. 126—142. EDN: UBCMVD
12. Kuns, B., Visser, O. 2016, Towards an agroholding typology: differentiating large farm companies in Russia and Ukraine, *Agricultural Economic Society Annual Conference*, University of Warwick.
13. Davydova, I., Franks, J. 2015, The rise and rise of large farms: why agroholdings dominate Russia’s agricultural sector, *Mir Rossii*, vol. 24, № 3, p. 133—159.
14. Grouiez, P. 2018, Understanding Agro-Holdings in Russia: A Commonsian Analysis, *Journal of Economic Issues*, vol. 52, № 4, p. 1010—1035, <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1527583>
15. Uzun, V., Shagaida N., Saraikin, V. 2012, *Agricultural holdings of Russia and their role in grain production*, FAO, Budapest. EDN: TFLNNX
16. Shagaida, N.I. 2020, Assessing the size of agricultural holdings, *Voprosy Ekonomiki*, № 10, p. 105—116, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-105-116>
17. Uzun, V. Y., Lerman, Z., Shagaida, N.I. 2021, Russian agroholdings and their role in agriculture, *Post-Communist Economies*, vol. 33, № 8, p. 1035—1055, <https://doi.org/10.1080/14631377.2021.1886787>
18. Epstein, D. 2008, Agroholdings — as a form of vertical integration, *Economics of Agriculture of Russia*, № 9, p. 60—66. EDN: KPSPUB
19. Wandel, J. 2011, Business groups and competition in post-Soviet transition economies: The case of Russian “agroholdings”, *The Review of Austrian Economics*, vol. 24, p. 403—450, <https://doi.org/10.1007/s11138-011-0152-6>

20. Gusakov, T. Yu. 2020, Rural Crimea and its agroholdings, *Russian Peasant Studies*, vol. 5, № 2, p. 106—129, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-2-106-129>
21. Nosov, A. M. 2019, Agrarian holdings as a form of organizational and managerial innovations in agro-industrial complexes, *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, № 4, p. 108—121. EDN: EKPCAИ
22. Nosov, A. M. 2020, GIS-technologies of research of territorial differentiation and efficiency of agroholdings in Russia, *InterCarto. InterGIS*, № 3, p. 132—146, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-3-26-132-146>
23. Likhnevskaya, N. V., Chugunova, N. V., Polyakova, T. A., Komkova, A. I. 2017, Agricultural holdings in the Belgorod region: the value in the economy and living standards in rural areas, *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Economics. Information technologies*, № 2, p. 5—14. EDN: YIZQDX
24. Nefedova, T. G. 2014, Agroindustrial concentration in Russian regions, *ECO*, № 4, p. 64—82. EDN: QESOMS
25. Nefedova, T. G. 2017, Twenty-five years of post-soviet Russian agriculture: geographic trends and contradictions, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 7—18, <https://doi.org/10.7868/S0373244417050012>
26. Nefedova, T. G. 2019, Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia, *Spatial Economics*, № 4, p. 36—56, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
27. Sheludkov, A. V. 2017, Post-soviet transformation of the territorial structure of the agriculture in the south of Tyumen oblast, *Regional Research*, № 4, p. 93—103. EDN: YQUELQ
28. Nefedova, T. G. 2012, Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 2, № 1, p. 41—54, <https://doi.org/10.1134/S2079970512010078>
29. Nefedova, T. G. 2013, The Transformation of Agriculture in Russia: Myths and Realities, *Universe of Russia*, № 1, p. 29—61. EDN: PVKGBV
30. Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A. 2020, Institutional gradients in the Russian-Belarusian borderland (on the example of conditions for the development of agriculture and food production), *Baltic region — the region of cooperation — 2019, Kaliningrad*. EDN: REFWFF
31. Hahlbrock, K., Hockmann, H., Schmitz, A., Meyers, W. 2015, Does agroholding membership increase productivity and efficiency in Russian agriculture? Evidence from agroholdings in the Belgorod Oblast, in: Schmitz, A., Meyers, W. H. (eds.), *Transition to Agricultural Market Economies: The Future of Kazakhstan, Russia and Ukraine*, p. 122—132, <https://doi.org/10.1079/9781780645353.012>
32. Ostapchuk, I., Gagalyuk, T., Curtiss, J. 2021, Post-acquisition integration and growth of farms: the case of Ukrainian agroholdings, *The International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, № 4, p. 615—636, <https://doi.org/10.22434/IFAMR2020.0188>
33. Cramb, R., Manivong, V., Newby, J. C., Sothorn, K., Sibat, P. S. 2017, Alternatives to land grabbing: exploring conditions for smallholder inclusion in agricultural commodity chains in Southeast Asia, *Journal of Peasant Studies*, vol. 44, № 4, p. 813—841, <https://doi.org/10.1080/03066150.2016.1242482>
34. Nefedova, T. G. 2022, Geo-economic changes in agro-complex of Russia under the new geopolitical realities, *Regional Research*, № 2, p. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-1>
35. Kleimenov, S. P. 2012, Territorial organization of the economy and population of the Pskov region: history and modernity, in: *Russian-Belarusian borderland: twenty years of changes*, Smolensk, Universum, p. 128—165.
36. Zhen, L., Deng, X., Wei, Y. et al. 2014, Future land use and food security scenarios for the Guyuan district of remote western China, *iForest: Biogeosciences and Forestry*, vol. 7, № 6, p. 372—384, <https://doi.org/10.3832/ifor1170-007>
37. Kuhmonen, I., Siltaoja, M. 2022, Farming on the margins: Just transition and the resilience of peripheral farms, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 43, p. 343—357, <https://doi.org/10.1016/j.eist.2022.04.011>
38. Salvatore, R., Chiodo, E. 2024, Farmers' permanence in peripheral rural areas. Place-based values as drivers of resistance beyond the decline, *Qual Quant*, vol. 58, p. 249—274, <https://doi.org/10.1007/s11135-023-01642-7>

The authors

Dr. Kira A. Morachevskaya, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia; Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1269-1059>

Elena A. Lyzhina, PhD Student, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: helen.lyzhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3114-909X>

Dr. Alexander B. Sebentsov, Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

Mikhail S. Karpenko, Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: kms@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

И. И. Жуковский

ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 04.09.2024 г.
Принята к публикации 25.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7
© Жуковский И. И., 2024

Распад СССР и ревизия Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений повлекли за собой тектонические изменения в регионе Балтийского моря: оказалось, что еще недавно северный фланг наиболее вероятного театра военных действий между Североатлантическим альянсом и Организацией Варшавского договора имеет историческую возможность превратиться в регион интенсивного политического, экономического, образовательного и культурного взаимодействия — а именно под такими лозунгами развернулось построение новой региональной модели международных отношений рубежа XX и XXI в. В статье изучается эволюция региональной модели международных отношений от «региона согласия» к современному «региону конфликта» через изучение опыта построения и динамику развития региональных кооперационных сетей в условиях общего кризиса мировой системы международных отношений. Исследование опирается на традиции историко-политического анализа регионов как субъектов системы международных отношений, на массив релевантных документов и материалов международных организаций, внешнеполитических ведомств и иных органов государственной власти стран Балтийского региона. В заключительной части реализовано прикладное измерение исследования: сформулирован вывод о необходимости экспертного поиска постконфликтной региональной повестки и представлены предложения по ее возможному содержанию.

Ключевые слова:

Россия, регион Балтийского моря, НАТО, Европейский союз, кооперационные сети, политическая динамика

Исследовательское поле. Постановка проблемы

В исследовании используется понятие «Балтийский регион» в его устоявшемся современном международно-политическом понимании¹. За скобками оставлены довольно интенсивные дискуссии ученых по вопросам различных подходов к сущ-

¹ Регион вокруг Балтийского моря, образуемый странами, состоящими в Совете государств Балтийского моря на начало 2022 г. (без учета стран-наблюдателей).

Для цитирования: Жуковский И. И. Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2024. Т. 16, №4. С. 145–160.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7

ности концепта «регион», определению границ Балтийского региона, по основаниям включения тех или иных государств либо территорий в состав Балтийского региона (см. [1; 2]).

Региональная система международных отношений понимается как совокупность специфических взаимодействий между странами региона, в основе которых лежит общая регионально-географическая и политико-экономическая принадлежность. Автор исходит из понимания того, что в Балтийском регионе на рубеже XX и XXI в., равно как и на современном этапе, интенсивность и характер межгосударственного взаимодействия определялись глобальными процессами: преодолением опыта межблокового противостояния (холодной войны) и попыткой построения «глобального мира» на кооперационных началах.

Современная региональная модель международных отношений сформировалась на рубеже XX и XXI в.: распался Союз Советских Социалистических Республик, была распущена Организация Варшавского договора, произошло объединение Германии, на политической карте вновь появились независимые Латвия, Литва, Эстония. Формирование новой модели межгосударственных взаимодействий в регионе опиралось на построение разнообразных кооперационных сетей из общественных организаций и государственных институтов, участие в которых предполагало признание общих целей и использование общих практик взаимодействия на международном уровне. Знаковым событием в этом контексте стала Копенгагенская декларация о создании Совета государств Балтийского моря в 1992 г. в целях усиления сотрудничества и координации между государствами Балтийского моря как «региона согласия»¹.

Автор сформулировал следующую исследовательскую задачу: проследить развитие региональных кооперационных сетей как одного из элементов, определявших динамику модели международных отношений в регионе Балтийского моря на современном этапе. Предмет настоящего исследования — эволюция региональной модели международных отношений, а цель исследования — показать на примере кооперационных сетей переход модели «региона согласия» к «региону конфликта» и обозначить необходимость академической и экспертной дискуссии по формированию постконфликтной региональной повестки. Исследование опирается на традиции историко-политического анализа регионов как субъектов системы международных отношений. В процессе анализа используется массив релевантных документов и материалов региональных организаций, заявления и программные документы внешнеполитических ведомств и иных органов государственной власти стран Балтийского региона.

Опыт исследований региональной модели международных отношений

Радикальная перестройка мировой политической системы начала 1990-х гг. имела одним из своих проявлений формирование и повышение субъектности региональных систем международных отношений как политических систем, отличающихся динамикой взаимодействий внутри своих пространственных и политических границ. Этот процесс потребовал осмысления в теоретических подходах к изучению мировой политики и международных отношений: в исследованиях последнего

¹ Copenhagen Declaration. 1992, *Council of the Baltic Sea States*, 5—6 March 1992, URL: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/1992-CBSS-1st-Ministerial-Session-Communique.pdf> (дата обращения: 28.07.2024).

десятилетия прошлого века уже появлялся региональный уровень международных отношений как отдельный уровень анализа (см. напр., обзор А. Д. Воскресенского проблематики исследовательских практик и применяемых методов [3]).

Международные процессы в Балтийском регионе стали востребованным объектом изучения в России и странах региона. Исследовательский интерес во многом определялся тем, что региональная модель международных отношений на рубеже XX и XXI вв. стала предметом политического проектирования, выразившегося в интенсивном формировании региональных кооперационных сетей (учреждении региональных организаций межгосударственного характера, создании проектов и инициатив регионального масштаба) в условиях стремительного развития торгово-экономических отношений между странами региона.

Ключевой особенностью региональных кооперационных сетей является то, что они создаются государствами либо при непосредственной поддержке органов государственной власти: сфера деятельности, инструменты и полномочия определялись учредителями согласованно. Усиление роли региональных кооперационных сетей возможно при согласованном решении учредителей делегировать те или иные полномочия, использовать новые инструменты и т. д. [4]. Соответственно, эффективность функционирования региональных кооперационных сетей напрямую зависит от динамики взаимоотношений государств-учредителей, воспринимающих создаваемые в регионе международные организации, проекты и инициативы как более приемлемый по сравнению с международными организациями инструмент решения общерегиональных задач.

Отметим, что значительная часть исследований международных процессов в регионе Балтийского моря отражала попытку найти в региональных системах ответы на вызовы стремительно развивавшейся глобализации: насколько уникальна создаваемая модель региональных международных отношений и возможно ли применить опыт ее анализа к изучению других регионов? Насколько политическая динамика в регионе является отражением глобальных политических процессов? Возможно ли преодолеть региональную политическую и экономическую неоднородность путем политического проектирования (то есть созданием разнообразных кооперационных сетей и повышением роли межрегионального сотрудничества государств региона)? (см. [5—7] и др.).

Значимым направлением исследований региональной модели международных отношений стал подход, предложенный Б. Бузаном и О. Вэвером, заключавшийся в том, что наиболее важной особенностью современных региональных моделей международных отношений являются в первую очередь проблемы безопасности и приоритетность их возможных проявлений — так называемый подход «копенгагенской школы» [8; 9]. Этот исследовательский подход преодолевает рамки романтического очарования от завершения холодной войны¹, выдвигая на передний план вопрос конструирования национальной и региональной моделей безопасности, находящихся в прямой взаимозависимости. Политический процесс в целом (в том числе и международные отношения) преимущественно определяется формулировкой различными игроками угроз («секьюритизацией» политического процесса), доведением угроз до уровня экстраординарных и далее — переводом угроз в плоскость политического проектирования. Благодаря распространению такого исследователь-

¹ В этом ключе весьма любопытным материалом представляется беседа известного отечественного исследователя Д. В. Офицера-Бельского с Б. Бузаном, опубликованная в «Международных процессах»: Бузан, Б., 2012, Наука о международных отношениях — удел избранного круга государств, *Международные процессы*, т. 10, № 3, с. 73—82.

ского подхода в международных исследованиях произошло расширение понимания проблем безопасности, прежде рассматриваемой преимущественно в категориях «военной» либо «военно-политической» [10].

Отметим, что применяя указанный исследовательский подход к анализу причин девальвации ценности сотрудничества в региональных организациях Балтийского региона, особое внимание обращаем на роль Польши и стран Прибалтики, «секьюритизировавших» практически любую плоскость взаимодействия с Российской Федерацией. Этот аспект, безусловно, еще нуждается в дополнительном исследовании [11; 12]. Польша и страны Прибалтики, вступившие в ЕС в 2004 г., в поиске своей внешнеполитической роли внутри ЕС оказывали значительное влияние на секьюритизацию ряда декларируемых кооперационных макрорегиональных инициатив Европейского союза. Красноречивым примером может послужить «Восточное партнерство», которое по факту превратилось в инструмент конструирования повестки противодействия интересам России (см. ценный разбор аспектов столкновения в понимании безопасности в региональном сотрудничестве Россией и странами ЕС от ирландского исследователя К. Конерта из Школы права и государственного управления Университета Дублина [13]).

Значительный вклад в изучение проблематики роли кооперационных сетей в эволюции региональной модели международных отношений внесла активно работающая с начала 1990-х гг. группа исследователей из Калининградского университета¹, сформировавшаяся вокруг профессора Г. М. Федорова (чьи исследовательские интересы включали вопросы трансграничного сотрудничества, управления региональным развитием, территориального планирования, геополитики) [2; 14—16].

Специфической особенностью исследовательского опыта указанной группы стало изучение региона Балтийского моря сквозь призму политико-экономических интересов Российской Федерации с особым акцентом на роль Калининградской области (эксклавного региона или полуэксклавного — с учетом прямого доступа к морскому транспортному коридору). Продвигаемая лидерами исследовательской группы концепция «Калининградская область как регион сотрудничества России и ЕС» предполагала возможность использования площадки Калининградской области как точки построения кооперационных сетей для интенсификации экономических, политических, научно-образовательных и культурных связей с Европейским союзом, что позволило бы создавать новую модель международных отношений в регионе Балтийского моря, разрешавшую в том числе проблему определения стратегии социально-экономического развития Калининградской области [17]. Изучая различные аспекты региональной политики Российской Федерации и Европейского союза, исследовательская группа профессора Г. М. Федорова превратилась в один из наиболее значимых центров экспертизы в области современных международных отношений в регионе Балтийского моря.

Важные для понимания эволюции региональной модели международных отношений исследования выполнялись учеными из Санкт-Петербургского университета — К. К. Худолеем (теоретические и прикладные аспекты динамики интересов Российской Федерации, Европейского союза и НАТО), Д. А. Ланко (сравнительные исследования Прибалтийских стран и Северной Европы, политическая динамика в регионе), И. Н. Новиковой (изучение межрегионального и межмуниципального сотрудничества российских регионов со странами Северной Европы) [18—21].

¹ Калининградский государственный университет переименован в Российский государственный университет имени Иммануила Канта в 2005 г., а в 2010 г. на его базе был создан Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Исследование динамики развития кооперационных сетей в Балтийском регионе вносит вклад в понимание современной ситуации в регионе и помогает создать подходы к формированию постконфликтной региональной повестки с учетом наработанного опыта взаимодействия, сохранившихся международных контактов между экспертами и академическим сообществом, понимания общности интересов государств вокруг Балтийского моря.

Результаты анализа опыта построения региональных кооперационных сетей

Рассмотрим наиболее значимые для целей настоящего исследования кооперационные сети в регионе Балтийского моря, отличающиеся значительной политической динамикой.

Начало 1990-х гг. сопровождалось настоящим бумом создания кооперационных сетей в регионе Балтийского моря, часть из которых транслировала глобальную повестку преодоления наследия блокового противостояния (как, например, ОБСЕ и размещенное в Варшаве Бюро по демократическим институтам и правам человека), а другая часть проектировала общерегиональную повестку, создавая новую модель международных отношений.

Воплощением концепции «региона согласия» стало создание Совета государств Балтийского моря (СГБМ), который оказал наибольшее влияние на формирование региональной модели международного сотрудничества. В марте 1992 г. на конференции министров иностранных дел стран, имеющих прямой выход к Балтийскому морю и Норвегии (которая традиционно воспринимается как страна двойной региональной принадлежности — и «северная», и «балтийская») по предложению Ханса-Дитриха Геншера и Уффе Эллеманна-Йенсена (министров иностранных дел Германии и Дании) была учреждена международная организация, чьей целью в соответствии с основополагающим документом — «Копенгагенской декларацией» — провозглашалось «согласие между странами, которое будет вести к укреплению политической и экономической стабильности, а также региональному единению». По сути, СГБМ решал задачи проектирования и построения новых кооперационных сетей для преодоления опыта блокового противостояния на основе универсальных принципов, заложенных в Уставе Организации Объединенных Наций, Хельсинском заключительном акте, Парижской хартии и других документах СБСЕ.

Совет государств Балтийского моря прошел несколько стадий поиска своей программной и организационной идентичности. Фактором, определявшим неэффективность организации в первые годы существования, стала рыхлая административная структура СГБМ и отсутствие внятного финансового механизма реализации проектов. К 2007 г. отсутствие конкретных результатов деятельности СГБМ (напомним, что параллельно происходило усиление компонента Европейского союза в национальных приоритетах стран — участниц Совета) стало девальвировать значение организации во внешнеполитических стратегиях государств региона. Важно зафиксировать, что наиболее активную роль в повышении статуса и операционной эффективности СГБМ играла Швеция, для внешней политики которой кооперационные сети в регионе были приоритетными. Возможность конструирования внешнеполитической репутации страны и политического освоения новых территорий, включившихся в кооперационные сети, способствовала получению прямых экономических эффектов — реализации выгодных инвестиционных проектов, усилению роли шведских финансово-промышленных групп в экономиках стран региона и т. д. Внесенные Швецией в 2007 г. предложения по реформированию СГБМ превращали аморфную прежде структуру в эффективный институт регионального развития с

финансовыми инструментами, усиленными полномочиями секретариата, что повысило авторитет СГБМ в центрах внешнеполитического планирования и принятия решений стран региона.

Подчеркнем, что в задуманном неконфронтационном и внеблоковом формате СГБМ свою деятельность реализовать не смог по причине нарастания политико-экономических противоречий между странами региона, что обусловило расширение присутствия НАТО в регионе и проецирование интересов «внерегionalных» игроков в региональную повестку. Кризисные события 2014 г. вокруг Украины и последовавшее обострение противоречий между Россией и странами коллективного Запада стали причиной дрейфа СГБМ от института проектирования и развития общей региональной повестки в сторону политического форума.

Третьего марта 2022 г. министры иностранных дел всех зарубежных стран СГБМ и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности в общей декларации заявили об отстранении России от участия в работе Совета «до момента, позволяющего возобновить сотрудничество на основе фундаментальных принципов международного права»¹.

Заявление Министерства иностранных дел России о выходе Российской Федерации из Совета государств Балтийского моря было опубликовано 17 мая 2022 г. В нем подводился итог деятельности СГБМ как ключевой региональной площадки, оказавшейся под влиянием «внерегionalных» игроков: «Противоречия в работе СГБМ накапливались годами... Государства НАТО и Евросоюза в составе Совета отказались от равноправного диалога и принципов, на которых создавалась эта региональная структура на Балтике, и последовательно превращают ее в инструмент антироссийской политики»². Было принято и решение о выходе из состава Парламентской конференции Балтийского моря, представлявшей собой институт межпарламентского диалога на полях межправительственного уровня сотрудничества в СГБМ. Таким образом, из «кооперационного» характера модель сотрудничества в Совете государств Балтийского моря перешла к модели «конфликтной».

Аналогичная судьба (переход от «согласия» к «конфликту» в результате имплементации «внерегionalной» повестки) постигла и «Северное измерение» — еще одну кооперационную сеть, отличавшуюся высокой интенсивностью и эффективностью практического взаимодействия. «Северное измерение» в его версии на момент обострения мирового политического кризиса 2022 г., позиционировалось как совместная политика четырех равноправных партнеров: Европейского союза, Российской Федерации, Норвегии и Исландии. Реализация инициативы происходила в рамках так называемых тематических партнерств: природоохранного; здравоохранения и социального благополучия; культурного; транспортного.

Европейский союз, Исландия и Норвегия 8 марта 2022 г. приостановили «до дальнейшего уведомления» все сотрудничество «Северного измерения» с Россией и Беларусью. Деятельность охватывала окружающую среду, ядерную безопасность,

¹ Declaration by the Ministers of Foreign Affairs of Denmark, Estonia, Finland, Germany, Iceland, Latvia, Lithuania, Norway, Poland and Sweden and the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy on the participation by the Russian Federation and Belarus in the work of the Council of the Baltic Sea States, 03.03.2022, *Serwis Rzeczypospolitej Polskiej*, URL: <https://www.gov.pl/web/finlandia/federacja-rosyjska-zawieszona-w-pracach-radypanstw-morza-baltyckiego> (дата обращения: 28.07.2024).

² Заявление МИД России о выходе Российской Федерации из Совета государств Балтийского моря 17.05.2022 г., *Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе и Евратоме*, URL: https://russiaeu.mid.ru/ru/press-centre/news/zayavlenie_mid_rossii_o_vykhode_rossiyskoy_federatsii_iz_soveta_gosudarstv_baltiyskogo_morya (дата обращения: 28.07.2024).

здравоохранение, энергетику, транспорт, логистику, развитие торговли и инвестиций, научные исследования, образование и культуру — словом, сформировалась модельная кооперационная сеть регионального характера, имеющая финансовые инструменты, политическую поддержку и конкретные осязаемые результаты работы, в том числе по ядерной безопасности, включающей не только региональное, но и глобальное измерение.

В ответ на вызов преодоления разрыва в социально-экономическом развитии «старых» и «новых» членов Европейского союза, с целью дальнейшего политико-экономического освоения региона в интересах Европейского союза был разработан политический план и сформированы операционные инструменты его реализации в виде «Стратегии ЕС для региона Балтийского моря» (СЕСРБМ)¹. Отметим, что СЕСРБМ стала первой макрорегиональной стратегией Европейского союза, по образцу которой были созданы стратегии для Дунайского (EUSDR, 2010), Адриатического и Ионического (EUSAIR, 2014), а также Альпийского региона (EUSALP, 2015).

Позиция вступивших в 2004 г. в Европейский союз Польши, Литвы², Латвии и Эстонии при разработке СЕСРБМ заключалась в максимальном усилении влияния Европейской комиссии (и стран ЕС в целом) в Балтийском регионе — очевидно, как противовес набирающей экономическую мощь и политический вес России. Продвигая логику превращения Балтики в ареал преимущественных интересов ЕС (так называемая концепция внутреннего моря Европейского союза), разработчики предполагали «зонтичный» характер Стратегии по отношению к национальным операторам кооперационных сетей в регионе [22], рассматривая Стратегию как единую рамку выстраивания взаимодействия со странами-партнерами, не входящими в Европейский союз, — Россией, Исландией, Беларусью и Норвегией. Политическую поддержку разработки СЕСРБМ оказывал и шведско-датский «Балтийский форум развития» («Балтийский Давос») — ключевой региональный проект, направленный на политико-деловую элиту и общественных лидеров Балтийского региона.

Польша, Латвия, Литва и Эстония реализовали логику интеграции национальных политик в регионе с приоритетами Европейского союза. К примеру, СЕСРБМ предполагала выработку единого для стран ЕС подхода к пространственному морскому планированию в рамках Совместной группы ХЕЛКОМ / ВАСАБ, которая была учреждена как инструмент согласования интересов для всех стран Балтийского региона, включая Россию (к слову, Рабочая группа по пространственному морскому планированию была создана на министерской встрече в Москве в 2010 г., а российское присутствие в экспертных и рабочих органах Рабочей группы было значительным).

На практике Совместная группа ХЕЛКОМ / ВАСАБ обеспечивает статусную и организационную поддержку проектам Европейского союза по морскому пространственному планированию (Plan Bothnia, BaltSeaPlan, PartiSEApate и Baltic SCOPE) [23]. Фактически это означает, что таким образом реализация упомянутых проектов соответствует логике продвижения концепции «Балтийское море — внутреннее море Европейского союза». К примеру, в проекте Plan Bothnia ответственным исполнителем (получателем средств Европейского союза) стал секретариат ХЕЛКОМ,

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, 2009, *EU Strategy for the Baltic Sea Region*, URL: https://eusbsr.eu/wp-content/uploads/2009_commission-communication-on-eusbsr.pdf (дата обращения: 28.07.2024).

² О Стратегии Балтийского моря, Резолюция Сейма Литовской Республики, 19.04.2007, *Lietuvos Respublikos Seimas*, URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=fhhu5ml-1c&documentId=TAIS.295996&category=TAD> (дата обращения: 28.07.2024).

а ключевым партнером проекта — секретариат ВАСАБ, при том, что основным содержанием проекта стала задача отработки принципов координации совместной политики в сфере морского пространственного планирования между двумя странами — членами ЕС (Швецией и Финляндией). Такое положение дел стало возможным благодаря доступности финансирования из специализированных фондов Европейского союза для организации работы по выгодным и желательным для СЕСРБМ темам. ХЕЛКОМ и ВАСАБ, бывшие деятельными созидательными игроками, формирующими политические задачи для стран региона, превратились в проектные офисы, обслуживающие «Стратегию ЕС для региона Балтийского моря».

Роль СЕСРБМ наиболее выпукло прослеживается во взаимосвязи с девальвацией ценности сотрудничества в формате СГБМ для стран — членов ЕС [24]. Дело в том, что одним из организационно-управленческих принципов СЕСРБМ стало отсутствие собственного финансирования «внутри» программы, а проекты и инициативы, спроектированные как часть СЕСРБМ, получили возможность привлекать финансирование из уже одобренных Брюсселем бюджетных линий в Европейском социальном фонде (ESF), Европейском фонде регионального развития (ERDF), Фонде сплочения (Cohesion Fund), Европейском сельскохозяйственном фонде развития сельских территорий (EAFRD) и др. Кроме того, источником финансирования становились и такие программы, как Horizon 2020, BONUS, the LIFE Programme, Interreg Baltic Sea Region Programme. Такое решение определило приоритетность формирования новых кооперационных проектов в масштабах всего региона, исключая (либо предполагая весьма ограниченное участие) страны, не входящие в Европейский союз, — Россию, Исландию, Беларусь и Норвегию.

Принятие «Стратегии ЕС для региона Балтийского моря» в качестве руководящего документа политики Европейского союза в целом и стран — участниц ЕС стало фактором, прямо противоречащим логике формировавшейся модели «региона согласия»: приоритетными для стран региона, входящих в ЕС, стали именно рамки и механизмы сотрудничества Европейского союза, исключая Россию, хотя и оговаривавшие особые форматы реализации совместной региональной повестки.

В отличие от разработанных на рубеже веков политических форматов сотрудничества эффективными и устойчивыми оказались конкретные практики взаимодействия в рамках подписанных в 1973 г. «Конвенции о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и Бельтах» (Гданьская конвенция)¹ и в 1974 г. «Конвенции по охране морской среды района Балтийского моря» (Хельсинкская конвенция)². В связи с двумя региональными волнами расширения Европейского союза (приоритеты стран в регионе синхронизировались, повышалась степень влияния решений ЕС на национальные политики) возникла необходимость уточнения принципов сохранения и долгосрочной устойчивой эксплуатации рыбных запасов и управления ими в Балтийском море между Россией и ЕС. С 1 января 2007 г. применение Гданьской конвенции было прекращено, новое Соглашение между ЕС и Россией³ было разработано с опорой на логику и принципы Конвенции 1974 г.

¹ Конвенция о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и Бельтах (Гданьская конвенция), *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901772> (дата обращения: 28.07.2024).

² Конвенции по охране морской среды района Балтийского моря (Хельсинкская конвенция). Хельсинки, *HELKOM*, URL: https://helcom.fi/wp-content/uploads/2019/10/1974_Convention.pdf (дата обращения: 28.07.2024).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области рыболовства и сохранения живых морских ресурсов в Балтийском море от 28.04.2009 г., *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/902182268> (дата обращения: 28.07.2024).

Объясняя опыт успешного сотрудничества стран региона вокруг проблематики живых морских ресурсов, надо исходить из объективного факта: живые морские ресурсы Балтийского моря состоят из трансграничных запасов, совершающих миграции между исключительными экономическими зонами. Эффективное сохранение и устойчивая эксплуатация живых морских ресурсов могут осуществляться только посредством сотрудничества в сфере управления промыслом, а также в сфере контроля и обеспечения соблюдения мер по управлению промыслом.

Анализ кооперационных сетей, оказывавших значительное влияние на формирование модели региональных международных отношений, не может быть полным без упоминания феномена «балтийского университетского сотрудничества» [25], выражавшегося в реализации программы «Балтийский университет» (BUP), ставшей одной из наиболее заметных в мире региональных университетских сетей. В свою очередь, по инициативе Университета г. Турку для обсуждения вопросов академического сотрудничества между руководителями университетов была создана «Сеть университетов Балтийского региона» (BSRUN), которая в том числе обеспечивала и возможность взаимодействия профильных органов государственного управления научно-образовательной повесткой. Необходимо упомянуть, что образовательное и научно-исследовательское сотрудничество в регионе также находилось в поле интересов таких общественно-государственных проектов, как «Триалог» (действовавшего с 2010 по 2014 г. под эгидой министров иностранных дел России, Германии и Польши), а также профильной комиссии российско-германского форума «Петербургский диалог».

В 1991 г. по инициативе Уппсальского университета при поддержке шведского правительства был запущен образовательный проект «Программа «Балтийский университет», основанный на использовании новаторской в то время модели дистанционного обучения (часть курсов транслировалась в онлайн-режиме через спутниковый телевизионный канал, часть занятий распространялась на видеокассетах, а контрольно-измерительные и дополнительные материалы в распечатанном виде доставлялись из Швеции в университеты, принимавшие участие в реализации Программы). Тематически Программа была сосредоточена на общей региональной повестке: проблемы устойчивого развития, различные аспекты защиты окружающей среды, а также находящаяся на пике популярности тематика демократического транзита и демократического развития в государствах бывшего социалистического лагеря. В период своего расцвета (2002—2012) «Программа «Балтийский университет» включала в себя более чем 220 университетов и иных учреждений высшего образования из 12 стран: Беларуси, Эстонии, Финляндии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, России, Швеции, Чехии, Словакии, Украины (обратим внимание на использовавшийся чисто географический критерий региональной принадлежности — расположение партнерского университета на территории водосборного бассейна Балтики).

На смысловом уровне Программа находилась в фарватере усилий правительства и бизнес-кругов Швеции по построению новой версии «шведского века», предполагавшего политическое и экономическое освоение территорий Юго-Восточной Балтики для формирования зоны своих исключительных интересов. Приоритетом работы Программы в масштабах региона стало конструирование кооперационной сети с исключительно «региональной» повесткой, имеющей амбиции к формированию единого научно-образовательного пространства вокруг «шведского ядра», оказывающей влияние на органы государственной власти и динамику региональной модели международных отношений. В декабре 2009 г. программа «Балтийский уни-

верситет» была утверждена в качестве стратегического партнера Совета государств Балтийского моря, что резко повышало статус центра программы — Упсальского университета — и его лидеров.

Ключевыми ресурсами Программы стал сформированный банк онлайн-курсов по различным аспектам развития Балтийского региона, специализированная онлайн-библиотека по широко понимаемым «балтийским исследованиям» и сеть преподавателей и экспертов, продвигающих тематику Программы в своих университетах [26]. Классическая кооперационная сеть с «внутрирегиональной» повесткой оказалась неустойчивой к кризисным проявлениям в мировой политической системе: после событий начала 2022 г. Программа официально присоединилась к позиции шведского правительства по так называемому украинскому вопросу и свернула сотрудничество с университетами России и Беларуси.

Прогнозирование постконфликтной региональной повестки. Выводы

Между странами, принадлежащими к еще недавно противоборствующим военно-политическим блокам, в начале последнего десятилетия XX в. возникла ситуация интенсивного бесконфликтного взаимодействия. Фактически отсутствовали территориальные споры, создавались и эффективно работали региональные организации и объединения [27], появились региональные программы экономического и культурно-образовательного сотрудничества, в которых активно участвовали субъекты Российской Федерации — Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области. В Финляндии и Эстонии эффективно работали информационно-деловые центры Санкт-Петербурга, опыт которых предполагалось использовать при проектировании взаимовыгодного сотрудничества в других странах региона [20].

Небывалый масштаб реализованных торгово-экономических и инфраструктурных проектов между Россией и странами Европейского союза, равно как и последовательное расширение возможностей для внутрирегиональной мобильности и туризма, позволяли исследователям формулировать весьма оптимистичные прогнозы по развитию Балтийского региона в логике «региона согласия». В Балтийском регионе шанс действительно эффективно спроектировать и реализовать уникальную региональную систему был не использован, а модель «региона согласия» была замещена моделью «прохладной войны» — именно таким термином К. К. Худoley описывал специфику региональной модели международных отношений, сформировавшуюся после обострения противоречий между Россией и странами коллективного Запада [19].

Польша, Германия и страны Прибалтики именно в Европейском союзе видели ключевого модератора политико-экономической повестки в регионе Балтийского моря (что впоследствии выразилось в «Стратегии ЕС в регионе»), а в Северо-Атлантическом альянсе (при параллельном укреплении двустороннего военно-политического сотрудничества с США) — фундамент собственной безопасности и региональной безопасности в целом [28; 29]. «Финская дилемма безопасности» (подробнее см. в исследовании К. Худoley и Д. Ланко [18]) заключалась в стремлении оставаться в стороне от возможных военных конфликтов при укреплении своей безопасности путем прямого интенсивного сотрудничества со странами НАТО. Развивавшееся в двустороннем формате взаимодействие Финляндии и Швеции со странами НАТО по факту подготовило вступление Швеции и Финляндии в Альянс [30], что зафиксировало окончательный демонтаж концепции «региона согласия». Набирающие интенсивность региональные политико-дипломатические и военно-

политические процессы с этого момента описываются исключительно в категориях конфликта: так утверждался современный этап международных отношений в Балтийском регионе в виде модели «регион конфликта».

Несмотря на интенсивные процессы глобализации, на значительное увеличение количества региональных игроков, развитие кооперационных сетей, опыт активного межмуниципального (межрегионального) сотрудничества, ключевыми для динамики региональной системы оставались именно межгосударственные отношения. Именно межгосударственные противоречия, в том числе и спроецированные на региональную повестку «внерегиональные» проблемы (эрозия гегемонистской модели мировой политики, конфликт на линии «НАТО — Российская Федерация» и острая фаза этого конфликта — кризис вокруг Украины), а также интересы «вне-региональных» игроков (США, Франции, НАТО и Европейского союза), стали ключевыми факторами демонтажа модели «региона согласия» и формирования модели «региона конфликта».

Показательным примером расширения военно-политического и экономического интересов «внерегиональных» игроков в регионе Балтийского моря стала Франция, чьим главным ориентиром «служит стремление участвовать в делах региона не столько в качестве принципиально нового игрока, готового предложить какое-либо оригинальное видение и на этой основе возрождать отношения с Москвой, сколько как дисциплинированного члена НАТО, намеренного укреплять общий потенциал» [31, с. 13].

По меткому наблюдению К. К. Худолея, описывающего неравномерность демонтажа системы международных отношений времен холодной войны в регионе в категориях «прохладной войны», отличающейся различной интенсивностью в регионах столкновения (пересечения) интересов, в образовавшемся вакууме правил игры вызревают новые, не всегда становящиеся общепринятыми и общепризнанными практики и правила поведения игроков в системе международных отношений [19]. Такая ситуация, как отмечает К. Худoley, увеличивает вероятность (но не делает неизбежными) реализацию конфликтного сценария в регионе Балтийского моря. Но эти же условия создают новые, возникающие из уникальных ситуативных конфигураций возможности для преодоления конфликтов. Совершенно определенно, что интенсивность конфликта в регионе Балтийского моря регулируется «внерегиональной» повесткой и интересами «внерегиональных» игроков»: именно постконфликтные договоренности России с «внерегиональными» игроками станут ключевым фактором, определяющим модель международных отношений на Балтике.

Каждый конфликт заканчивается. Уже сейчас представляется необходимым искать конструктивную постконфликтную региональную повестку для кооперационных сетей. Научно-экспертное сообщество и академические центры России и зарубежных стран Балтийского региона уже сейчас, во время высокой интенсивности конфликта в региональной модели международных отношений должны быть готовы к формированию предложений по политическому проектированию преодоления модели «региона конфликта» и деятельному участию во взаимной одновременной десекьюритизации национальных дискурсов. Нарботанный опыт научно-академического сотрудничества и по линии международных программ, и по линии прямого сотрудничества университетов, исследовательских центров и экспертно-аналитических структур даже в эпоху конфликта имеет шанс быть востребованным.

В новой посткризисной системе международных отношений необходимо четко определиться с целеполаганием и практическим результатом «региональной» повестки Совета государств Балтийского моря, «Северного измерения», ВАСАБ и ХЕЛКОМ: важнейшим вызовом станет преодоление выхолащивания сотрудничества между государствами при деполитизации и десекьюритизации (в так актуальном сейчас понимании Б. Бузана и О. Вэвера) двусторонней проблематики

и внутривосточной повестки в странах региона. Это означает, что построение (восстановление, новое проектирование) устойчивых кооперационных связей будет возможно только при очевидной результативности и взаимной выгоде взаимодействия: общий дискурс восстановления добрососедства и использования опыта кооперации должен будет подкрепляться конкретными межгосударственными проектами, предметом которых станут общие вопросы для всего Балтийского региона: разрешение экологических проблем и природоохранная проблематика в целом, промысел и воспроизводство живых ресурсов Балтийского моря, сохранение общего историко-культурного наследия (в кооперационном контексте), развитие научно-образовательного сотрудничества на площадках региональных университетов с особым акцентом на изучение культуры и языка непосредственных соседей.

Представляется, что среди кооперационных сетей именно «Северное измерение» имеет наибольший потенциал восстановления взаимодействия в период формирования постконфликтной региональной модели международных отношений по причинам наличия разнообразной неполитической повестки, результативного опыта сотрудничества с Россией, сохранившихся личных контактов участников экспертных групп. Возобновление сотрудничества в рамках Совета государств Балтийского моря в постконфликтную эпоху могло бы опираться на российские предложения 2020 г. по комплексу мер для его укрепления, включая предложение о разработке нового стратегического документа, который определил бы цели и задачи взаимодействия России с остальными странами СГБМ до 2030 г.¹

Учитывая накопленный во всех странах региона опыт построения кооперационных сетей, сохранивших прямые связи участников политических, академических и общественных проектов и инициатив двустороннего и многостороннего характера, наличие общих интересов государств в сфере экологии и экономики, можно предположить, что исследователи смогут описывать постконфликтную модель международных отношений в регионе Балтийского моря не в категориях противостояния и «прохладной войны», а кооперации и «прохладного мира».

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, №1, с. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
2. Федоров, Г. М., Зотов, С. Ю., Кузнецова, Т. Ю., Часовский, В. И. 2016, Балтийский регион: состав территории и внутренняя структура, *Региональные исследования*, № 2, с. 113—121. EDN: WHTRIV
3. Воскресенский, А. Д. 2012, Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях, *Сравнительная политика*, т. 3, № 2, с. 30—58, [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58)
4. Koagne Zouapet, A. 2024, States and Regional International Organizations, *International Organizations Law Review*, vol. 21, № 1, p. 147—167, <https://doi.org/10.1163/15723747-21010008>

¹ Выступление и ответы на вопросы главы МИД России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Совета государств Балтийского моря, 21.05.2020, *Министерство иностранных дел Российской Федерации*, URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1433275 (дата обращения: 17.10.2024).

5. DeBardeleben, J., Nechiporuk, D. 2018, Diverging views of EU-Russian borders: points of congruence and difference in EU and Russian analyses, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, № 2, p. 196—207, <https://doi.org/10.1080/14782804.2018.1534727>
6. Joenniemi, P. (ed.). 1993, *Cooperation in the Baltic Sea Region*, London, Taylor & Francis.
7. Christiansen, T. A. 1997, European Meso-Region? European Union Perspectives on the Baltic Sea Region, in: Joenniemi, P. (ed.), *Neo-Nationalism or Regionality. The restructuring of Political Space Around the Baltic Rim*, NordREFO: Nordiskt Institut för Regionalpolitisk Forskning, Stockholm, p. 254—292.
8. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. de. 1998, *Security: a New Framework for Analysis*, Boulder, London, Lynnie Rienner.
9. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press.
10. Tassinari, F. 2005, The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood, *Journal of Baltic Studies*, vol. 36, № 4, p. 387—407, <https://doi.org/10.1080/01629770500000171>
11. Rokiciński, J. 2006, Zagrożenia asymetryczne w regionie bałtyckim, Bel Studio, Warszawa.
12. Szubrycht, T. 2010, Bałtyckie wymiary bezpieczeństwa, Akademia Marynarki Wojennej, Gdynia.
13. Kaunert, C., de Deus Pereira, J. 2023, EU Eastern Partnership, Ontological Security and EU-Ukraine/Russian warfare, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, № 4, p. 1135—1146, <https://doi.org/10.1080/14782804.2023.2183182>
14. Федоров, Г. М., Корнеевец, В. С. 2015, Социально-экономическая типологизация при-морских регионов России, *Балтийский регион*, № 4, с. 121—134, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-7>
15. Межевич, Н. М., Кретьинин, Г. В., Федоров, Г. М. 2016, К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 8, № 3, с. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-1>
16. Федоров, Г. М. 2018, Российская Федерация в Балтийском регионе: политические отношения и экономическое развитие в 1992—2017 гг., *Полис. Политические исследования*, № 3, с. 30—41, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.03>
17. Хлопецкий, А. П., Федоров, Г. М. 2000, Калининградская область: регион сотрудничества : монография, Калининград, Изд-во Янтарный сказ.
18. Худoley, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
19. Худoley, К. К. 2020, Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? , *Россия в глобальной политике*, т. 18, № 6 (106), с. 10—22. EDN: XOTGBL
20. Новикова, И. Н., Попов, Д. И. 2021, Внешнеэкономическое сотрудничество Санкт-Петербурга с Данией в XXI веке: основные тенденции, проблемы и перспективы, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 14, № 1, с. 41—70, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.103>
21. Попов, Д. И., Новикова, И. Н. 2023, Внешнеэкономические связи Санкт-Петербурга и Финляндии в период пандемии COVID-19: вызовы и перспективы, *Россия в глобальном мире*, т. 26, № 2, с. 48—64, <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.2.4>
22. Gänzle, S. 2017, Macro-regional strategies of the European Union, Russia and multilevel governance in northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, № 4, p. 397—406, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305201>
23. Пальмовский, Т., Тарковский, М. 2018, Сотрудничество стран региона Балтийского моря в области морского пространственного планирования, *Балтийский регион*, т. 10, № 2, с. 100—113, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-7>
24. Chilla, T., Gänzle, S., Sielker, F., Stead, D. 2017, Macro-regional strategies of the European Union: a new research agenda, in: Trondal, J. (ed.), *The Rise of Common Political Order*, Edward Elgar Publishing, <https://doi.org/10.4337/9781786435002.00015>
25. Aaviksoo, J. 2002, University Co-operation in the Baltic Sea Region, in: Henningsen, B. (ed.), *Towards a Knowledgebased Society in the Baltic Sea Region*, Berlin, p. 75—79.

26. Musiał, K. 2002, *Education, research and the Baltic Sea Region Building*, in: Musiał, K. (ed.), *Approaching Knowledge Society in the Baltic Sea Region*, Gdansk, Berlin, p. 42—60.
27. Gänzle, S., Kern, K., Tynkkynen, N. 2022, *Governing the Baltic Sea Region at critical junctures (1991—2021): How do transnational and intergovernmental organizations cope with external regional change?*, *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, № 3, p. 421—442, <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2140356>
28. Piirimäe, K. 2024, *A nearly perfect marathon: the United States and the Baltic states' accession to NATO*, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 651—669, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2370586>
29. Linsenmaier, T. 2024, *The United States and the entry of the Baltic states into international society: insights from the case of Estonia*, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 631—649, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2361096>
30. Смирнов, П. Е. 2023, *Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе*, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 42—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
31. Чихачев, А. Ю. 2023, *Стратегия Франции в регионе Балтийского моря: военно-политические аспекты*, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

Об авторе

Игорь Игоревич Жуковский, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: igor@izhukovski.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE MODEL OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BALTIC SEA REGION: POLITICAL SHIFTS AND CURRENT CHALLENGES

I. I. Zhukovsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 04 September 2024
Accepted 25 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-7
© Zhukovsky, I. I., 2024

The demise of the USSR and the revision of the Yalta-Potsdam system of international relations led to tectonic changes in the Baltic Sea region: it became apparent that the northern flank, once the most likely battleground between the North Atlantic Alliance and the Warsaw Pact, had a historical opportunity to transform into a region of intensive political, economic, educational and cultural interaction. Under these circumstances, the construction of a new

regional system of international relations unfolded at the turn of the 20th and 21st centuries. This article examines the evolution of the regional model of international relations, from a 'cohesion region' to a modern 'conflict region', through the analysis of the dynamics of regional cooperation networks amidst the crisis in the international system and politics. The study builds on the tradition of historical and political analysis of regions as agents in the international relations system, drawing on relevant documents and materials from international organisations, foreign ministries and other authorities of the Baltic Sea region states. The final part of the research emphasises the need for experts to search for a post-conflict regional agenda, with some proposals outlined.

Keywords:

Russia, Baltic Sea region, NATO, European Union, regional networks, political dynamics

References

1. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 141—158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
2. Fedorov, G.M., Zotov, S. Yu., Kuznetsova, T. Yu., Chasovsky, V.I. 2016, Baltic Region: its composition and inner structure, *Regional Studies*, №2, p. 113—121. EDN: WHTRIV (in Russ.).
3. Voskressenski, A. D. 2012, Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary IR, *Comparative Politics Russia*, vol. 3, №2, p. 30—58, [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58) (in Russ.).
4. Koagne Zouapet, A. 2024, States and Regional International Organizations, *International Organizations Law Review*, vol. 21, №1, p. 147—167, <https://doi.org/10.1163/15723747-21010008>
5. DeBardeleben, J., Nechiporuk, D. 2018, Diverging views of EU-Russian borders: points of congruence and difference in EU and Russian analyses, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, №2, p. 196—207, <https://doi.org/10.1080/14782804.2018.1534727>
6. Joenniemi, P. (ed.). 1993, *Cooperation in the Baltic Sea Region*, London, Taylor & Francis.
7. Christiansen, T. A. 1997, European Meso-Region? European Union Perspectives on the Baltic Sea Region, in: Joenniemi, P. (ed.), *Neo-Nationalism or Regionality. The restructuring of Political Space Around the Baltic Rim*, NordREFO: Nordiskt Institut för Regionalpolitisk Forskning, Stockholm, p. 254—292.
8. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. de. 1998, *Security: a New Framework for Analysis*, Boulder, London, Lynnie Rienner.
9. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press.
10. Tassinari, F. 2005, The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood, *Journal of Baltic Studies*, vol. 36, №4, p. 387—407, <https://doi.org/10.1080/01629770500000171>
11. Rokiciński, J. 2006, Zagrożenia asymetryczne w regionie bałtyckim, Bel Studio, Warszawa.
12. Szubrycht, T. 2010, Bałtyckie wymiary bezpieczeństwa, Akademia Marynarki Wojennej, Gdynia.
13. Kaunert, C., de Deus Pereira, J. 2023, EU Eastern Partnership, Ontological Security and EU-Ukraine/Russian warfare, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, №4, p. 1135—1146, <https://doi.org/10.1080/14782804.2023.2183182>
14. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Baltic Region*, №4, p. 121—134, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-7>
15. Mezhevich, N.M., Kretinin, G.V., Fedorov, G.M. 2016, Economic and geographical structure of the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 8, №3, p. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-1>
16. Fedorov, G.M. 2018, Russian Federation in the Baltic Region: Political Relations and Economic Development in 1992—2017, *Polis. Political Studies*, №3, p. 30—41, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.03> (in Russ.).

17. Chlopetskiy, A. P., Fedorov, G. M. 2000, Kaliningrad Region: Region of Cooperation, Kaliningrad, Yantarny Skaz Publishing House (in Russ.).
18. Khudoley, K. K., Lanko, D. A. 2019, Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe, *MEMO Journal*, vol. 63, № 3, p. 13–20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
19. Khudoley, K. K. 2020, Russia and the west: second cold war or first cool war?, *Russia in Global Affairs*, vol. 18, № 6 (106), p. 10–22. EDN: XOTGBL (in Russ.).
20. Novikova, I., Popov, D. 2021, Foreign economic cooperation between St. Petersburg and Denmark in the 21st century: Main trends, problems, prospects, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, № 1, p. 41–70, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.103> (in Russ.).
21. Popov, D. I., Novikova, I. N. 2023, The Foreign Economic Relations of St. Petersburg and Finland During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Prospects, Russia in the Global World, vol. 26, № 2, p. 48–64, <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.2.4> (in Russ.).
22. Gänzle, S. 2017, Macro-regional strategies of the European Union, Russia and multilevel governance in northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, № 4, p. 397–406, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305201>
23. Palmowski, T. T., Tarkowski, M. M. 2018. Baltic cooperation in marine spatial planning, *Baltic Region*, vol. 10, № 2, p. 100–113, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-7>
24. Chilla, T., Gänzle, S., Sielker, F., Stead, D. 2017, Macro-regional strategies of the European Union: a new research agenda, in: Trondal, J. (ed.), *The Rise of Common Political Order*, Edward Elgar Publishing, <https://doi.org/10.4337/9781786435002.00015>
25. Aaviksoo, J. 2002, University Co-operation in the Baltic Sea Region, in: Henningsen, B. (ed.), *Towards a Knowledgebased Society in the Baltic Sea Region*, Berlin, p. 75–79.
26. Musiał, K., 2002, *Education, research and the Baltic Sea Region Building*, in: Musiał, K. (ed.), *Approaching Knowledge Society in the Baltic Sea Region*. Gdansk, Berlin, p. 42–60.
27. Gänzle, S., Kern, K., Tynkkynen, N. 2022, Governing the Baltic Sea Region at critical junctures (1991–2021): How do transnational and intergovernmental organizations cope with external regional change? *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, № 3, p. 421–442, <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2140356>
28. Piirimäe, K. 2024, A nearly perfect marathon: the United States and the Baltic states' accession to NATO, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 651–669, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2370586>
29. Linsenmaier, T. 2024, The United States and the entry of the Baltic states into international society: insights from the case of Estonia, *Journal of Baltic Studies*, vol. 55, № 3, p. 631–649, <https://doi.org/10.1080/01629778.2024.2361096>
30. Smirnov, P. Ye. 2023, The accession of Finland and Sweden to NATO: geopolitical implications for Russia's position in the Baltic Sea region, *Baltic Region*, vol. 15, № 4, p. 42–61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
31. Chikhachev, A. Yu. 2023. France's strategy in the Baltic region: military and political aspects, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 4–17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-1>

The author

Dr Igor I. Zhukovsky, Associate Professor, Senior Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: igor@izhukovski.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

ЭКСКЛАВНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

МИГРАЦИОННАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРИБРЕЖНЫХ ЭКСКЛАВОВ МИРА

А. В. Лялина

А. П. Плотникова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Принята к публикации 03.09.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-8

© Лялина А. В., Плотникова А. П., 2024

Большой вклад в изучение миграции населения в эксклавной Калининградской области и факторов, влияющих на нее, внес проф. Г. М. Федоров, рассматривающий миграционное движение в качестве демографической категории геодемографической обстановки. Им впервые был подчеркнут особый характер протекания миграционных процессов в регионе, обусловленный во многом его особым экономико-географическим положением и историческими предпосылками. В данной статье анализируется специфика влияния эксклавного положения, заключающегося в пространственной удаленности эксклава от материнского государства, на миграционную ситуацию тринадцати прибрежных эксклавов мира (кроме военных баз и незаселенных территорий). Они расположены в разных частях света и характеризуются различными природно-климатическими, экономическими и институциональными условиями, историческими и культурными особенностями развития социумов, по-разному преодолевают издержки пространственной обособленности. Это находит отражение в их миграционной привлекательности и, как следствие, в складывающейся миграционной ситуации. В исследовании впервые предпринята попытка типологизировать эксклавные территории с учетом миграционной ситуации в них. Для этого проведено сравнение эксклавов с помощью показателей, характеризующих миграцию населения и ее роль в воспроизводстве населения, транспортную связанность с материнским и соседними государствами, природные и социально-экономические условия развития регионов в 2017–2022 гг. Результатом стала типология прибрежных эксклавов по характеру протекания миграционных процессов. К миграционно непривлекательным отнесены эксклавы, развивающиеся в суровых природно-климатических условиях (Аляска) и условиях экстремально высоких температур, со слабо развитой экономикой (Окуси-Амбено, Тембуронг, Французская Гвиана), а также густонаселенные эксклавы с высокой нагрузкой со стороны беженцев (Сеута и Мелилья). Миграционно привлекательные эксклавы — это экономически благополучные регионы, использующие выгоды своего приморского положения (Калининградская область и Крым), и специализирующиеся на добыче нефти и газа Кабинда и Мусандам. К третьему типу отнесены наиболее густонаселенный эксклав Гибралтар и высоко развитые Дубровник и Северная Ирландия, где миграция практически не оказывает влияния на воспроизводство населения.

Ключевые слова:

миграция, эксклавность, прибрежный эксклав, приморское положение, приграничность, Калининградская область

Для цитирования: Лялина А. В., Плотникова А. П. Миграционная типология прибрежных эксклавов мира // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 4. С. 161–185. doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-8

Введение

Происходящие глобальные геополитические и геоэкономические изменения в значительной степени сказываются на миграционной привлекательности и, как следствие, миграционной ситуации в самом западном регионе Российской Федерации (РФ) — Калининградском прибрежном эксклаве. Регион на протяжении XXI в. постепенно наращивал интенсивность сальдо миграции, укрепляя свои позиции в качестве региона притяжения мигрантов как из стран СНГ, так и из регионов РФ. К 2021 г. регион вошел в пятерку лидеров среди всех субъектов РФ по коэффициенту сальдо миграции. Однако в 2022 г. миграционная ситуация изменилась коренным образом — прирост сократился более, чем в 2 раза, в 2023 г. он достиг минимума с 2011 г. — 6,0%¹. Такие изменения, очевидно, стали отражением снижения миграционной привлекательности области, с одной стороны, и изменения факторов миграции жителей России — с другой. Нарастание экономической и военно-политической напряженности в отношениях с соседними странами — участницами блока НАТО (Литвой и Польшей), введение ограничений на пассажирский и грузовой транзит по территории Литвы обусловили риски «блокады» региона и сказались на ухудшении социально-экономической обстановки. В целом ухудшение экономической ситуации в стране в 2022 г., расслоение общества по политическим причинам отразились на усилении экономических и политических факторов миграции и ослаблении факторов, связанных с улучшением качества жизни населения. Таким образом, традиционные факторы притяжения мигрантов в Калининградский эксклав — природно-климатические условия и экология, возможности путешествий по Европе для мигрантов из других регионов РФ и возможности трудоустройства для большинства мигрантов из стран СНГ — значительно ослабили свою актуальность. Напротив, экономические факторы выталкивания населения из эксклава усилили свое влияние. Следствием стало не только снижение притока мигрантов из стран СНГ, но главным образом сокращение притока мигрантов из других регионов РФ и рост оттока. Таким образом, старые и новые факторы миграции во многом являются отражением особого экономико-географического положения (ЭГП) региона.

Произошедшие изменения в Калининградском эксклаве РФ подтолкнули нас к изучению влияния эксклавноности на миграционные процессы в других прибрежных эксклавах.

Специфические черты прибрежных эксклавов, заключающиеся в их пространственной обособленности от материнского государства, приграничности и приморском положении, позволяют нам сформулировать гипотезы возможных сценариев развития миграционных процессов в них. Сценарий 1: замкнутость миграционных процессов, когда преобладают миграционные потоки внутри эксклава. Сценарий 2: превалирование международной миграции над межрегиональной по причине хозяйственного ориентирования на внешнеэкономическое взаимодействие или по иным гуманитарным причинам (исторически обусловленной этнической или культурной близости проживающих народов, например). Сценарий 3: превалирование межрегиональной миграции над внешней вопреки территориальной оторванности и в целях укрепления пространственной связности эксклава с материнским государством. Сценарий 4: одновременно высокая вовлеченность в миграционное взаимодействие как с материнским, так и с окружающими государствами вследствие развития экономики эксклава по модели «коридора развития».

¹ Миграция населения Калининградской области, *Калининградстат*, URL: <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграция-12.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

Таким образом, цель статьи заключается в выявлении специфики влияния эксклавности на миграционные процессы. В ходе исследования решались следующие задачи: а) анализ отечественных и зарубежных работ, посвященных изучению миграционных процессов в условиях прибрежного положения, приграничности и эксклавности с целью выявления специфики влияния эксклавности на миграционные процессы; б) типологизация прибрежных эксклавов по характеру миграционной ситуации на основе авторской методики; в) выявление типичных черт развития миграционных процессов в прибрежных эксклавах.

Теоретический обзор

В политической географии под термином «эксклав» принято понимать часть территории государства, окруженную чужими по отношению к территории своего государства территориями [1]. При этом прибрежным считается тот эксклав, который имеет выход к морю. Согласно Ю.М. Звереву, островные эксклавы к прибрежным эксклавам не относятся [2, с. 21]. Вопросы генезиса и истории эксклавов довольно тщательно изучаются. Разработаны классификации эксклавов по правовому статусу, численности населения, происхождению, наличию выхода к морю, расстоянию до материнского государства, уровню доходов населения (относительно среднего показателя материнского и окружающих государств) [3].

Специфике развития прибрежных эксклавов посвящено не так много работ [2; 4]. По мнению Ю.М. Зверева, прибрежным эксклавом считается «отдельно расположенная часть территории страны, окруженная одним или несколькими иностранными государствами и имеющая выход к морю» [2, с. 21]. В работе [2] Ю.М. Зверев приводит классификации прибрежных эксклавов по таким критериям, как площадь территории, численность населения, юридический статус, количество окружающих стран, удаленность от материнского государства. Особенности протекания миграционных процессов в прибрежных эксклавах до сих пор оставались в стороне исследовательского интереса.

Главной чертой прибрежных эксклавов является их *пространственная обособленность, или оторванность от материнской территории*¹. Несмотря на высоко развитое транспортное воздушное сообщение, которое существенно сжимает пространство, расстояние все еще остается значимым фактором в миграциях населения [5]. И чем ближе эксклав расположен к материнской территории, тем выше вероятность более тесного миграционного взаимодействия. В то же время реализация политики по преодолению территориальных издержек обособленности (например, компенсация транспортных издержек) будет создавать условия для притяжения мигрантов. Кроме того, пространственная обособленность определяет «особый» (зачастую геостратегический) статус эксклавной территории и стратегию его развития: от «коридора развития», сопровождаемого интенсивным взаимодействием с соседними странами и, как следствие, высокой миграционной активностью, до форпорста, для которого устанавливается специальный режим, ограничивающий миграционные перемещения.

Редкие исследования, проводимые на примере отдельных эксклавов, выявляют влияние эксклавности на специфику обусловленных ею факторов притяжения и выталкивания [6]. Так, ИТ-специалисты, переехавшие в Калининградскую область, отмечали следующие факторы миграции, обусловленные эксклавностью региона: расширенное субсидируемое авиасообщение с городами России, издержки

¹ Материнское государство — государство, неотъемлемой частью которого является эксклавное образование.

территориальной оторванности (например, необходимость оформления визы для сухопутного транзита через территории сопредельных стран), более динамичное развитие региона вследствие федеральной поддержки [6]. В то же время связанная с эксклавностью высокая импортозависимость и зависимость региона от транзита сегодня (в условиях санкционных ограничений) выступает серьезной проблемой на пути социального и экономического развития области [7]. Она определяет более острую реакцию региона на кризисные явления (в пандемию COVID-19, после начала СВО России на Украине в 2022 г.), выраженную в более сильном снижении уровня и качества жизни в регионе относительно других территорий России, что снижает привлекательность области для мигрантов и создает условия для оттока населения [7].

Другой особенностью эксклавов является *приграничность*, которая в одних случаях может сглаживать, компенсировать периферийность эксклава, выступать фактором развития региона и обуславливать его миграционную привлекательность, а в других — усиливать периферийность и выступать фактором выталкивания для местного населения [8]. Это зависит, в частности, от типа границ, соотношения их контактной, барьерной и фильтрующей функций. Контактные границы при наличии градиентов межстранового соседства способствуют развитию трансграничной трудовой и экономической (челночной), образовательной миграции [9—12] и одновременно повышают привлекательность эксклава среди внутренних мигрантов [13; 14]. Недоиспользование потенциала контактной функции границы для экономического развития зачастую превращает регионы в «буферные зоны» транзитной миграции по направлению более экономически развитых регионов материнского государства или сопредельных стран [15—17]. Другим следствием может стать замещение местного населения вследствие его оттока вновь прибывшим [15]. В случае с закрытыми границами, которые зачастую являются следствием конфликтогенности этих территорий, приграничное положение будет способствовать дезинтеграции, ослаблению социально-экономического уровня жизни и углублению периферийности. В то же время на примере Гвианы и Суринама [18] исследователи показывают, что даже в условиях закрытых границ эмиграция может возрастать прежде всего по причине смены политических режимов.

Пространственная обособленность и приграничность влияют и на самосознание населения, проживающего на территории эксклава, определяя его социокультурную и территориальную идентичность на стыке самоидентификации себя как части региона, материнской страны и окружающих государств¹, что создает миграционную подвижность населения [19].

Приморское положение прибрежных эксклавов влияет на миграционные процессы через «морскую» специфику хозяйственного развития, что в том числе привлекает профильных специалистов из-за пределов региона, создает дополнительные возможности для социально-экономического роста, что также увеличивает их привлекательность для мигрантов [20]. Выход к морю также дает возможности развития дополнительных транспортных коридоров, а значит, позволяет повысить транспортную доступность территории для мигрантов. Рыболовство способствует продовольственному обеспечению населения, а талассоаттрактивность стимулирует миграцию как образ жизни (с англ. *lifestyle migration*) [21—23]. С другой сто-

¹ Окружающее государство — государство, которое полностью или частично окружает анклавное образование другого государства.

роны, в неблагоприятных климатических условиях приморское положение может быть ассоциировано с рисками подтопления, что формирует факторы миграционного выталкивания [24].

Таким образом, перечисленные особенности ЭГП прибрежных эксклавов влияют на миграционные процессы скорее не напрямую, а опосредованно, через формирование условий их социально-экономического развития и изменение структуры населения. В этой связи учет их воздействия на миграционные процессы в прибрежных эксклавах осложнен не только опосредованностью этого влияния, но также подверженностью миграции населения воздействию других факторов. К числу таковых исследователи относят факторы, описывающие условия естественной и социальной среды, окружающей человека (например, географические, природные, социально-экономические) и структурные факторы, характеризующие состав населения, вовлеченного в миграционные процессы (например, демографические, этнические, генезисные, профессиональные, образовательные) [25, с. 54—55]. Они могут как выталкивать мигрантов, так и притягивать их.

Выявлению факторов миграции населения в разнородных территориальных единицах зачастую предшествует их типологизация. Она позволяет разделить территории на отдельные однородные группы и провести качественный анализ внутри каждой группы [26]. В типологиях, характеризующих территории по уровню и динамике вовлеченности в миграционные процессы, чаще всего используются абсолютные и относительные показатели сальдо и валовой миграции, число прибывших и выбывших, результативность миграции¹ [26—29]. В целях типологизации территорий по уровню миграционной активности и приживаемости населения могут применяться такие показатели, как доля мигрантов в населении² [30], структура мигрантов по срокам проживания в регионе вселения [31]. Интерес представляет также типология региональных столиц России по соотношению естественного и миграционного прироста / убыли населения, которая отражает роль миграции в воспроизводстве населения [32].

В типологиях, учитывающих условия протекания миграционных процессов, дополнительно применяются показатели, характеризующие общую демографическую ситуацию, состояние рынка труда и занятости, систему образования, социально-экономическое положение и уровень жизни населения, состояние общественной безопасности в регионе [28]. Для учета специфики ЭГП используются показатели, характеризующие функцию границы (например, количество стран, с которыми граничит регион, количество пунктов пропуска через государственную границу [33]), природно-климатические условия (средняя температура января [28]), размещение населения (уровень урбанизации [28], близость к большим городам³).

Таким образом, имеющиеся методики типологизации территорий не отвечают цели настоящего исследования, поскольку не позволяют в полной мере выявить влияние интересующих нас особенностей прибрежных эксклавов на миграционную обстановку. В то же время такие показатели, как сальдо миграции, доля мигрантов в населении, средняя температура воздуха, уровень урбанизации, проде-

¹ Peck, B. 2021, *Understanding US Regions through Cluster Analysis*, *Medium*, URL: <https://medium.com/geekculture/understanding-us-regions-through-cluster-analysis-4ab87472b899> (дата обращения: 23.04.2024).

² OECD, 2022, *The Contribution of Migration to Regional Development*, OECD Regional Development Studies, OECD Publishing, Paris.

³ OECD, 2022, *The Contribution of Migration to Regional Development*, OECD Regional Development Studies, OECD Publishing, Paris.

монстрировали свою надежность и эффективность для проведения миграционной типологизации. Целесообразным также представляется использовать широко применимые показатели, характеризующие условия развития эксклавов — площадь территории, удаленность от материнского государства, а также соотношение доходов населения эксклава со средними показателями материнского и окружающих государств. С учетом этого для целей данного исследования предлагается разработать собственную методику, учитывающую, с одной стороны, накопленный опыт типологизации эксклавов, с другой — доступность статистических данных для территорий разных стран.

Методы и материалы

По данным на начало 2022 г., в мире насчитывалось 18 прибрежных эксклавов [2]. Шесть из них расположены в неблагоприятных природно-климатических условиях. Округ Брунея Тембуронг и округ Восточного Тимора Окуси-Амбено расположены в зоне экваториального климата, заморский регион Франции Гвиана — субэкваториального. Для них характерны высокие среднегодовые температуры ($> 26^{\circ}\text{C}$) и обильные осадки. Температура воздуха в мухафазе Омана Мусандам и провинции Анголы Кабинда также выше 26°C , но климат засушливый тропический. Большая часть территории штата США Аляска расположена в субарктическом климате и частично — в арктическом. Это напрямую влияет как на экономическое развитие данных территорий, в том числе их морехозяйственную активность, так и на миграционную подвижность населения. Кроме того, некоторые эксклавы являются суверенными военными базами (например, заморские территории Великобритании Акротири и Декелия), что не предполагает миграцию гражданского населения. К числу прибрежных эксклавов относятся как обширнейший по занимаемой им площади штат Аляска (1718 тыс. км²), так и весьма компактные и высокоурбанизированные пространства (например, заморская территория Великобритании Гибралтар, суверенные территории Испании Сеута и Мелилья). Это накладывает ограничения на миграционную емкость территорий, а в некоторых случаях определяет отсутствие гражданского населения вовсе (например, район Турции Коккина). Отличается и удаленность прибрежных эксклавов от своих материнских территорий: в то время как две трети расположены на расстоянии до 150 км, два эксклава удалены на 300—900 км (Калининградская область РФ и Аляска), еще четыре — более 1000 км (Гибралтар, Акротири и Декелия, Французская Гвиана). При этом 12 эксклавов входят в состав стран глобального Севера, то есть характеризуются высоким уровнем экономического развития, однако некоторые из них расположены на глобальном Юге, что определяет их соседство с менее развитыми государствами (например, Французская Гвиана).

Исследование построено на концептуальных положениях теории эксклавно-сти, приграничности и талассоаттрактивности. Основу составили методы, традиционно используемые в миграционных исследованиях. Статистические методы применялись на этапе сбора и расчета требуемых для анализа показателей. На следующем этапе было осуществлено сравнение рассматриваемых территорий и их типологизация. С целью выявления роли отдельных особенностей ЭГП на миграционную ситуацию применялись критерии и показатели, представленные на рисунке 1. Дополнительно при разработке типологии учитывались природно-климатические условия, уровень социально-экономического развития региона, размещение населения, особые режимы благоприятствования хозяйственной деятельности и транспортной связности эксклава с материнским государством.

Невозможностью учесть влияние всех возможных факторов (в том числе ввиду отсутствия данных в открытом доступе) объясняется исключение из анализа таких факторов, как государственная миграционная политика, гендерная и возрастная структура населения.

Миграционная типология прибрежных эксклавов мира разрабатывалась для 13 эксклавов по данным за 2017—2022 гг. Из анализа исключены военные базы (Акротири, Декелия, Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера) и электростанция Декелия, а также Коккина, где отсутствует гражданское население. При этом в типологию включен российский эксклав Республика Крым, с 2022 г. переставший считаться таковым вследствие вхождения в состав РФ новых регионов¹, через территорию которых осуществляется прямое сухопутное сообщение с материнской территорией. Включение Крыма в состав типологии обосновано его эксклавым положением на протяжении практически всего рассматриваемого периода.

Информационную базу для исследования составили данные национальных и региональных статистических служб эксклавов. Для оценки транспортной связности эксклавов с материнским государством и окружающими странами использовались данные портала для планирования путешествий Rome2Rio и портала отслеживания перелетов Flightradar24. Источником демографических данных стали база данных Всемирного банка, база данных о населении ООН, платформа данных Statista, справочный веб-портал Worldometer, портал геоданных о населении Thomas Brinkhoff: City Population.

Для анализа экономической специализации эксклавов, режимов благоприятствования хозяйственной деятельности и транспортной доступности использовались данные порталов государственных органов власти материнских стран и самих эксклавов, а также тематические отчеты профильных организаций по экономическому и отраслевому развитию (например, Всемирного банка). Для сопоставления уровня социального развития эксклавов применялись данные Субрегионального индекса развития человеческого потенциала (SHDI, Subnational Human Development Index). Для Калининградской области РФ взяты средние значения по Северо-Западному федеральному округу (СЗФО) РФ, для Республики Крым — по Южному федеральному округу (ЮФО) РФ, которые, на наш взгляд, лучше отражают ситуацию в регионах, чем средние значения по РФ. При этом данные по СЗФО РФ превышают средние значения по стране (101 %), а по ЮФО РФ отстают от них (97 %).

Источником данных о среднегодовой температуре и осадках стал поисковик климатических данных Weather and Climate: The Global Historical Weather and Climate Data.

Выявленные типы и подтипы прибрежных эксклавов описаны с позиций обусловленности миграционной ситуации пространственной обособленностью, прибрежным и приграничным положением.

Некоторые данные сопоставимы только отчасти. Например, миграционную статистику в Великобритании и США собирают преимущественно по состоянию на середину года, в остальных регионах — по состоянию на начало года. Для ряда эксклавов (Мусандам, Кабинда, Окуси-Амбено) миграционные показатели в открытом доступе не публикуются, для них были рассчитаны оценочные значения через показатели естественного движения населения. Также стоит учитывать, что

¹ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ, Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ.

методика расчета миграционных показателей не унифицирована¹, а в некоторых странах учет миграции населения не в полной мере надежен (например, в Анголе, Восточном Тиморе).

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ
Блок критериев А: миграционная обстановка А1. Миграция в воспроизводство населения: • отношение суммарного сальдо миграции к естественному приросту / убыли населения* А2. Роль региона в миграционных процессах: • коэффициент сальдо миграции, % А3. Вовлеченность в миграционные процессы: • коэффициент миграционного оборота, % А4. Результативность миграции: • отношение сальдо миграции к миграционному обороту	Блок критериев Д: социально-экономическое развитие Д1. Уровень экономического развития • ВРП/ВВП на душу населения материнского государства Д2. Уровень социального развития • Индекс человеческого развития (Subnational Human Development Index (SHDI))* (ед.) Блок критериев Е: природно-климатические условия Е1. Температурный режим: • среднегодовая температура, °С Е2. Режим осадков: • среднеемесячное количество осадков, мм Блок критериев Ж: размещение населения Ж1. Соотношение сельского и городского населения: • уровень урбанизации, % Ж2. Освоенность территории: • плотность населения, чел. на км ² Ж3. Размер территории: • площадь территории, км ² Блок критериев З: особый режим хозяйствования и транспортной доступности З1. Содействие транспортной доступности: • наличие (+/-) субсидируемого транспортного сообщения с материнским государством, упрощенных режимов транзита через территорию окружающих стран З2. Благоприятствование хозяйственной деятельности: • наличие (+/-) режимов льготного налогообложения (ОЭЗ, СЭЗ, порто-франко и др.)
Блок критериев Б: пространственная обособленность Б1. Удаленность от материнской территории • расстояние по прямой, км Б2. Транспортная доступность материнского государства: • наличие (+/-) пассажирского транспортного сообщения	Примечание: * — знак показателя отражает знак сальдо миграции; ВРП — валовой региональный продукт, ВВП — валовой внутренний продукт, ВМС — военно-морские силы, ОЭЗ — особая экономическая зона, СЭЗ — свободная экономическая зона
Блок критериев В: приграничность В1. Градиент экономического развития с окружающими странами: • ВРП/ВВП на душу населения окружающих государств В2. Транспортная доступность окружающих стран: • Наличие (+/-) пассажирского транспортного сообщения	
Блок критериев Г: приморское положение Морехозяйственная активность. Наличие: Г1. Расположен морской порт и логистика. Г2. Ведется добыча нефти и газа на шельфе. Г3. Ведется добыча морских биоресурсов. Г4. Осуществляются «приморские» рекреация и туризм. Г5. Судостроение и судоремонт. Г6. Расположены ВМС. Г7. Функционирует «приморская» промышленность. Г8. Комфортное расселение в приморских зонах	

Рис. 1. Критерии и показатели миграционной типологии прибрежных эксклавов мира

Результаты

Распределение прибрежных эксклавов мира по показателям вклада миграции в воспроизводство населения (отношение сальдо миграции к естественному приросту / убыли населения) и удаленности от материнского государства, площади территории и климатических условий, а также по уровню экономического развития показало несколько особенностей. Во-первых, только в трех прибрежных эксклавах миграция играет ведущую роль в воспроизводстве населения — в Калининградской области она отвечает за рост численности населения, многократно превышая естественную убыль населения, в Тембуронге и Сеуте определяет сокращение численности населения (рис. 2). Еще в двух эксклавах — Аляске и Мусандаме — она незначительно превышает естественный прирост. Во-вторых, неблагоприятная миграционная ситуация присуща эксклавам с суровыми природно-климатическими условиями. Единственными исключениями здесь являются Мусандам и Кабинда. В-третьих, миграционная убыль населения также характерна для небольших по площади территории эксклавов, то есть имеющих явно ограниченную миграционную емкость территории. В-четвертых, в число эксклавов с отрицательным сальдо миграции вошли три наиболее удаленных от материнской территории — Французская Гвиана, Гибралтар и Аляска. В-пятых, в эксклавах

¹ В то время как, согласно Международной организации по миграции, долгосрочным мигрантом считается лицо, устанавливающее вид на жительство в другой стране на срок не менее года, в России с 2011 г. этот срок считается с 9 месяцев.

с миграционной убылью населения уровень экономического развития в среднем выше (в 3 раза), чем у тех, где наблюдается миграционный прирост. Это позволяет предположить, что влияние данного фактора на миграционные процессы является вторичным.

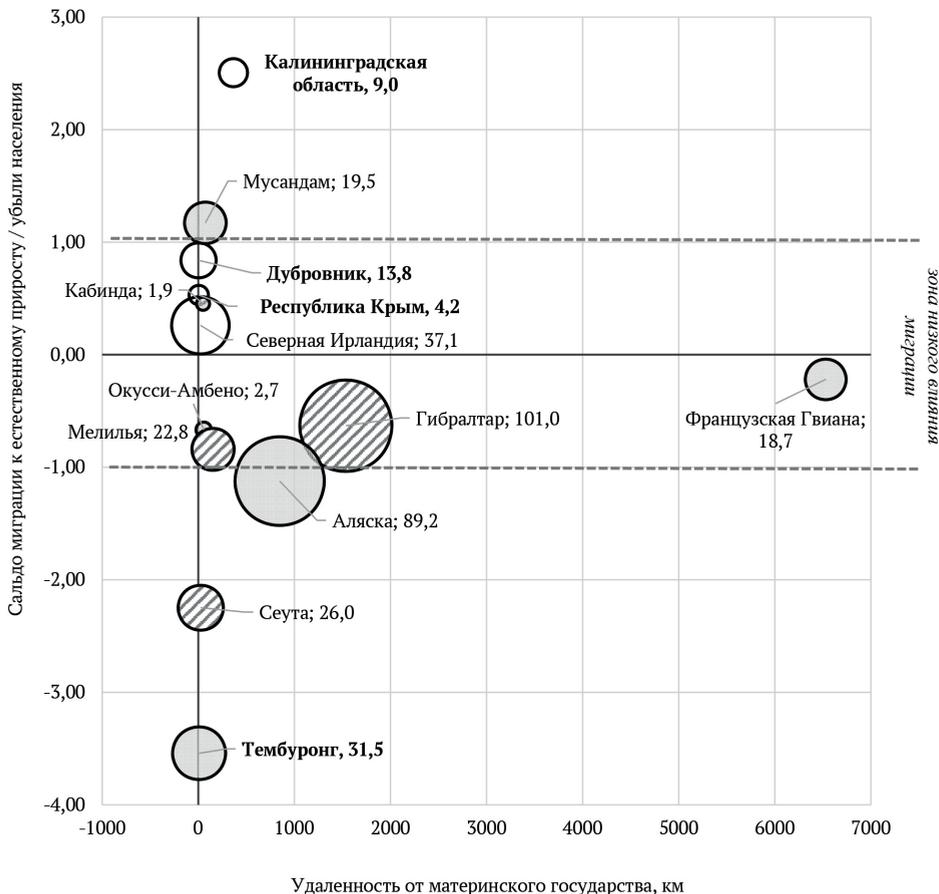

Рис. 2. Распределение прибрежных эксклавов мира по показателям воспроизводства населения и удаленности от материнского государства, площади территории и климатических условий, а также по уровню экономического развития

Примечание: размер круга и подпись соответствуют размеру ВРП (в текущих ценах) (по ППС), тыс. долл. США на душу населения. Для Тембуронга, Окуси-Амбено, Мусандама приведены среднестрановые значения. Штриховкой выделены эксклавы, площадь территории которых не превышает 20 км². Заливкой выделены эксклавы с неблагоприятными природно-климатическими условиями (расположенные в условиях экваториального, субэкваториального и тропического, субарктического климатов — по классификации Б. П. Алисова). Жирным шрифтом выделены эксклавы с естественной убылью населения.

Миграционная типология прибрежных эксклавов мира

По характеру протекания миграционных процессов прибрежные эксклавы мира можно отнести к трем типам — миграционно привлекательные (тип А), миграционно непривлекательные (тип Б) и миграционная периферия (тип В) (табл.).

Миграционная типология прибрежных эксклавов мира

Показатель	Тип А				Тип Б				Тип В					
	А1		А2		Б1		Б2		В1		В2			
	RU-KGD	OM-MU	RU-CRI	AO-CAB	ES-CE	US-AK	BN-TE	TL-OE	FR-GF	ES-ML	GIB-292	HR-19	GB-NIR	
A1	2,51	1,17	0,53	0,45	-2,25	-1,1	-3,54	-0,67	-0,2	-0,84	-0,63	0,84	0,26	
A2	10,75	15,93	3,63	8,46	-6,99	-7,12	-12,37	-12,54	-3,92	-5,71	-1,82	1,55	0,81	
A3	45,8	Н/д	48,1	Н/д	56,3	112,6	Н/д	Н/д	Н/д	73,6	Н/д	31,6	24,8	
A4	0,23	Н/д	0,08	Н/д	0,17	-0,07	Н/д	Н/д	Н/д	-0,15	Н/д	0,04	0,03	
B1	365	73	5	49	25	847	9	57	6530	153	1535	2	22	
B2	+ / + / +	+ / + / +	+ / + / +	+ / + / +	- / + / +	- / + / +	+ / - / +	+ / + / +	- / + / -	- / + / +	- / + / -	+ / + / +	- / + / +	- / + / +
B1	0,38-0,50	Н/д	0,86	Н/д	4,97	1,7	Н/д	Н/д	3,71	4,37	3,3	1,47-1,91	0,3	
B2	+ / - / -	+ / - / -	+ / + / +	+ / - / +	+ / - / -	+ / + / +	+ / - / -	+ / - / -	+ / + / +	+ / - / -	+ / + / -	+ / - / -	+ / - / +	
Г1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Г2	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	
Г3	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+	+	
Г4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Г5	+	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	
Г6	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	
Г7	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	
Г8	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
Д1	0,7	Н/д	0,3	Н/д	0,7	1,3	Н/д	Н/д	0,5	0,6	2,2	0,8	0,8	
Д2	0,85	0,83	0,81	0,69	0,85	0,93	0,83	0,54	0,79	0,85	0,93	0,87	0,9	
Е1	9,4	28,2	15,0	26,0	18,6	-2,0	28,4	27,7	27,5	19,6	18,0	16,0	9,9	
Е2	67	13	42	68	51	32	126	136	109	30	64	86	72	
Ж1	77	72*	51	87	100	80	6	21	90	100	100	100	65	
Ж2	67	27	73	115	4556	0	7	89	3	6437	5025	68	137	
Ж3	15125	1800	26081	7273	19	1717856	1306	817	83846	13	7	1781	13843	
З1	+	-	+	-	+	+	-	-	-	+	-	+	+	
З2	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+	+	-	+	

Примечание: * — оценка; кодирование регионов в соответствии с ГЕОКОД ISO 3166, код Республики Крым присвоен автором в логике ГОСТ 7.67.

К типу А отнесены эксклавы с суммарным миграционным приростом за рассматриваемый период. По степени его значимости для воспроизводства населения стоит различать подтипы А1 и А2. В подтип А1 вошли эксклавы, для которых миграция населения играет первостепенную роль в воспроизводстве населения. Это такие регионы, как Калининградская область с компенсирующей естественную убыль миграцией и Мусандам с дополняющей естественный прирост миграцией. К подтипу А2 отнесены Республика Крым и Кабинда — эксклавы, где миграция играет второстепенную роль, а за воспроизводство населения в существенной мере отвечает естественный прирост (Кабинда) или убыль (Крым) населения.

Калининградская область и Республика Крым, будучи значительно крупнее иных рассматриваемых эксклавов, характеризуются благоприятными природно-климатическими условиями, развитием морского хозяйства и высокой транспортной связностью с другими регионами РФ и странами. Здесь расположены международные аэропорты, морские порты и разветвленная сухопутная транспортная сеть, связывающая эксклавы с окружающими странами. В 2018—2022 гг. Крым был связан с другими регионами РФ по суше только по Керченскому мосту. При этом регионы характеризуются пониженным уровнем экономического развития относительно среднего уровня по РФ и соседним странам. Это может свидетельствовать о том, что эти регионы выбирают жители экономически менее развитых регионов РФ и стран (не соседних). Кроме того, широко популярна миграция по иным, не экономическим причинам (природно-климатическим, экологическим, историко-культурным). На снижение издержек пространственной обособленности российских эксклавов направлен целый ряд мер по субсидированию транспортного сообщения и стимулированию социально-экономического развития.

Мусандам и Кабинда отличаются от других эксклавов типа А высоким естественным приростом населения. Влияние неблагоприятных природно-климатических условий на миграционную обстановку здесь уступает место воздействию экономических факторов, связанных с нефте- и газодобычей в регионах. Эксклавы расположены на относительно небольшой удаленности от материнской территории (50—75 км) и обладают повышенной связанностью с ней всеми видами транспорта. Регионы также вовлечены в морехозяйственную деятельность, развивая портовую инфраструктуру и логистику, рыбную и «приморскую» промышленность. Для эксклавов отсутствует субсидирование транспортного сообщения с материнским государством, но установлены специальные налоговые режимы. Так, налоговые преференции для инвесторов в сфере туризма в Мусандаме направлены на диверсификацию экономики. Специальный налоговый режим в Кабинде (Cabinda VAT Special Regime) создан для повышения конкурентоспособности производимой в регионе продукции (кроме нефтедобывающей отрасли) и сохранения доступности импорта. Он предполагает ряд налоговых льгот, в том числе пониженную ставку налога на добавленную стоимость (1—2 % вместо 14 %) на товары и некоторые услуги.

Подтипы типа Б миграционно непривлекательных эксклавов выделены согласно той же логике — подтип Б1 с ведущей ролью миграции в воспроизводстве населения и подтип Б2 с второстепенной ролью миграции. К подтипу Б1 отнесены Сеута и Аляска, для которых отток населения нивелирует естественный прирост населения. К этому подтипу также отнесен Тембуронг, где миграция усиливает естественную убыль населения, что нетипично для страны в целом. Причина состоит в более высокой доле лиц старших возрастов и пониженной — в репродуктивных, что сказывается на более низкой рождаемости и повышенной смертности. В подтип Б2 включены Окуси-Амбено, Французская Гвиана и Мелилья — эксклавы, в которых миграционный отток отчасти сокращает естественный прирост.

Самый крупный по площади территории эксклав Аляска на треть расположен за полярным кругом. Суровые природно-климатические условия продолжают определять здесь характер миграционной ситуации. При этом специфика хозяйственной деятельности региона (ресурсодобывающая, с большой долей государственного сектора экономики) [34] и высокая транспортная связность эксклава с другими территориями, дополняемая субсидированием внутреннего авиасообщения, обуславливают высокий миграционный оборот. Несмотря на то что Аляска по уровню социально-экономического развития опережает соседнюю Канаду и многие штаты США, в регионе сохраняется миграционный отток.

Густонаселенные Мелилья и Сеута расположены в благоприятных природно-климатических условиях. Миграционные процессы здесь протекают в условиях крайне малой площади территории, а значит, ее ограниченной миграционной емкости и экономического потенциала. Миграционная ситуация в эксклавах характеризуется оттоком постоянного населения на основную территорию Испании по причине более низкого уровня жизни в регионе и наплыва африканских беженцев, стремящихся попасть в Европейский союз, что снижает привлекательность регионов для межрегиональных мигрантов [35]. Незначительный миграционный прирост в обмене с соседним Марокко сопровождается высокоинтенсивной кратковременной миграцией марокканцев в эксклавах. Этому способствуют более высокий уровень благосостояния в эксклавах (в 4 раза выше, чем в Марокко) и возможность краткосрочных безвизовых посещений испанских городов для жителей Марокко ввиду исключения из Шенгенского соглашения для испанских эксклавов.

Тембуронг, Окуси-Амбено и Французская Гвиана расположены в неблагоприятных природно-климатических условиях экваториального и субэкваториального климатов. Экономика эксклавов слаборазвита, приморское положение практически не используется для развития, регионы в значительной степени зависят от государственных субсидий. В Тембуронге и Окуси-Амбено преобладают сельское хозяйство и экотуризм (в Тембуронге), во Французской Гвиане — рыболовство и добыча морепродуктов, лесозаготовки. Транспортная доступность наиболее удаленного эксклава Французской Гвианы остается самой низкой среди всех рассматриваемых регионов — экономическая доступность авиасообщения ограничивается пониженным относительно среднего по материнской стране уровнем экономического развития. Транспортная связность с соседними странами более интенсивная по причине расширенных возможностей транспортного сообщения (есть сухопутное, судоходное и авиасообщение) и его более высокой экономической доступности ввиду положительного градиента в экономическом развитии с соседними странами. Окуси-Амбено и Тембуронг имеют относительно более тесную транспортную связность с материнским государством по суше, по воде и по воздуху (кроме Тембуронга). Однако ни в одном из эксклавов этого подтипа не предусмотрено субсидирование транспортного коридора, связывающего их с материнскими государствами.

В тип В включены эксклавы, отнесенные к миграционной периферии с низким сальдо миграции (Дубровник, Гибралтар, Северная Ирландия), практически не влияющим на динамику численности населения. Такая ситуация может объясняться разными причинами, однако основными считаются старение населения, рост числа собственников жилья, культурная укорененность, повсеместное развитие форм удаленной занятости [36]. В Северной Ирландии также имеет значение зачастую негативное отношение к мигрантам в обществе вследствие того, что страна только относительно недавно стала регионом иммиграции [37]. Экономика Северной Ирландии наиболее диверсифицирована, морехозяйственный сектор

экономики высоко развит. В то же время у региона сохраняется отрицательный градиент экономического развития относительно материнской и соседней стран, что снижает его привлекательность для мигрантов из других регионов Великобритании и Ирландии. Дополнительным фактором низкоинтенсивных миграционных процессов в Гибралтаре и Дубровнике выступает миграционная емкость. В Гибралтаре она в значительной степени определяется площадью территории (< 7 км²), а в Дубровнике — высокой нагрузкой со стороны туристов¹ и ограничениями, связанными со статусом объекта культурного наследия ЮНЕСКО для территории старого города.

Для более глубокого анализа выбраны территории, демонстрирующие типичные черты развития миграционных процессов в прибрежных эксклавах. В их числе Калининградская область и Аляска, в миграционной обстановке которых ведущую роль играет межрегиональная миграция; Северная Ирландия, для которой характерна повышенная замкнутость миграционных процессов внутри эксклава; Окуси-Амбено, ориентированный преимущественно на миграционное взаимодействие с соседними странами; Республика Крым, вовлеченная в миграционный обмен одновременно и с соседним, и с материнским государствами.

Миграционная специфика некоторых типичных прибрежных эксклавов

Калининградский эксклав — центр привлекательности для внутренних мигрантов

Калининградская область РФ является переселенческим регионом, население которого сформировано советскими переселенцами после вхождения области в состав РСФСР в 1946 г. Регион на протяжении всей постсоветской истории имел миграционный прирост. Новый виток роста сальдо миграции эксклава начался после 2016 г. и был обусловлен выходом России из кризиса (связанного с санкционным противостоянием Россия — Запад после вхождения Крыма и Севастополя в состав РФ в 2014 г.) и ростом популярности отдыха в регионе среди туристов из других регионов России. Приток туристов привел к росту узнаваемости области, стимулировал инвестиции и изменение облика региона, насыщение транспортной связности с регионами РФ, что привело к увеличению притока мигрантов из других регионов РФ [28].

На межрегиональную миграцию приходится более 60 % миграционного прироста населения региона и около 36 % валовой миграции (рис. 3). Основными причинами выбора эксклава для переселенцев из России выступают благоприятные природно-климатические условия, хорошая экология, историко-культурная и географическая уникальность, стоимость жилья [28]. Поэтому неудивительно, что мигранты представляют преимущественно регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока России [28]. География регионов назначения мигрантов из Калининградской области косвенно отражает выталкивающие факторы экономической и образовательной миграции, обусловленные, в свою очередь, эксклавностью и малым размером области (то есть ограниченным объемом экономики): жители региона чаще выбирают столичные Москву и Санкт-Петербург с областями [38].

¹ Dubrovnik ahead of Venice with most tourists per resident in Europe, 2023, *CroatiaWeek*, URL: <https://www.croatiaweek.com/dubrovnik-ahead-of-venice-with-most-tourists-per-resident-in-europe/> (дата обращения: 26.02.2024).

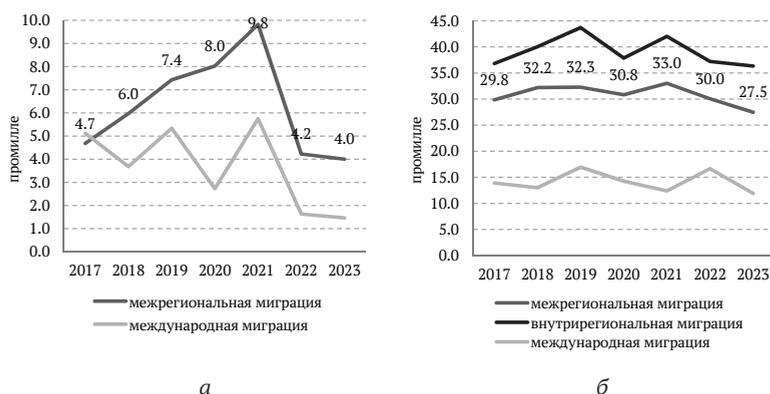

Рис. 3. Основные показатели миграции населения в Калининградской области в 2017—2023 гг.:

а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Росстата.

На преодоление транспортных издержек направлены меры по субсидированию пассажирского авиасообщения с материнской территорией и морских грузоперевозок (с 2022 г.). Для жителей региона действует упрощенный порядок сухопутного транзита через Литву. Реализуются проекты по повышению экономической безопасности региона (например, в сфере энергетики — построен терминал по приему СПГ и плавучая регазификационная установка, создано подземное газохранилище), действует режим ОЭЗ, позволяющий поддерживать конкурентоспособность местной продукции.

Аляска — донор внутренних мигрантов для других штатов США

Миграционные процессы на Аляске традиционно носили во многом вынужденный или экономический характер. Большую долю здесь составляли военнослужащие, направлявшиеся к новому месту службы, и мигранты в поисках более высоких заработков в рыбной отрасли и на горнодобывающих предприятиях¹. Так, сегодня в добыче полезных ископаемых и в рыбной промышленности занято 28 и 20 % всех занятых в производстве соответственно². Доля военнослужащих составляет около 7 %³. По данным за 2018 г., удельный вес коренных жителей эксклава составил 42 %, в то время как еще 46 % пришлось на уроженцев других американских штатов и около 12 % — на рожденных за границей (Филиппины — 3 %)⁴.

¹ Williams, G. 2004 Migration, *Alaska economic trends*, URL: <https://akdolphp.ayera.net/sites/default/files/trendsArt/jul04art1.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

² ALASKA MONTHLY EMPLOYMENT STATISTICS, *Department of Labor and Workforce Development*, URL: <https://live.laborstats.alaska.gov/labforce/000000/01/ces.html#y2022> (дата обращения: 21.03.2024).

³ Alaska Population Overview 2019 Estimates, *Alaska Department of Labor and Workforce Development*, URL: <https://live.laborstats.alaska.gov/pop/estimates/pub/19popover.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Alaska Migration History 1900—2018, *America's Great Migrations Project*, URL: <https://depts.washington.edu/moving1/Alaska.shtml> (дата обращения: 21.03.2024).

Миграционный опыт жителей Аляски, их неукорененность, неблагоприятные природно-климатические условия выталкивают местное население в другие штаты США, снижая значимость преимуществ опережающего экономического развития. Этому также способствует субсидируемое авиасообщение внутри штата, которое повышает доступность центральных аэропортов, через которые осуществляется сообщение с материнской территорией, для жителей удаленных территорий. Суммарно за 2017—2023 гг. эксклав потерял почти 50 тыс. чел., или 6,6 % населения, и только лишь пятая часть была компенсирована притоком из других стран, главным образом с Филиппин (рис. 4).

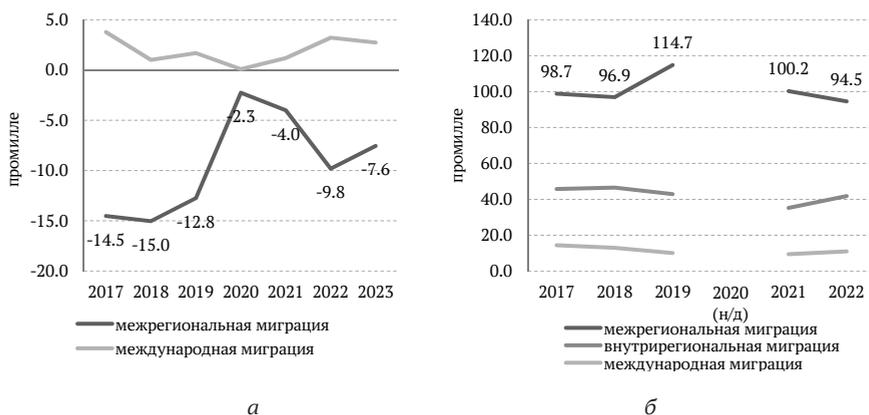

Рис. 4. Основные показатели миграции населения Аляски в 2017—2023 гг.:

а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Бюро переписи населения США.

Мобильность населения внутри штата остается высокой — около 40%, что превышает значения по другим эксклавам. Этому благоприятствует субсидируемое авиасообщение внутри штата. Но все же она менее интенсивна, чем внешняя миграция — на нее приходится 28 % от всей валовой миграции Аляски¹.

Окуси-Амбено: миграционная убыль сельского населения в результате эмиграции и урбанизации

Население Окуси-Амбено согласно данным переписи 2022 г. является высокоукорененным — доля уроженцев эксклава превышает 90 %². Значительная миграционная убыль населения этого аграрного эксклава связана прежде всего с оттоком за рубеж, поскольку удаленность и низкая экономическая доступность транспортного сообщения с материнским государством, а также отсутствие тесных социальных связей с народами восточной части страны (из-за этнической близости народам западной части) препятствуют интенсивному миграционному взаимодействию с другими регионами Восточного Тимора. В международной миграции эксперты выделяют два основных направления: а) в культурно и экономи-

¹ K200701 Geographical Mobility in the Past Year in the United States, *United States Census Bureau*, URL: <https://data.census.gov/table?q=%20K200701%20alaska&y=2022> (дата обращения: 21.03.2024).

² Timor-Leste Population and Housing Census 2022, *INETL, I.P.*, URL: <https://inetl-ip.gov.tl/2023/05/18/table-main-report-timor-leste-population-and-housing-census-2022/> (дата обращения: 25.03.2024).

чески близкий сопредельный регион Индонезии — Восточная Нуса-Тенгар; б) в экономически развитые зарубежные страны, что соответствует общестрановым тенденциям (Австралия, Португалия, Великобритания)¹. Менее интенсивная межрегиональная миграционная убыль населения связана с процессами урбанизации и переселением сельского населения эксклава в столичный регион Дили — именно здесь, по данным переписи 2022 г., проживала самая большая доля уроженцев эксклава, когда-либо покинувших свое место рождения в пределах страны (76 %). Преодоление издержек пространственной обособленности Окуси-Амбено связывают с созданием особого льготного режима налогообложения в рамках специального административного района, направленного на развитие международного туризма [39].

Северная Ирландия: повышенная миграционная замкнутость при ориентации на международный миграционный обмен

В миграционном движении населения Северной Ирландии преобладают перемещения на расстояние 10—50 км [40]. Более 80 % жителей эксклава, которые за последний год (2020) меняли место жительства, не выезжали за его пределы, подавляющее большинство не покидало своего района проживания². Это объясняется неоднородностью уровня и качества жизни населения эксклава, отставанием от среднего уровня по материнской и соседней странам, недостаточностью субсидирования³ транспортной связности с материнским государством. Значение имеет также религиозный состав населения: протестанты (44 % населения) более мобильны на расстояния до 50 км [40].

Главным драйвером изменения миграционной ситуации в Северной Ирландии, ориентированной на внутреннее перемещение, выступает международная миграция, а именно обмен с соседней Ирландией (рис. 5). Ведущую роль здесь играет наличие тесных социальных (зачастую семейных) связей жителей по обе стороны границы. Важное значение имеет также транспортная связность территорий и действующая Общая зона путешествий (Common Travel Area)⁴, которая предполагает проживание и работу граждан Ирландии в Великобритании (и граждан Великобритании в Ирландии) без каких-либо ограничений и условий.

Тесные миграционные связи также лежат в основе иммиграции из Индии и Китая, чему в 2022 г. способствовала либерализация визового режима для высококвалифицированных специалистов и медицинских работников [37]. Кроме того, эксклав привлекателен для трудовых мигрантов из стран с более низким уровнем жизни и проблемами безработицы — Румынии, Болгарии, Польши, Литвы⁵. И наконец, еще одним каналом переезда в эксклав является «стихийная» миграция беженцев из зон военных конфликтов (Украина, Сирия).

¹ World Bank Group, 2016, Democratic Republic of Timor-Leste — Oecusse Economic and Trade Potential, World Bank Publications — Report № ACS18457 v II, The World Bank Group.

² Census 2021 main statistics migration tables, NISRA, URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/census-2021-main-statistics-migration-tables> (дата обращения: 21.02.2024).

³ Для эксклава действует субсидирование транспортной связности территорий Великобритании (The Public Service Obligation).

⁴ Распространяет действие на граждан Великобритании, Ирландии, а также с 2022 г. Китая и Индии на территории Великобритании, Ирландии, острова Мэн и Нормандских островов.

⁵ NISRA Statistical Bulletin, NISRA, URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/Mig1718-Bulletin.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).

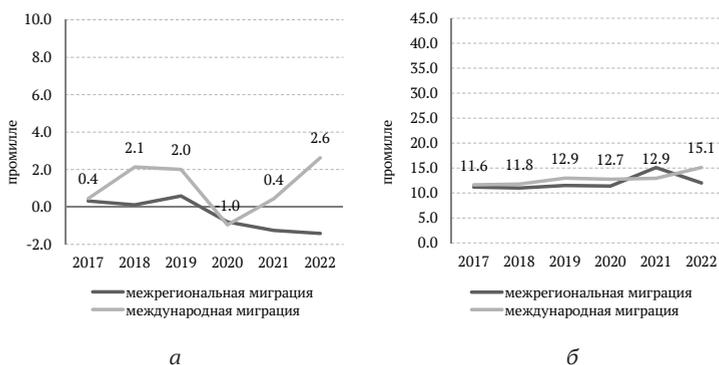

Рис. 5. Основные показатели миграции населения в Северной Ирландии в 2017—2022 гг.: а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Агентства статистики и исследований Северной Ирландии (NISRA).

Республика Крым — эксклав с развитым миграционным взаимодействием с материнским и соседним государствами

Определяющую роль в развитии миграционной ситуации в Крыму после 2014 г. играли два процесса: существенное возрастание миграционного обмена с другими регионами России вследствие вхождения региона в состав РФ и нарастающий приток мигрантов из Украины. При этом миграционный обмен с территориями России остается низкорезультативным, напротив, менее интенсивный обмен с зарубежными странами (преимущественно с Украиной) определяет 73 % миграционного прироста. Драйвером активизации межрегиональной миграции стала активная интеграция региона в российскую политико-правовую и социально-экономическую среду, формирование системы безопасности региона, что требовало привлечения специалистов соответствующей квалификации [41]. Стимулирующую роль оказывает также субсидирование железнодорожного сообщения и реализация льготного режима налогообложения (Крымская СЭЗ). Приток мигрантов из Украины обусловлен переселением части русскоговорящего населения в Россию вследствие дискриминации русскоязычных граждан на Украине.

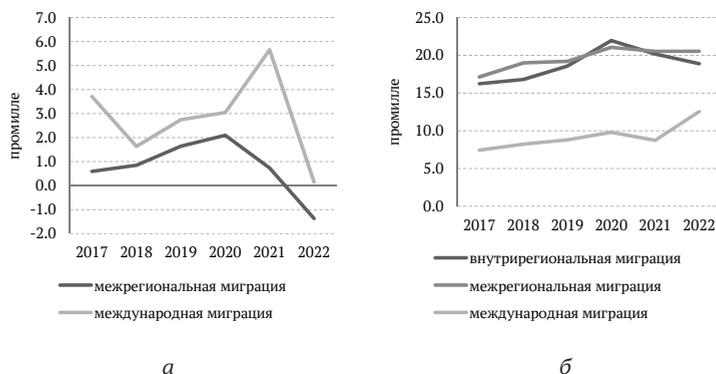

Рис. 6. Основные показатели миграции населения в Республике Крым в 2017—2023 гг.: а — коэффициент сальдо миграции; б — коэффициент интенсивности валовой миграции

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Заключение

Исследование показало, что сама по себе эксклавность довольно редко определяет специфику развития миграционных процессов в прибрежных эксклавах. Она может играть ключевую роль только в трех случаях: при значительной удаленности эксклава от материнского государства, его низком уровне социально-экономического развития, обуславливающим низкую экономическую доступность транспортного сообщения с материнским государством, или при сочетании этих двух условий. Во всех остальных случаях эксклавность уступает другим факторам, оказывающим влияние на миграционную ситуацию. Основными среди них являются природно-климатические условия, отраслевая специализация экономики (нефте- и газодобыча, «морские» виды экономической деятельности), уровень социально-экономического развития относительно материнской и соседних стран, историко-культурная обусловленность миграционных связей, емкость территории и наличие специальных режимов преодоления издержек территориальной обособленности. Примером первого выступает Французская Гвиана, характеризующаяся пониженным отрицательным сальдо миграции. Удаленность, дополненная неблагоприятными природно-климатическими условиями, здесь определяет не только пространственную обособленность и низкую транспортную связность, но и периферийность эксклава, что, в свою очередь, снижает экономическую доступность транспортного сообщения с материнским государством и миграционную привлекательность для окружающих государств. Низкий уровень социально-экономического развития по причине эксклавности также определяет миграционный отток населения в отсталом аграрном Окуси-Амбено главным образом по направлению соседней Индонезии.

В то же время исследование показало, что столь разные прибрежные эксклавы мира могут быть типологизированы по характеру протекания миграционных процессов в них. Лишь четыре прибрежных эксклава характеризуются миграционным приростом — это Калининградская область и Крым, Кабинда и Мусандам. Немаловажную роль при этом играет политика по преодолению издержек эксклавности, более активно реализуемая в Калининградской области и Кабинде. Однако во всех остальных эксклавах, по-видимому, предпринимаемые меры не являются в достаточной мере эффективными и не создают условий для формирования миграционного прироста. Поэтому 6 из 13 эксклавов отнесены к миграционно непривлекательным, а в 3 миграционные процессы крайне незначительны.

В ходе исследования сформулированные гипотезы нашли свое подтверждение. Вопреки широкому набору мер преодоления издержек эксклавности и содействию миграционному обмену с соседней Ирландией в Северной Ирландии наблюдается замкнутость миграционных процессов. По причине низкого уровня социально-экономического развития и ввиду исторических предпосылок аграрный Окуси-Амбено ориентирован на миграционный обмен с соседней Индонезией в большей степени, чем на межрегиональную миграцию. Межрегиональная миграция в Калининградской области и на Аляске преобладает по разным причинам. В российском эксклаве причина привлекательности региона состоит в вынужденном замыкании миграционных процессов в границах страны (под влиянием санкций, пандемии COVID-19) и одновременно росте уровня жизни в эксклаве при активной политике по преодолению издержек эксклавности. Для Аляски ключевую роль играют природно-климатические и экономические факторы, выталкивающие население из региона. Совмещение высокоинтенсивного миграционного взаимодей-

ствия с материнским и соседним государствами было присуще Крыму по причине интеграции эксклава в российское пространство и наличия тесных социальных связей с Украиной.

Перспективы исследования связаны с более детальным изучением факторов притяжения и выталкивания мигрантов в типологических группах прибрежных эксклавов. Интерес также представляет анализ динамики миграционных процессов на более широком временном горизонте с целью верификации изменения миграционной ситуации в условиях «экономических и политических шоков, в особенности в рамках отношений “материнское государство — окружающее государство”» [42, с. 301].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

Список литературы

1. Рожков-Юрьевский, Ю. Ю. 2013, Понятия «Анклав / энклав» и «Эксклав» и их использование для политико-географической характеристики Калининградской области, *Балтийский регион*, № 2, с. 113—123, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2013-2-11>
2. Зверев, Ю. М. 2018, Прибрежные эксклавы среди анклавных территорий мира, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 18—32.
3. Винокуров, Е. Ю. 2007, *Теория анклавов*, Калининград.
4. Рожков-Юрьевский, Ю. Д. 2016, Калининград и Крым как эксклавы России. Сходства и различия, взаимные связи, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 28—44. EDN: XBOEPR
5. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2023, Дальность миграции населения в России с учетом демографических характеристик мигрантов, *Балтийский регион*, № 15 (2), с. 4—22, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>
6. Волошенко, К. Ю., Фидря, Е. С., Лялина, А. В., Фарафонова, Ю. Ю., Новикова, А. А. 2023, Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из регионов России, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5, с. 151—176, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376>
7. Лялина, А. В. 2024, Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, с. 85—106, <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2024-1-6>
8. Попкова, Л. И. 2023, Миграционные процессы в регионах Западного порубежья России с сухопутной границей, в: Клемешев, А. П., Лялина, А. В. (ред.), *Миграционные процессы в формировании трудового потенциала приграничных регионов России: 2011—2021*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, с. 159—178. EDN: AZFXLC
9. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals — XXI*, vol. 163, № 1-2, p. 26—30, <https://doi.org/10.21003/ea.v163-05>
10. Михель, Е. А., Крутова, О. С. 2011, Миграционные процессы в зеркале трансформаций: приграничные регионы России, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, № 2 (14), с. 86—95. EDN: NRCNXL
11. Колосов, В. А. 2016, Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? *Региональные исследования*, № 3 (53), с. 83—93. EDN: XСNYBB
12. Катровский, А. П., Ковалев, Ю. П. (ред.). 2012, *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен*, Смоленск, Универсум, 288 с. EDN: QVLCOZ

13. Волощенко, К. Ю., Лялина, А. В. 2022, Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 102 — 128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
14. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L., Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, № 4, p. 151 — 166, <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>
15. Колосов, В. А. (ред.). 2018, *Российское пограничье: вызовы соседства*, М., ИП Магушкина, 562 с. EDN: HMTFQP
16. Омельченко, Д. А., Максимова, С. Г., Молодикова, И. Н. 2018, Риски международной миграции и политика интеграции в азиатском приграничье России (по данным социологического исследования в Алтайском крае), *Society and Security Insights*, № 3, с. 53 — 77. EDN: VKVAOA
17. Villarreal, A., Hamilton, E. R. 2012, Rush to the border? Market liberalization and urban- and rural-origin internal migration in Mexico, *Social Science Research*, vol. 41, № 5, p. 1275 — 1291, <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.02.007>
18. Vezzoli, S. 2012, How do borders influence migration? Insights from open and closed border regimes in the three Guianas, *Comparative Migration Studies*, vol. 9, № 9, <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00213-1>
19. Щекотуров, А. В., Кришталь, М. И. 2021, Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016 — 2020 гг., *Вестник Московского университета. Сер. 18.: Социология и политология*, т. 27, № 3, с. 43 — 62. EDN: VUKIWH
20. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, № 61, p. 219 — 249, <https://doi.org/10.2307/213996>
21. Teka, O., Chabi, R. B. K., Adeleke, M. L., Vogt, J., Kramer, C., Sinsin, B. 2017, Current migrations into coastal zones of Benin: motives, ecological consequences and social realities, *European Journal of Geography*, vol. 8, № 4, p. 41 — 63.
22. O'Reilly, K. 2009, *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*, Ashgate Publishing, Ltd.
23. Merckens, J.-L., Reimann, L., Hinkel, J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, vol. 145, p. 57 — 66, <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>
24. Siddiqui, M. R., Hossain, M. A. 2019, Climate Change and Migration in Coastal Areas in South Asia, in: Leal Filho, W., Azul, A., Brandli, L., Özuyar, P., Wall, T. (eds.), *Climate Action. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71063-1_101-1
25. Рыбаковский, Л. Л. 2017, Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи, *Народонаселение*, № 2 (76), с. 51 — 60. EDN: ZDQTLZ
26. Алешковский, И. А. 2007, *Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика*, М. EDN: XSNZHF
27. Лялина, А. В. 2021, Типология миграционных процессов в приморских регионах России, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 42 — 59. EDN: XKYEER
28. Абылкаликов, С. И. 2015, Типологический анализ регионов России по миграционным характеристикам, *Региональная экономика: теория и практика*, № 22 (397), с. 21 — 30. EDN: TWILNL
29. Einem, C. K.-V., Panter, J., Reid, A. 2023, A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling, *Population, Space and Place*, vol. 29, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2694>
30. Parreño-Castellano, J. M., Moreno-Medina, C., Domínguez-Mujica, J., Santana Rivero, C. 2021, Mapping foreign immigration in Spain (1998 — 2018). Trends and spatial patterns, *Journal of Maps*, vol. 17, № 1, p. 79 — 84.
31. Абылкаликов, С. И. 2015, Миграционная активность и приживаемость населения регионов России, *Региональные исследования*, № 3 (49), с. 65 — 73. EDN: SYSJRK

32. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2015, Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России, *Вопросы географии, № 141: Проблемы регионального развития России*, с. 209—233.

33. Maksimova, M., Omelchenko, D., Maximova, S. 2019, Migration processes in the regions of the Asian border region of Russia: the experience of building a typology, in: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)*, № 364, p. 722—726, <https://doi.org/10.2991/icsdcbr-19.2019.147>

34. Heleniak, T. 2014, Migration in the Arctic, in: Heininen, L. (eds.), *Arctic Yearbook 2014*, Northern Research Forum.

35. Черкасова, Е. 2017, Проблема Сеуты и Мелильи во внешней политике Испании, *Cuadernos Iberoamericanos*, № 1, с. 66—72, <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2017-1-66-72>

36. Green, A. 2018, Understanding the drivers of internal migration, in: Champion, T., Cooke, T., Shuttleworth, I. (eds.), *Internal migration in the developed world*, London, Routledge, p. 120—146, <https://doi.org/10.4324/9781315589282-2>

37. McGinnity, F., Laurence, J., Cunniffe, E. 2023, Comparing migrant integration in Ireland and Northern Ireland, *ESRI Research Series 158*, Dublin, ESRI.

38. Лялина, А. В. 2018, Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 47—64. EDN: YVBBXF

39. Yoder, L. S. M. 2019, From ‘Special treatment’ to a Special Economic Zone: Antecedents to ZEESM in the Oecusse-Ambeno enclave, in: McWilliam, A., Leach, M. (eds.), *Routledge Handbook of Contemporary Timor Leste*, London ; New York, Routledge, p. 110—123.

40. Shuttleworth, I., Foley, B., Champion, T. 2021, Internal migration in Northern Ireland: Are people becoming more stuck in place?, *Population, Space and Place*, vol. 27, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2338>

41. Ожегова, Л. А., Сазонова, Г. В. 2023, Миграционные процессы в регионах Азово-Черноморского бассейна западного побережья России, в: Клемешев, А. П., Лялина, А. В. (ред.), *Миграционные процессы в формировании трудового потенциала приграничных регионов России: 2011—2021*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, с. 178—197. EDN: TLLQTH

42. Robinson, G. W. C. 1959, Exclaves, *Annals of the Association of American Geographers*, № 49 (3), p. 283—295.

Об авторах

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

Ангелина Петровна Плотникова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

MIGRATION TYPOLOGY OF THE WORLD'S COASTAL EXCLAVES

A. V. Lialina

A. P. Plotnikova

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 05 March 2024

Accepted 03 September 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-4-8

© Lialina, A. V., Plotnikova, A. P., 2024

A significant contribution to the study of migration in the exclave region of Kaliningrad, including an analysis of determining factors, was made by Dr. hab. Prof Gennady Fedorov, who conceptualised migration movements as a demographic element within the geo-demographic context. He was the first to highlight the distinctive nature of migration processes in the region, shaped by its historical background and unique economic-geographical position. This article examines how the exclave position, including spatial remoteness from the parent state, affects migration patterns. To this end, migration is examined in thirteen coastal exclaves worldwide, excluding military bases and uninhabited territories. Situated in diverse regions worldwide, these areas are characterised by varying climatic, economic, and institutional conditions, as well as distinct historical and cultural features in societal development, each overcoming the challenges of spatial isolation in a unique way. These differences are reflected in the attractiveness of the exclaves to migrants and, consequently, in the current migration situation. This study is the first attempt to produce a typology of exclaves by examining local migration situations. To this end, exclaves are compared using indicators of population migration, its role in population replacement, transport connectivity with the parent and neighbouring states and the natural and socio-economic conditions of regional development from 2017 to 2022. The comparison produces a typology of coastal exclaves based on the characteristics of migration processes. Exclaves that lack attractiveness to migrants include those developing under harsh climatic conditions such as Alaska; those experiencing extreme temperatures and possessing underdeveloped economies like Oecussi-Ambeno, Temburong and French Guiana; and densely populated exclaves facing a massive refugee influx, such as Ceuta and Melilla. Attractive exclaves are economically prosperous regions that take advantage of their coastal location, such as the Kaliningrad region and Crimea, and specialise in oil and gas production, for example, Cabinda and Musandam. The third type comprises the most densely populated exclave of Gibraltar, along with the highly developed regions of Dubrovnik and Northern Ireland, where migration has minimal impact on population replacement.

Keywords:

migration, exclavity, coastal exclave, coastal position, border position, Kaliningrad region

References

1. Rozhkov-Yuryevsky, Yu.D. 2013, The concepts of enclave and exclave and their use in the political and geographical characteristic of the Kaliningrad region, *Baltic Region*, №2, p. 113—123, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-2-11>
2. Zverev, Yu.M. 2018, Coastal exclaves among enclosed territories of the world, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, №4, p. 18—32. EDN: YVBBVZ (in Russ.).

3. Vinokurov, E. Yu. 2007, *Teorija anklavov*, Kaliningrad (in Russ.).
4. Rozhkov-Yuryevsky, Yu. D. 2016, Kaliningrad and Crimea as Russian exclaves: similarities, differences, and interconnections, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 28—44. EDN: XBOEPR (in Russ.).
5. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V., 2023. Migration distances in Russia: a demographic profile of migrants, *Baltic Region*, vol. 15, № 2, p. 4—22, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>
6. Voloshenko, K. Yu., Fidrya, E. S., Lialina, A. V., Farafonova, Yu. Yu., Novikova, A. A. 2023, Motives for the Migration of It Specialists to the Kaliningrad Region from Russian Regions. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, № 5, p. 151—176, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376> (in Russ.).
7. Lialina, A. V. 2024, Social and economic development of the Kaliningrad region in new conditions: local specifics, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1, p. 85—106, <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2024-1-6> (in Russ.).
8. Popkova, L. I. 2023, Migration processes in the regions of the Western borderlands of Russia with a land border, in: Klemeshev, A. P., Lialina, A. V. (eds.), *Migration processes in the formation of the labor potential of the border regions of Russia: 2011—2021*, Kaliningrad, IKBFU Press, p. 159—178. EDN: AZFXLC
9. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals — XXI*, vol. 163, № 1-2, p. 26—30, <https://doi.org/10.21003/ea.v163-05>
10. Mikhel, E. A., Krutova, O. S. 2011, Migratory processes as mirrored by the transformations: border regions in Russia, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, № 2, p. 74—83. EDN: UCDQBR
11. Kolosov, V. A. 2016, Cross-border regionalisation and commuters: european experience for Russia? *Regional Studies*, № 3 (53), p. 83—93. EDN: XCNYYB (in Russ.).
12. Katrovsky, A. P., Kovalev, Yu. P. (eds.). 2012, *The Russian-Belarusian border area: twenty years of changes*, Smolensk, Universum. EDN: QVLCOZ (in Russ.).
13. Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V. 2022, Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions, *Baltic Region*, vol. 14, № 3, p. 102—128, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
14. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L., Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a bel-földi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, № 4, p. 151—166, <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>
15. Kolosov, V. A. (eds.). 2018, *The Russian border: challenges of the neighborhood*, M., IP Matushkina. EDN: HMTFQP (in Russ.).
16. Omelchenko, D., Maximova, S., Molodikova, I. 2018, Risks of international migration and integration policy Asian Boderland (on the results of sociological research in the Altai Territory), *Society and Security Insights*, № 3, p. 53—77. EDN: VKVAOA (in Russ.).
17. Villarreal, A., Hamilton, E. R. 2012, Rush to the border? Market liberalization and urban-and rural-origin internal migration in Mexico, *Social Science Research*, vol. 41, № 5, p. 1275—1291, <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.02.007>
18. Vezzoli, S. 2012, How do borders influence migration? Insights from open and closed border regimes in the three Guianas, *Comparative Migration Studies*, vol. 9, № 9, <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00213-1>
19. Shchekoturov, A. V., Krishtal, M. V. 2021, Dynamics of territorial identity and perception of the status of the region by residents of the Kaliningrad region in 2016—2020, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 27, № 3, p. 43—62. EDN: VUKIWH (in Russ.).
20. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, № 61, p. 219—249, <https://doi.org/10.2307/213996>
21. Teka, O., Chabi, R. B. K., Adeleke, M. L., Vogt, J., Kramer, C., Sinsin, B. 2017, Current migrations into coastal zones of Benin: motives, ecological consequences and social realities, *European Journal of Geography*, vol. 8, № 4, p. 41—63.

22. O'Reilly, K. 2009, *Lifestyle Migration: Expectations, Aspirations, and Experiences*, Ashgate Publishing, Ltd.
23. Merkens, J.-L., Reimann, L., Hinkel, J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, vol. 145, p. 57—66, <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>
24. Siddiqui, M. R., Hossain, M. A. 2019, Climate Change and Migration in Coastal Areas in South Asia, in: Leal Filho, W., Azul, A., Brandli, L., Özuyar, P., Wall, T. (eds.), *Climate Action. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Springer, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-319-71063-1_101-1
25. Rybakovsky, L. L. 2017, Factors and causes of migration, mechanism of their relationship, *Narodonaselenie*, № 2 (76), p. 51—60. EDN: ZDQTLZ (in Russ.).
26. Aleshkovski, I. A. 2007, Internal migration in modern Russia: trends, determinants, politics, Moscow. EDN: XSNZHF (in Russ.).
27. Lialina, A. V. 2021, Typology of migration processes of Russian coastal regions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 42—59. EDN: XKYEPP (in Russ.).
28. Abylkalikov, S. I. 2015, A typological analysis of Russian regions on migration characteristics, *Regional Economics: Theory and Practice*, № 22 (397), p. 21—30. EDN: TWILNL (in Russ.).
29. Einem, C. K.-V., Panter, J., Reid, A. 2023, A longitudinal area classification of migration in Great Britain: Testing the application of Group-Based Multi-Trajectory modelling, *Population, Space and Place*, vol. 29, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2694>
30. Parreño-Castellano, J. M., Moreno-Medina, C., Domínguez-Mujica, J., Santana Rivero, C. 2021, Mapping foreign immigration in Spain (1998—2018). Trends and spatial patterns, *Journal of Maps*, vol. 17, № 1, p. 79—84.
31. Abylkalikov, S. I. 2015, Migration activity and adaptation of population in regions of Russia, *Regional Studies*, № 3 (49), p. 65—73. EDN: SYSJRK (in Russ.).
32. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. 2015, Role of migration in demographic development of regional centers of Russia, *Voprosy geografii, № 141: Problemy regional'nogo razvitiya Rossii*, p. 209—233 (in Russ.).
33. Maksimova, M., Omelchenko, D., Maximova, S. 2019, Migration processes in the regions of the Asian border region of Russia: the experience of building a typology, in: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)*, № 364, p. 722—726, <https://doi.org/10.2991/icsdcb-19.2019.147>
34. Heleniak, T. 2014, Migration in the Arctic, in: Heininen, L. (eds.), *Arctic Yearbook 2014*, Northern Research Forum.
35. Cherkasova, E. 2017, The problem of Ceuta and Melilla in Spanish foreign policy, *Cuadernos Iberoamericanos*, № 1, p. 66—72, <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2017-1-66-72> (in Russ.).
36. Green, A. 2018, Understanding the drivers of internal migration, in: Champion, T., Cooke, T., Shuttleworth, I. (eds.), *Internal migration in the developed world*, London, Routledge, p. 120—146, <https://doi.org/10.4324/9781315589282-2>
37. McGinnity, F., Laurence, J., Cunniffe, E. 2023, Comparing migrant integration in Ireland and Northern Ireland, *ESRI Research Series 158*, Dublin, ESRI.
38. Lialina, A. V. 2018, Interregional and cross-country flows of labor resources in the Kaliningrad region: factors and vectors in the contemporary Eurasian context, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 4, p. 47—64. EDN: YVBBXF (in Russ.).
39. Yoder, L. S. M. 2019, From 'Special treatment' to a Special Economic Zone: Antecedents to ZEESM in the Oecusse-Ambeno enclave, in: McWilliam, A., Leach, M. (eds.), *Routledge Handbook of Contemporary Timor Leste*, London ; New York, Routledge, p. 110—123 (in Russ.).
40. Shuttleworth, I., Foley, B., Champion, T. 2021, Internal migration in Northern Ireland: Are people becoming more stuck in place?, *Population, Space and Place*, vol. 27, № 7, <https://doi.org/10.1002/psp.2338>

41. Ozhegova, L. A., Sazonova, G. V. 2023, Migration processes in the regions of the Azov-Black Sea basin of the Western borderlands of Russia, in: Klemeshev, A. P., Lialina, A. V. (eds.), *Migration processes in the formation of the labor potential of the border regions of Russia: 2011–2021*, Kaliningrad, IKBFU Press, p. 178–197. EDN: TLLQTH (in Russ.).

42. Robinson, G. W. C. 1959, Exclaves, *Annals of the Association of American Geographers*, № 49 (3), p. 283–295.

The authors

Dr. Anna V. Lialina, Research Associate, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

Angelina P. Plotnikova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: a.plotnikova.1416@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5502-8866>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что
— работа не была опубликована ранее в другом журнале;
— не находится на рассмотрении в другом журнале;
— все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) пристатейные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2024
Volume 16
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2024.
190 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236041

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2024

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr. **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr. **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr. **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr. **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr. **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Editorial

Druzhinin, A. G., Kaledin, N. V., Klemeshev, A. P. Professor Gennady Fedorov: legacy of scientific excellence and personal magnetism 4

Economy

Kropinova, E. G., Shastitko, A. E. Evidence-based economic policy at the regional level 12

Voloshenko, K. Yu. Economic security as a driver of Russian exclave development in alignment with national interests 31

Varnavskii, V. G. Structural shifts in the Baltic States' foreign trade 51

Rural development

Kostyaev, A. I., Nikonova, G. N. Dynamics of differentiation of rural North-West of Russia: main trends and features 72

Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G. Comprehensive typology of rural settlements in the Kaliningrad region 100

Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A., Sebentsov, A. B., Karpenko, M. S. Adaptation of the territorial organisation of agriculture in a peripheral region to the operations of agricultural holdings 121

International relations

Zhukovsky, I. I. The model of international relations in the Baltic Sea region: political shifts and current challenges 145

Exclaves

Lialina, A. V., Plotnikova, A. P. Migration typology of the world's coastal exclaves ... 161

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2024

Том 16

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 04.12.2024 г.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 16,6
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 139
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14